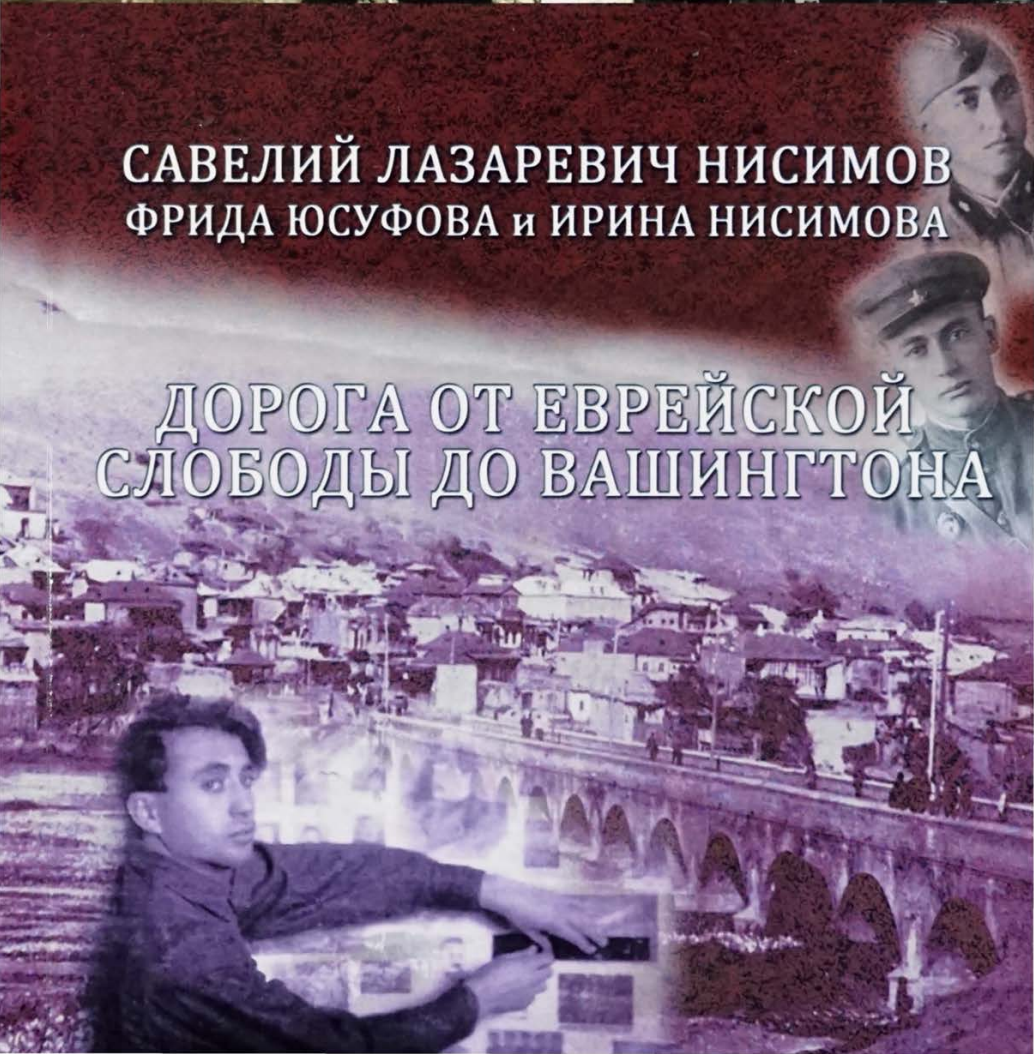

САВЕЛИЙ ЛАЗАРЕВИЧ НИСИМОВ
ФРИДА ЮСУФОВА и ИРИНА НИСИМОВА

ДОРОГА ОТ ЕВРЕЙСКОЙ
СЛОБОДЫ ДО ВАШИНГТОНА

**САВЕЛИЙ ЛАЗАРЕВИЧ НИСИМОВ
ФРИДА ЮСУФОВА И ИРИНА НИСИМОВА**

**ДОРОГА ОТ ЕВРЕЙСКОЙ
СЛОБОДЫ ДО ВАШИНГТОНА**

Записки ветерана

**I
НЕЗАБЫВАЕМЫЕ
СОРОК ТРУДНЫЕ ГОДЫ**

**II
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ**

Тель-Авив – 2019 – Вашингтон

Савелий Лазаревич (Рафоиль-Сэви) Нисимов, Фрида Юсуфова, Ирина Нисимова-Шамаилова - «Дорога от еврейской Слободы до Вашингтона», «Незабываемые сорок трудные годы».

Тель-Авив (Израиль), Вашингтон (США).

Четвёртое издание 2019 год.

стр.264.

Все права сохраняются авторами-составителями.

Редакторы, корректоры: Фрида Юсуфова, Ирина Нисимова, Соломон Бен Эмануэль.

Компьютерная графика, верстка: Фриды Юсуфовой.

Компьютерный набор Анны Капаевой.

Фото из семейного архива С.Л.Нисимова и его соплеменников и учеников – Михал, Эфрат, Марал Пинхасовых, Аси Билаловой, Джовоил Илишаевой, Тани Ефимовой, Рашибия Шамаева, Зои Ильягуевой, Гриши Абрамова, Антона Агаронова, Шунамит Хаимовой, Эммы Шальмиевой, Батцион Абрамовой, Алмас Беньяминовой, Ирит и Захара Исраиловых, Зорика Рабаева, Владимира Агабабаева, Эстэр Агаевой, Мардахая Нувахова и Фриды Юсуфовой.

© Frida Yusufova, copyright 2019, Israel.

E-mail: y9917118@014.net.il; frida.baruch@gmail.com

Tel. (972)504807118.

Типография - City Print.

Хайфа, Кирьят-Бялик.

Тель-Авив -2019- Вашингтон

*Даруемое или сердечное тепло,
Да растворится в душах, или любимых. -
Фрида Юсуфова.*

*Посвящается светлой памяти моих родителей -
Савелия Лазаревича и Шевы Львовны
Нисимовых и в их лице памяти всех наших
учителей из Еврейской-Красной Слободы. -
Ирина Нисимова.*

*Книга вышла в свет в знак уважения и
благодарности к любимым учителям Савелию
Лазаревичу и Шеве Львовне Нисимовым от
учеников Туршумова Владимира Салимовича,
(Н"י) Мишинева Рафаэля Сионовича, Фриды
Борисовны Юсуфовой и Ирины Савельевны
Нисимовой.*

*Исполни это моё желание - прими
мою молитву!*

*Прошу Тебя, Господи, дай тому самому
человеку, который читает сейчас эти строки,
всё, о чём он Тебя просит!*

*Дай ему это в полной мере, как умеешь
давать только Ты один! И пусть он будет
счастливым во все его дни, а если невозможно
такое, то хотя бы сколько-нибудь.*

*Даруй ему крепкое здоровье и любовь
близких, понимание и сочувствие.*

*Сделай так, чтобы душа его всегда светила
одной лишь любовью ко всему сущему!*

*Огради его от дурнословия, от обид и зависти,
от войн и смертей, от боли физической
и душевной, если же всё это неизбежно, -
не покинь его и тогда, дай ему утешение.*

Спаси для него всё, что дорого ему на земле!

*Если же поздно просить об этом, -
не лишай его памяти.*

Милостивый и Добрый мой Господь!

Воспоминания от родных, друзей, коллег и
учеников - и Савелия Лазаревича Нисимова.

Чувство принадлежности к своему народу

Мудрые заветы вспоминаю я.
Не грустить, смятения тая,
И в беде, и в плаче у Стены,
Жить в предощущении весны. (Ф. Юсуфова)

Фрида Юсуфова – член Сою-за художников, писателей, журналистов Израиля, президент Всемирного Конгресса горско-еврейских женщин (Ришон-Ле-Цион).

Новогодняя встреча 2010 года в Вашингтоне с моей подругой юности – Ириной Нисимовой - Шамаиловой, побудила меня написать о славных учителях из Красной Слободы Кубинского района Азербайджана. Ирина, как и все ее сестры – педагог, преподаватель русского языка и литературы, работала в одной из Бакинских школ. Ирина дочь известного учителя из Красной Слободы Нисимова Савелия Лазаревича – ветерана Великой Отечественной Войны 1941-45 гг. За воспитательную и преподавательскую деятельность он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, значком «Знак Почета» и «Отличник просвещения Азербайджанской ССР». С 1994 года жил в Вашингтоне (США).

Во время нашей долгожданной встречи Ирина рассказала мне о книге отца «Незабываемые сороклетние годы», и о рукописи «Двадцать лет спустя», которую она обнаружила после его смерти, на папке которой было написано: *«На память от автора - дедули любимым внучатам Шамаиловым - Виктории*

и Рафаилу. Прочитав мои воспоминания, вы лучше узнаете не только о пережитом мною за те годы, но еще станете моими соперниками. Читайте внимательно, чтобы на фоне описанных событий перед вашими глазами встал образ автора, которому суждено было стать через много лет вашим дедом... 18.05.1997 г.»

Книга «Незабываемые сороклетние годы» (Записки ветерана) – была издана в Москве в 2000 году бывшими учениками Нисимова Савелия Лазаревича – Гуршумовым Владимиром Салимовичем и Мишиевым Рафаэлем Сионовичем – в знак глубокого уважения и благодарности к любимому учителю.

Слева направо: Фрида Юсуфова, Валерий Ханукаев, Владимир Гуршумов, Ирина Нисимова, Захар Юсуфов, Лазарь Нисимов, Алик Гуршумов. Москва, октябрь 2010 год.

Для второго издания книги «Незабываемые сорок трудные годы», я и дочь автора Ирина, созвонились с ее бывшим одноклассником – учеником Савелия Лазаревича – Владимиром Гуршумовым и договорилась о встрече.

Наша забываемая встреча состоялась в Москве в октябре 2010 года. Владимир Салимович собрал нас в своем роскошном ресторане. На встречу со мной, Ириной и Владимиром пришли их одноклассники – ученики Савелия Лазаревича: Валерий Ханукаев, Захар Юсуфов, Лазарь Нисимов, Алик Гуршумов.

На этой встрече мы решили переиздать книгу Савелия Лазаревича, дополнив ее фотографиями из семейного альбома, отзывами от его учеников и коллег по работе, и впервые опубликовать повесть «Двадцать лет спустя». Эта прекрасная книга, состоящая из коротких повестей – миг, запечатленный в памяти автора...

И так 2011 году была издана вторая книга «Незабываемые сорок трудные годы», «Двадцать лет спустя». Эта книга получила огромное количество отзывов от бывших учеников Савелия Лазаревича и Шевы Львовны Нисимовых и жителей Красной Слободы (Кубинский район Азербайджана). Это уже третье подарочное издание книги, дополненное фотодокументами и отзывами от бывших учеников.

Первая повесть С. Нисимова «Незабываемые сорок трудные годы» повествует о войне, о жестоких боях, о воинах, достойно проявивших свои лучшие качества, о товарищах, погибших на фронте. С болью рассказывается о тоске по родным, о своей суженой, о матери.

Автор воспел в своём произведении высокое чувство патриотизма, отвагу, служение и преданность своему отечеству, верность воинскому долгу, удивительное мужество, стойкость, бескорыстность поступков и огромную любовь к Родине и родному краю.

Он посчитал своим долгом донести до нынешнего поколения этот великий подвиг, совершенный нашим народом. Ведь эта Победа в Великой Отечественной войне подарила

нам надежду на будущее, сотворила новые идеалы, обогатила культуру, заставила нас поверить в себя!

Савелий Лазаревич, оптимист по характеру, мечтал о грядущей мирной жизни на земле, о светлом будущем своих соплеменников, о просветительстве. Органически присущие ему чувство любви к Родине, высокое понимание своего гражданского долга отразились в его прозе.

Он со своей супругой – верной подругой по жизни Шевой Львовной, преподавал более пятидесяти лет в школах Красной Слободы. Воспитывая в своих детях и учениках чувство патриотизма и любви к Родине, пробуждая интерес к истории страны и своим корням, тем самым воспитывая молодое поколение. Все эти чувства возникают во время чтения повести С.Л.Нисимова «Незабываемые сорок трудные годы». И хочется сказать всем участникам ВОВ: «Помните, мы никогда не забудем Вашей смелости, храбрости и любви к Родине!»

Вторая повесть автора «Двадцать лет спустя» пронизана глубоким чувством – пылкой нежной юношеской любви, сразу встретившей ответное чувство.

Любовь... она такая разная. Глубоко хранимая, чистая, светлая, нежная первая любовь главных героев, однозначная единица измерения которой – «навсегда». Первые, совсем робкие поцелуи, первые, самые нежные объятия...

По воспоминаниям слободчан и родных, Савелий Лазаревич был очень скромным человеком, всегда старался находиться в тени, однако его имя было очень известно и популярно у молодёжи, которой он отдал более пятидесяти лет преподавательской деятельности. Ему часто предлагали должность завуча и директора школы, но он отказывался, потому что хотел быть ближе к своим ученикам.

Много интересных случаев и рассказов о нем, мне, как журналисту, довелось услышать не только от его учеников, а также от его соплеменников – жителей поселка Красная Слобода. Его бывшие ученики, будучи сами уже в преклонном возрасте, вспоминают, что Савелий Лазаревич был

большим оригиналом по части приема экзаменов и зачетов. Он совершенно свободно разрешал пользоваться справочной литературой, конспектами уроков и учебником. Так сказать, «читайте, что хотите, штудировать и изучайте учебник – всё равно за полчаса подготовки всего не одолеть».

С.Л.Нисимов составлял методические статьи по преподаванию русского языка для учащихся с первого до четвертого класса – «Русский язык не в русской школе», «Учебник для учащихся 1–3 класса». Ряд его статей и публикаций печатались в Нью-Йоркской общинной газете «Бюллетень-Шалом», он автор повестей «Незабываемые сороктрудные годы» и «Двадцать лет спустя».

В недалеком прошлом проблеме ликвидации неграмотности среди малых народов уделяли большое внимание. Для обязательного начального, четырехклассного образования привлекались не только дети, но и взрослое население Красной Слободы. В качестве преподавателей приглашались мало-мальски грамотные люди, и прогрессивно настроенные раввины – р.Биньямин Рабинович, р.Мардахай Гаврилов. Советская власть многих из таких «преподавателей» за добросовестную и безупречную работу награждала ценными подарками и почетными грамотами. А Раби Зарбоиль Шальмиев (в Слободе его называли *ленгэ-Зарбоиль*, то есть, хромоногий Зарбоиль), в дальнейшем был награжден высшим орденом Советской власти – «Орденом Ленина».

Одноименная награда была присвоена и другому нашему земляку – учителю Рувинову Рахмиэлю Севгиловичу, тоже в прошлом раввину – он преподавал в школах города Варташена (ныне Огуз). Некоторые из преподавателей также были награждены орденами Трудового Красного Знамени, Знак Почета, значком «Отличник просвещения Аз.ССР». С.Л.Нисимов в совершенстве владел родным горско-еврейским языком, русским и азербайджанским, мечтал познать древнееврейский или хотя бы современный иврит.

В то время часто издавались различные словари языков народов Советского Союза, в том числе и словари языков представителей национальных меньшинств, несколькими изданиями, притом, стотысячными тиражами. Лишь иврито-русский словарь, составителем которого был Ф.Л.Шапиро, издали всего один раз. С.Нисимов мечтал о светлом будущем своих соплеменников, он хотел видеть их грамотными, образованными людьми, и всеми силами старался исполнить свою мечту. Думается, что любовь к своему народу поднимает человека на уровень богов. Когда у великого полководца древности Александра Македонского спросили: «Кого вы больше всех почитаете, своих родителей или учителей?» Он ответил: «Мои родители дали мне жизнь, а учителя дали мне вечность»!

В очерке о Савелии Лазаревиче, хочется вспомнить имена и других учителей из Красной Слободы.

Вот перед кем мы вечно в долгу.

И мы, их ученики, преклоняемся перед ними!

Школьники Красной Слободы на празднике первого Мая!

*Имена славных преподавателей выходцев из
Еврейской-Красной Слободы города Кубы,
Азербайджанской республики с 1930 до 2000 года.*

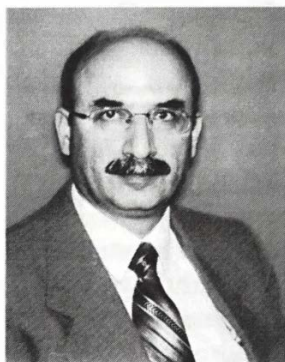
*Коллектив учителей Красной Слободы Кубинского
района Азербайджанской АССР. Первый ряд слева
направо: 1.Сасун Сасунов; 2.Николай Пятикопов;
3.Мэтэтиё Бенсионович Ильягуев; 4.Шева Львовна
Нисимова; 5.Раибиб Шамаевич Шамаев;
6.Эльханон Ильягуев; 7.Бирор-Пинхас Юсуфович
Исаков (учитель по труду). Второй ряд: 1.Раечка
Юсуфовна Симандуева; 2.Пятикопова (жена
Николая; 3.Полина Лазарева, 4.Захар Хаимович
Исаков; 5.Людмила Стеценко; 6...; 7...; 8.... Третий
ряд: 1.Калерия Жужгина, 2.Гюльчимен Рувиновна
Рувинова; 3.Лазарь Нисимов, 4...; 5.Лена; 6.Хава
Хаимовна Бадалова. Фото 1970 года.*

Абрамов Аркадий
Абрамов Ашир
Абрамов Борух
Абрамов Евда
Абрамов Год
Абрамов Истоход
Абрамов Лазарь
Абрамова Галина
Абрамова Истер
Абрамова Света
Абрамова Раиса
Авадьяев Хия
Авишалумова Истер
Авишалумов Талхум
Агарунов Алеша
Агарунов Рашибил
Агиваев Асаф
Азаряев Талхум
Баазов Борух
Бадалова Хава
Биньягуев Урил
Биньяминов Изшил
Биньяминова Светлана
Биньяминов Маис
Биньяминов Сумха
Биньяминова Шифро
Биньяминов Рувин
Гаврилов Мардахай рав
Гаврилов Рамбом
Гагай Хибо Монен
Гилилова Тамара
Гуришумов Айдын
Гуришумов Элдар
Гуришумов Симон
Давидов Шумун
Данилов Рафаэль
Дунаевская Лидя
Елизаров Эльхан
Журавлева Анна
Жужгина Калерия
Захариё мәлүм
Израев Симон
Израилова Марьям
Изьягуев Год
Илхананов Гилил
Ильягуев Мататия
Илхананов Гилил
Ильягуева Хонум
Ильягуев Эльханан

Исаков Геник
Исаков Захар
Исаков Пинхас
Исаков Писах
Исаков Шамашил
Исакова Шушана
Исаков Сасун
Исаков Биньямин
Исраилов Гилил
Истахаров Ихшил
Ифраимов Анатолий
Ифраимова Тэйло
Ихшил-Сави раби
Лазарева Полина
Лалаев Лазарь
Лена мәлүмә
Манаширова Бела
Мардахаев Хагай р.
Мардахаев Бинсион
Мишиев Аврум
Мишиев Рафаэль
Мишиев Агарун
Мишиева Анжела
Мишиева Ася
Мишиева Бильо
Мишиева Флора
Мишиева Нателла
Мишиев Ягутил
Мишиева Офелия
Михаилов Михаил
Михайлова Полина
Мушаилов Хананья
Мусаев Борис
Нисанов Ашир
Нисимов Савелий
Нисимова Шева Л.
Нисимова Анна
Нисимова Ирина
Нисимова Мира
Нисимова Софья
Нисимов Гилил
Нисимов Нисим
Нисимов Лазарь
Нисимов Хаим
Нафталиев Мардахай
Нахумов Гилил
Осипов Юхан
Пинхас Шомоил
Пардилов Шамашил

Пинхасов Ариэль
Пятиконов Николай
Пинхасов Талхум
Пинхасова Люба
Пинхасова Фаридя
Рабинович Бенямин рав
Рафаилова Марго
Рафаилова Ольга
Рафаилов Ханука
Рахамимов Борис
Рахамимов Дон
Рахамимов Пинхас
Рувинова Гульчимэн
Рувинов Бебеисог
Рувинов Зарахиё
Рувинов Рувин
Рувинов Рахмиэль рав
Рувинов Юсуф
Рувинов Яша
Руденко Исроил
Сасунова Батцион
Сасунов Дон Хаимович
Сасунов Сасун
Сасунов симанду
Сасунов Ягуб
Самаилов Малахим
Самаилова Тэйло
Симандуев Дон
Симандуев Урил
Симандуев Иовюшва
Симандуева Раечка
Стеценко Людмила
Хаймова Ифрод
Хананияев Севи
Ханухов Исак
Хизгилов Хизгил
Шальмиев Зарбаил рав
Шамашилов Ихшил
Шамаев Рашибиль
Юсуфов Борис
Юсуфова Люба
Юсуфова Рая
Юсифова Тэйло
Юсифов Шамай
Язубов Юнатан
Якубова Людмила
Якубова Шифро
Якубов Ягуб
Яшаев Захар

Әз жор ни вадарав
Әри јоровурдә һүрмәтлүјә мәһлүммә
Савели Лазаревич Нисимов

*Шабтај Агарунов – һәрмәһ
Чәһм нүвүсдәкорһој чуһуруј
доги ә Исројил, (Батјам).*

Ә һәрәј хәлг иму – чуһуруј доги савадлүјә, әгүлмәндә, данандәјә инсонһорә: рабиһорә, мәһлүмһорә, мүһәндисһорә, духдирһорә, агро-номһорә, хубә сәнәһәткорһорә... вә и.а., һәмишә, ә һәр чикә хубә һүрмәт бири, нумһошү һәр вәхд ә кәлә һүрмәтәвоз күрдә омор и вә мијов.

Јәки әз әзини савадлүјә, данандәјә, һүрмәтлүјә кук хәлг иму бири мәһлүм "Русского языка и литературы", – Савели (Рафоил Сәви) Лазаревич Нисимов.

Мә Савели мәһлүмә шинохдәм әз 1976-мүн сал, кәјки, ә дәрәји ошколә (орта мәктәб, у вәхд куфтирәнбирим ошколәј Тәһһүм мәһлүм, исәһәт ә нум Исоғ Ханук истиһо ошколә), оморәнки әри 9-10-мүн класһорә (синифһорә) хундә варасдә. һәммә данусдани ки, 9-10-мүн класһо әнчәг ә у ошколә бу.

Савели мәһлүм нубој "Русский язык и литературы", дорә-нбу ә класһој шокирдһо хундәкорһо ә зуһун (азәри) азәрбајча-ни. Савели мәһлүм, хүшдәрә ә шокирдһорәвоз амбар садә бәрдәнбу. У һәмишә сәр хүшдәрә тик, кәмәр хүшдәрә шәх күрдә ә чүм одоми дуз дәниширәнбуһо јә сокитә инсон бу. Әз ләһәјү вәдироморәнбуһо кофһо ә тәһәр мәһһәм ә гәриш дүл одоми лов бирәнбу.

Кәлә чәһди ән Савели мәһлүм у бу ки, иму – шокирдһојү, чутам зуһун чуһурирә, азәрбајчонирә данусдәнимкә, һәчуш даним вомухдә зуһун урусирә, әнчәг һә хундә нәһ, коф сохдә даним ә и зуһун, фикир сохдә даним ә и зуһун. Ә јормә исәһәтиш мунди и кофһојү: "Зуһун урусирә данусдәкор, мидав ә әгүлмәндиризов әз и зуһун

истифада сохдэ, э пишо рафдэ, чүнки зуһун эн Пушкин, эн Лермонтов, эн Ломоносов, эн Некрасов...", хисдиһо вэ уһорэ Һиломлү, одлу-шонлу сохдиһо и зуһун амбар Һоширэ зуһуни вэ и зуһун мидав вокундэ эришму дэрһој хубэ али мәктәбһорэ, имкон мидү ишмурэ амбара китобһорэ эз орикинал хунит, чүнки хисди китобһо комиһо ки, э зуһун азэри һич чарундэ нэ омори. Һәмикә, зуһун урусирэ данусдәнки, э һәммәј шәһәрһој Совети мидајт Һәсонт кәшдэ, коф сохдэ, чүнки зуһун уруси - зуһун Һиломини.

Савели мәһлүм, һәр нуборэ кировундәнки, һәчи мисохд ки, иму эз һәр нубојү јә хәјр вәкүрим, э әгүл иму хуб дарав таза кофһо. Миһишд имурэ, Һәјб нэ оморэ, зуһун вокуним, коф сохим, кофһорэ дуз кујим. Сохдэ гәләтһојмурэ э јә устајәтировоз һәчи дуз мисохд ки, Һәјб нэ бијов имурэ.

Ә јормә мунди, Савели мәһлүмә бу метод-тәһәр, э фурм систем, әри хуб варасирэ, данусдә хундә мәзмурә: повестә, романа, һәкајэрә. Мәсәлчүн, кировшдәним "Капитанскаја дочка" – А.С.Пушкин. Савели мәһлүм һәчи микуфди: "Әри данусдә повест эз чү, эз ки коф сохдәникә, урә хунит һәвәл э зуһун азэри, бәгдә э зуһун уруси, әзун бәгдә сохит анализ эн хундәшмурэ, мәзмурэ әјор дәшәндә-дәшәндә э дү зуһун, винишит нәтичә чутам бирәкә: Һәсонт, нобкә чәтин".

Бәгдә э кофһојмурәвоз мәзму эн хундәјмурэ әзбәр коф мијосдим сохдэ, һәмикә миһишд имурэ э дү-јәкирәвоз диалог бәрим. Дузиш, һәчи Савели мәһлүм э иму зуһун урусирэ вомухдә, јовош-јовош э пишо бәрдәнбу. Ошколәрә варасдәнки кәм-амбар әдәбирим э зуһун уруси коф сохдэ. Мә э салдати рафдәнки әри зуһун дијә унгәдә чәтини нә кәширәм, чүнки кәширә чофој Савели мәһлүм бәһәр дорәбу.

Ә јормәни, јәбо э дәсмә офторәбу китоб Савели мәһлүм: "Русский язык не в русской школе", әри чүклә класчо. Мә китобә овордум э нубо, бурбундум э мәһлүм, вәкүрд э дәс хүшдә, дәниши, бәгдә муку: "Әри и китоб әри 3-мүн класчо нүвүсдә омори". Мә бәгдә фүрсүрүм: "Ишму әричү әри зәвәри класчош нәс нүвүсдәнит"? Савели мәһлүм дәниши э рујмә, муку: "Амбар мидани, зу пир имбоши".

Иму данусданбирим ки, Савели мэхлүм э дэхво бири. Э
јормэ нэ мунди э коми тараф сифэтүни, чикэј јарај
гэлпэјикэ, нобукэ эн куллэјикэ вобу. Коф сохдэнки
һашданки јара э доруни дарафдэнбу. Эз мэхлүм чэндгэдэ
хоһиш мисохдим, эз у кирошдиһо вэхдһој дэхво ихдилот
соху, чү корикэ, нэс сохдэнбу. Балкэ эријү курунди
оморэнбу.... Бэгдэһо шини-рүм ки, Савели мэхлүм китоб
јоровурди нүвүсди эз вэхдһој дэхво нэ эз дэхво: "Фурмуш
нэ бириһо чэтинэ салһој дэхво".

Савели мэхлүм энчэг педагог нэ бири, у һэмикэ софо ин-
сон бири, у јэ бэбэрэ хуно э һэр шокирд, э һэр човон нэзник
миомо, һол-эһвол микүрд, јэ инсонэ биһол дирэнки дүл-
ковунэ мидо, дэс кумокирэ дураз мисохд. Э јэ кофһовоз: нэ-
сифэтчи эн човонһош бири, мәслэхэтчиш эн чэхмэт хүшдэш
и савадлүјэ, һүрмэтлүјэ кук эн хэлг!

Вэхд кор хүшдэрэ сохдэ. Һэчи бири ки, һэр кэс э јэ чикэ
мэскэн күрди: кими мунди э Гүбэ, кими рафди э Исроил,
ки-ми э Америка, кими э Канада, кими э Москов.... Э
мэскэн чу-һурһојму бэхдэвэрэ Гирмизи гэгэбэ эз дэдэј
һэсүл бириһо һүрмэтлүјэ инсон, нумлүјэ педагог Савели
(Рафоил Сэви) Лазаревич Нисимов, э хокһој Вашингтон
динчи офти. Монуһоју кинһидим кәрдо! Кэширэ чофоһој
Савели мэхлүм һич вир нэ бири. Китоб нубоһијү: "Русский
язык" чэндбо дорэ омори э чап. Урэ дорэт нум: "Отличник
просвещения Аз.ССР" – "Элачы Маариф хадими Аз. ССР".

Савели Лазаревич Нисимов һэмишэ э дүлһојму
мидомуну! У эз јор иму ни вадарав!

Мэхлүм

Шабтај Агарунов – Әри мэхлүмһојмэ...

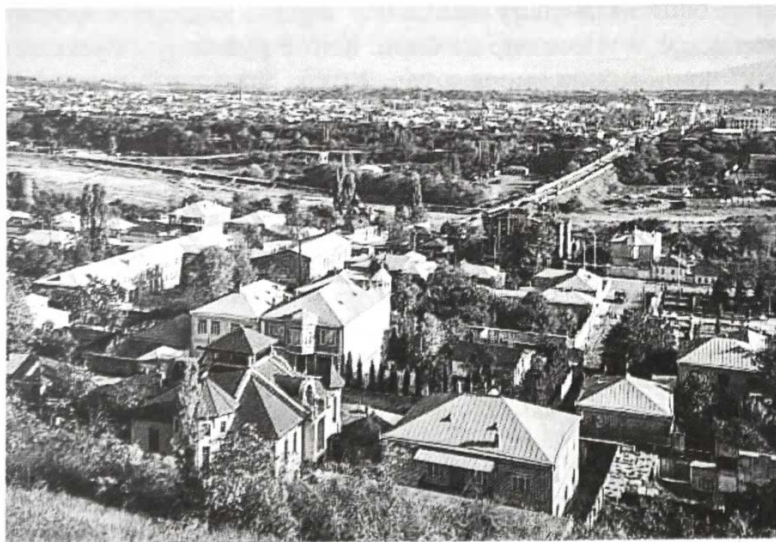
Рәһ мэхлүми - курундэ рәһ,
Мэхлүм бијо эгүлмэнд бу.
Шокирд һэзүр сохдэ сэбәһ,
Ә јон јэ кэс рүхшэнд нэбу,
Данандэ бу, саррафмэнд бу.

Мәһлүмини кәлә зәһмәт,
Чәнд сифәтһо мәһлүм дирә.
Әри ән у ә гәд чәһмәт
Мәһлүмә хуб һүрмәт бирә,
Тум чофорә мәһлүм дирә.

Хубә мәһлүм һәр шокирдә
Ә чүм һәжил хүшдә дирә.
Чәтинә вәхд әз дәс күрдә,
Әри шокирд бәбә бирә,
Әри шокирд дәдәј бирә.

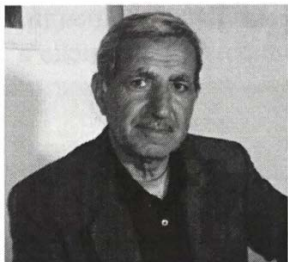
Ә һәнк бәбә, дәдәј мәһлүм,
Әз куруни вәхд пир бирә.
Вәхд кирошдә, ә пишој чүм
Хубә бәһәр чофо дирә,
Тәјтә һәрс чүм дүлшор бирә.

Мәһлүм әгүл-охмо дорә,
Товушлүјә рәһ бурбундә.
Хубә нум әз хүшдә норә,
Ә дүл шокирд у домундә,
Ә сәр һүрмәт у вомундә.

Красная-Еврейская Слобода

Әри Рафоил-Сәви Нисимов (77г)

*Саадиҗајев Нәтән – һәрмәһ
Чәһм нүвүсдәкорһој чуһурој
доғи ә Исројил (Кирҗат-Ата).*

Әз ки пүрсириткә, Рафоил-Сәви чүтами одоми бири вә чүтами мәһ-лүм бири, һәммә јә одомирә хуно мукују: "Кошки һәммә урә хуно имбисдо". Ә хосијәт, ә зәһмәткәши, әри хәлг хүшдәрә хосдәји урә хуно одоми кәм имбу. И үзкә чиро бирә нидав. Рафоил-Сәви, ә у чәтинә салһо ә мәһәл дәһво дириһо вә сохдиһо корһорә, ә сәрү оморихо гозијәһорә әз јү нүвүсдиһо китобә хундәнки, данусдәним ки, и одоми әз гәд ов-аташ киросди. Чуһурһојму әз дәһво варасдә бәгдә вокошдәмбуһо одомиһорә: "Әз никәрәј хуни омори", - куфдирәнбүрүт.

Рафоил-Сәви, јәки әз у никәрәј хуни сог вәдироморәбуһо одомиһо бу. Әз нүвүсдәһој ән у имбу ә сәр офдорә ки, урә әри зиһисдәји гувот вә һәвәс дориһо, ә ватан вә ә хәлг хүшдә һисдиһо һүрмәт вә мүһбәт бири. У ирә сог оморә бәгдә ә зәһмәткәши вә ә хәлг, ә милләтү һисдиһо кәлә мүһбәтәвөз собит сохди. Рафоил-Сәви әри хүшдә јә ән чәтинә сәнәһәт вичи. Әри хубә тәрбијә вә донәндә бирәји һәјилһој чуһурһо әз дәсү чү вороморикә һәр чүрә сохди.

Нубоһој Рафоил-Сәви һәмишә сокит вә фәјдолү киросди. У ә һәјилһорәвөз һәчи коф сохдәнбу, һәчи ә сәр дәшәндәнбу ки, ә ән тәмбәлә, һәвәссүзә һәјил һәвәс һәмәл овурдәнбу. У хосијәт ән у тәбии бу. Чүнки әри унгәдә чәтини вә сәһәр кәшүһо јә одоми и сохдә корһојү дүлшори бу әри хүшдәнјү. Ә һәвәсәвөз дорә нубоһојү, сохдә кофһојү ә хош ән һәммә оморәнбу. Рафоил-Сәви, ә јә кофһофөз, усдај сәнәһәт хүшдә вә амбар савадлүјә јә одоми бу. Ә урәвөз јәбо ихдилот сохүһо одоми, јәбојикәш урә дирәрә војә сохдәнбу. Ә вәхд әну у әри чоһилһој чуһурһојму ә хубә хосијәтһој хүшдәрәвөз нүмунә бу. Рафоил-Сәви әз у бәбәһо, кәләбәбәһојму арзу сохдиһо јә хәләф хәлг имуни. У һич вәхд әз јор урә дириһо вә шинохдиһо одомиһо ни вадарав. Амбар хуби ки,

у э чүм хүшдэрэвоз вини ки, имурэш ватан һисди. Һэммэјму
эдэјм кура бирэ э мэксэн, э ватан иму. Э пишово рафдэји
миллэт чуһурһо, кэширэ чэтиниһој энурэ эз јору вэдэшэнди.
Эз товнэј Рафоил-Сэви амбар имбу куфдирэ. Мэрэ војисдэ э
јэ шэјрэвоз, бэлкэ эз дүл эн у кирошдиһо кофһорэ э ишму
расундэ.

Чэтина рузһо бири

Нэтэн Саадијев – Әри мәһлүмһојмә...

Јэ кэм ширин, јэкэм тэлһ, јэ кэм шэфд вэ јэкэм дуз,
Эз һүмүр эдэј рафдэ һэр кирошдэниһо руз.
Худо һүмүр дори ки, иму урэ зиһим хуб,
Нэ сохим шэфдэ корһо, нэјојм э дү јэки луб*.

Чэтина рузһо амбар, хубэ рузһо кэм бири,
Чүмһојму дэһвоһорэш, јэки күшүһош дири.
Эз дэһво рафдекорһо һич нимэјүш нэ вокошд,
Дүл иму дәрдвоку сохд, јэ дәр вокундэкор кэшд.

Дү јэкирэ дүл дорим, чэтиниһо э дур мунд,
Зиндәкуни әриму таза нубоһорэ хунд.
Нум нэвокошдиһорэш, бирәһорэ нум норим,
Эз Худо лово хосдим, балаһојмүрә дорим.

Нум иму миллэт бисдо, хэлг бисдорим ватансүз,
Нум иму кэлэ бисдо, иму чүклэ вэ учуз.
Чуһур бирәјимүрә пәһәни сохдим һәрдән,
Әри хәрэ умогһо нэ вәкүрдим э кәрдән.

Сохдэ хубэ корһојму э нум иму нэ бисдо,
Јэ чүклэ гэләтләјму э сәр иму сәнг бисдо.
Э дүл иму һәмишә эз умог дәбисдо тәрс,
Э һәрәј ватанлүһо хүшдәрә данусдим кәс.

Э Худо амбар шүкүр, һисди имурэ ватан,
Бијојт гәдүрмәнд бошим эдэј куфдирэ Нэтән.
Мәгләб бәбәһојмүрә э јор иму дәшәним,
Э һәрәј хэлгһој һилом хубэ нум вэдәшәним.

Луб – нә фурмун , фурмундэи (јәкирә) обманывать,
жульничать, кривить душой, подводить быть не честным.*

**ФОТО ОТ ПОЭТА, ЧЛЕНА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
ИЗРАИЛЯ СААДИЯЕВА НАТАНА (נ"ט).**

На фото Натан Саадияев ученик пятого класса Средней школы Красной Слободы со своими одноклассниками и учителями. На фото он первый слева в первом ряду; Савелий Лазаревич Нисимов первый справа во втором ряду. 1952 год. Город Куба.

Раишбиль Шамаевич Шамаев – член Союза писателей Израиля и Азербайджана. Поэт, прозаик, публицист, педагог по профессии (Нью-Йорк).

Человек, который занимается воспитанием детей, делает добро. Оно никогда не забывается. Когда начинаешь писать о замечательных сыновьях и дочерях своего народа, невольно вспоминаешь и прошлое. Сегодня мне хочется рассказать об одном мудром человеке, педагоге, психологе, воспитателе, достойном сыне горско-еврейского народа – Нисимове Савелии Лазаревиче.

Савелий Нисимов родился в одном из прекрасных районов Азербайджана, в поселке Красная Слобода Кубинского района. Когда он окончил среднюю школу, началась Великая Отечественная война. До конца войны он находился в рядах Советской Армии и воевал против фашистских захватчиков.

Вернувшись с победой домой, женился на молодой девушке Шеве, которая, вместе со своими родителями, была эвакуирована с Украины, примерно в 1942 году, из местечка «Смела», Черкасской области. Она чудом осталась в живых. Её братья и сестры были жестоко расстреляны немецкими фашистами. Окончив педагогический институт, Савелий Нисимов начал работать учителем русского языка в восьмилетней школе Красной Слободы.

Его супруга Шева Львовна работала там же, преподавателем русского и немецкого языков. Шева Львовна была скромная, умная, справедливая женщина. Супруги Нисимовы завоевали уважение учеников и их родителей, и всего педагогического коллектива. Судьба так сложилась, что, по окончании средней школы я поступил в педагогический институт иностранных языков. После окончания института в 1957 г., Министерство просвещения

направило меня на работу в Дивичинский район Азербайджана. Проработав четыре месяца в селах Рагимли и Узунбаяд, я был призван в армию. После трехгодичной службы, вернувшись в г.Девичи, взял направление на работу в среднюю школу села Перебедил. Проработав год в этом селе, я снова получил направление в Кубу и был назначен в мою родную школу, а также в школу села Владимировка учителем английского и азербайджанского языков.

В 1966-1967 учебном году меня назначили завучем средней школы в поселке Красная Слобода, там же, где работали супруги Нисимовы. С этого года мы узнали друг друга ещё лучше. Савелий Лазаревич был удивительным человеком. Тогда мне стало ещё яснее, что он, безусловно, создан для педагогической работы. Будучи мудрым и терпеливым, понимал не только своих учеников, но и их родителей, находил язык с людьми всех возрастов. Он стремился к тому, чтобы его ученики изучали не только русский язык, но и становились всесторонне развитыми людьми, любили жизнь и наслаждались ею.

С.Л.Нисимов научил их никогда не теряться, не отчаиваться ни при каких обстоятельствах. Он учил их тому, что, даже в самые тяжелые минуты жизни, человек должен быть крепок духом. Внушал, что, пока человек жив, у него есть надежда на решение самых сложных жизненных вопросов. Он говорил: «Человек должен делать всё, что в его силах, чтобы быть радостным, и должен всегда стремиться, чтобы счастье и радость обрели и другие».

Несмотря на некоторые трудности тех времен, его главной целью было воспитывать молодое поколение в таком духе, чтобы оно могло смело шагать по жизни и преодолевать все трудности, которые стоят на пути.

В этой школе учились более 1000 детей, и им преподавали более 50 учителей с высшим и техническим образованием. Здесь учились дети разных национальностей. Одним словом – это была интернациональная школа. Она даже была участником ВДНХ по интернациональной дружбе. Высокий профессионализм учителей приносил

Писах Бен Звулон Абрамов – один из учеников С.Л.Нисимова. (Израиль)

Возложив на себя большую ответственность, написать несколько слов о своем учителе Нисимове Савелии Лазаревиче, преподавателе русской литературы в нашей средней школе Красной Слободы, я предполагал, писать свои впечатления о таком простом Человеке, каким был Рафоиль-Сэви. (Таким знали и так называли его сородичи, где бы ни встречались и говорили с ним!).

Чрезвычайно внимательный и приветливый, он везде был желанный – такой был Рафоиль-Сэви и в жизни, и в школе. Эрудированный и высокочлассный, отличительной чертой его жизни, было желание, как можно больше дать ученикам полное понятие о предмете и взаимно был требовательный к своим ученикам.

Савелий Лазаревич был востребован и как лучший лите-ратор в русских школах Кубинского района Азербайджана, и он стал большим авторитетом. Много сил долгими ночами было приложено Савелием Лазаревичем Нисимовым для подготовки к выпуску учебника русского языка для нерусского преподавания в черте всего Азербайджана, за что он и получил высокое звание Заслуженного Работника просвещения Азербайджанской республики.

Что еще может вспомнить ученик о бывшем учителе? Савелий Лазаревич был Человеком с большой буквы и при этом невероятно скромный, был пригож, всегда опрятен, что очень важно для небольшого еврейского местечка, как Красная Слобода. Будучи хорошим семьянином, вместе со своей замечательной супругой Шевой Львовной Володарской-Нисимовой, вырастили дочерей-отличниц и дали всем пятерым высшее образование. Могу со всей серьезностью утверждать, что эти люди много дали своим ученикам – будущему поколению нашей Красной Слободы.

Кстати сказать, наша Слободская средняя школа обладает одним из самых высокообразованных преподавательских коллективов на уровне, не побоюсь сказать, лучших школ Азербайджана. Все жители Красной Слободы, а в частности бывшие ученики – выпускники Слободских школ чтят память, и помнят Савелия Лазаревича Рафоиль-Сэви Нисимова.

В поселке Красная Слобода помнят и таких сильных и почетных педагогов, как Авшалумов Тальхум, Симандуев Дон Бенсионович, Рафаилов Хануко Рафаилович, Шамаилов Шамаил, братья – математики Ильягуевы Мэтэтийо-Мататьягу и Илханан, Журавлева Анна Владимировна, Пардилов Шамаил, Юсуф Рувинов, Талхум и Аркадий (Ариель) Пинхасовы, Захар Хаимович Исаков, кавалер Ордена Ленина, Заслуженный учитель республики Раби Зарбаил Шальмиев, Раби Хагай Мардахай, и пусть простят меня мои соплеменники – и еще одного Раби – учителя Рабиновича Биньямина. Честь и Хвала им! Никогда не забывайте учителей!

Навсегда в моём сердце...

(Воспоминания племянника Нисима Нисимова)

Нисим Нисимов – председатель поселкового муниципалитета Красной Слободы (город Куба, Азербайджан).

Мой любимый дядя, которого я очень любил. Для такой любви было очень много причин. Во-первых, он был единственным братом моего отца. Второй брат моего отца утонул в 13 лет в реке Гудиял-Чай, Кубинского района. Его звали

Нисимом. Когда я родился, меня назвали его именем.

Дядя Рафоль-Сэви пережил тяжелые годы войны, концлагерь, побег, с тяжелым ранением вернулся домой, в Кубу. Познакомился и полюбил красивую девушку Шеву Львовну Володарскую. Из этой любви появились на свет пять дочерей – Аня, Ира, Мира, Сара и Соня. Сыновей у них не

было. Может быть поэтому, дядя любил меня, как сына, особенно. Если он не видел меня два дня, уже беспокоился. Я и моя семья очень дружили с семьей дяди. Часто их навещали. Он называл меня своей "скорой помощью".

Савелий Лазаревич и Шева Львовна работали педагогами в средней школе Красной Слободы, и дети учились в той же школе. В Красной Слободе не было ни одной такой семьи, в которой все пятеро детей окончили школу на отлично и получили высшее образование. Мы всегда гордились дядей и его семьей. Савелию Лазаревичу заслуженно присвоили звание Заслуженного Работника просвещения, он был методистом при Городском отделе народного образования Кубинского района по русскому языку, автором учебных пособий русского языка для азербайджанской школы.

Последние годы пока он жил в Кубе часто болел. Страдал болезнью почек. Я старался помогать ему своим вниманием, поддержкой. Потеря жены, Шевы Львовны, тяжелая болезнь и ранняя потеря дочери Миры – матери троих детей сильно потрясли его. Он стал задумчивым, молчаливым. Но всегда в любой ситуации оставался, прежде всего, очень порядочным человеком, мудрым, добрым, терпеливым. К нему относились с большим уважением, прислушивались, советовались с ним. Он очень любил свою семью, детей, внуков, своих близких родных людей.

Наша семья, близкие родственники никогда не забудут этого удивительного прекрасного человека.

Дом большой и дружной семьи Нисимовых в Красной Слободе.

Ничто не забыто!

Ривка Израилова – «Кавказская газета» № 61.

Май - 2009 год. Израиль.

«Надеюсь, мой дорогой читатель, ты простишь меня за шероховатость и нестройность стиля моих строк.

Ведь я не Гоголь, не Толстой, на художественность не претендую. С меня достаточно и того, если я сумею довести до тебя самую сущность описываемых событий.

Прошу, наберись терпения.

Не бросай рукопись в долгий ящик, заставляй себя дочитать до конца, если даже не интересно. Хоть узнаешь, какие мучения перенесли люди предшествующего поколения ради твоего спасения от порабощения и полного геноцида» – С. Л. Нисимов.

Свое повествование об удивительной книге Савелия Лазаревича Нисимова «Незабываемые сороктрудные годы» вынуждена начать с признания – я не очень люблю читать воспоминания ветеранов Великой Отечественной и фильмы о войне предпочитаю не смотреть.

Почему? Видимо, инстинктивно берегу нервы. Уж очень сильное впечатление данная информация на меня производит.

И всё же, в силу профессиональной журналистской необходимости, мне нет-нет да приходится этой темой заниматься. Вот и на сей раз, я с опаской брала в руки очередную книгу военных мемуаров, а прочла её «залпом», буквально на одном дыхании. Автор каким-то удивительным образом сумел поведать о тех ужасах, которые ему довелось пережить за годы войны, в «добром ключе».

В книге, безусловно, присутствуют описания боёв, ужасов отступления и плена, скитаний по оккупированным территориям, тяжелейших ранений, госпиталей. И всё же, тягостного впечатления эти описания не производят, т.к. автор обращает внимание читателя совершенно на другое: «Основной персонаж моего повествования, – пишет Савелий Лазаревич, – это моя судьба, которая всё решала за меня и распоряжалась мною полностью.

Именно она вечно перебрасывала меня из огня да в полымя, словно тень, путешествуя со мной по моим мукам, то бросая в самое пекло и наблюдая, как я всё это вынесу, то оберегая от последнего рубежа».

На мой взгляд, в книге есть ещё один персонаж. Я бы назвала его «добрые люди». Вот такой коллективный персонаж, который шел рядом с автором по всем дорогам войны. В эпилоге он и сам пишет об этом: «Добрые люди сопровождали меня и окружали своей заботой везде и всюду: в окопах, в лагере, среди населения оккупированных земель, в госпиталях. Не помню только злых, вредных людей.

Если даже и были кое-какие мелкие случаи, да ладно, Бог с ними: они были несущественны, не оставили никаких вредных следов в моей жизни». Остается только жалеть, что я не была знакома с Савелием Лазаревичем Нисимовым – удивительным человеком, учителем из Красной Слободы.

В жизни я убеждалась не раз: мы видим в других людях именно те черты, которыми наделены сами. Лжецам кажется, что все вокруг лгут, люди злокозненные и от других ждут всевозможных гадостей, а людям доверчивым и добрым каким-то странным образом по жизни попадают только добрые и порядочные люди.

Согласитесь: не может такого быть, чтобы за все «сорокотрудные годы» горский еврей Нисимов не встретил ни одного предателя, труса, подлеца. Встречал, конечно. Но их гадость и грязь проходили мимо него, не пачкали и в душе следа не оставляли.

Но зато он на всю жизнь запомнил «хорошего» полиция, который устроил пленным побег и сам убежал вместе с ними. Помнил он и всю жизнь благодарил доктора Сороку, который, рискуя жизнью, положил беглого пленника в палату для «тифозных», куда немцы боялись соваться, и вылечил его.

Запомнил мирных жителей, которые помогали ему, чем могли. А что прятать его у себя в домах боялись, что давали еду, одежду и указывали, как идти дальше, так тут и

обижаться не на что. Чужого солдата жалко, а жену с детьми – жальче.

Он не таил зла даже на молоденького сослуживца и земляка Абасали, который когда-то в пылу ссоры выпалил: «Подожди! Скоро начнется война, когда немец возьмет нас в плен, я выдам тебя как еврея».

А через очень короткое время Савелию пришлось выносить этого парня с поля боя. Тот был смертельно раненый, понимая это, умолял бросить или добить, но Нисимов сумел доставить его в санчасть.

Конечно, книгу писал не тот 20-летний мальчик, который был участником страшных событий. Её писал взрослый человек, умудренный жизненным опытом, многое переживший на своем веку.

Но он сумел и в зрелые годы остаться чистым, доверчивым и добрым. «Если бы меня спросили, – пишет он, – что запоминается крепче и дольше: добро или зло, я бы ответил без промедления, что никогда не забывается человеческое бескорыстие, а всё низкое и мелочное – клевета, обиды, пакости – быстро стирается из памяти.

Порою, вспоминая разные перипетии, переплеты, в которых пришлось бывать, предельно приближаясь к смерти, и удаляясь от нее, невольно думаешь: действительно ли всё это было на самом деле; как может человек – такое слабое и хрупкое существо – вынести всё это, выжить и перенести через десятилетия, и передать последующим поколениям!»

Нисимов Савелий Лазаревич родился 23 февраля 1922 года в поселке Красная Слобода Кубинского района Азербайджанской ССР, в многодетной семье.

С малых лет, вместе со своими родителями и старшим братом, трудился на колхозных полях. В 1939 году получил среднее образование, после школы хотел продолжить дальнейшую учебу.

Но осенью 1940 года его призвали в ряды Советской Армии. Воевал. Вернулся в 1945 году.

И тогда же в Красной Слободе познакомился со своей будущей женой Володарской Шевои Львовной. Она была со

своей семьей эвакуирована в годы войны из украинского города Черкассы.

Вскоре они поженились. После рождения первой дочери поехали в город Черкассы и там получили среднее педагогическое образование.

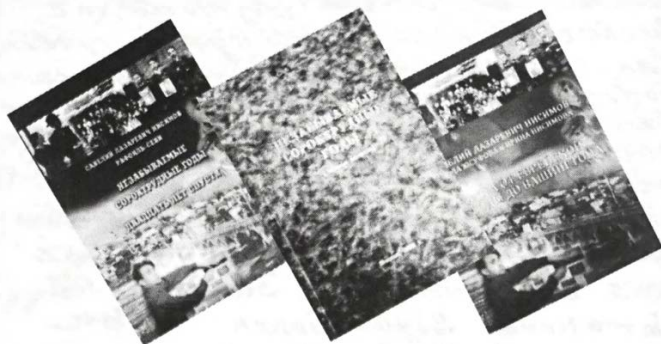
Потом вернулись в Красную Слободу, работали в школе. У них было пять дочерей: Аня, Ира, Сара, Эльмира и Соня. Шева Львовна скончалась 2 мая 1989 г., а 17 марта 1992 г. ему пришлось похоронить и дочь Эльмиру, мать троих детей. По разным обстоятельствам, три дочери Савелия Лазаревича со своими семьями эмигрировали в Америку. Он же остался с дочерью Сарой в Красной Слободе, продолжая работать. Его педагогический стаж – более 45 лет.

Последний год жизни Савелий Лазаревич провел в США (выехал туда с Сарой). Он скончался в Вашингтоне 8 марта 1999 года, на 77 году жизни.

Книгу воспоминаний С.Л.Нисимова, в знак уважения и благодарности любимому учителю, издали в 2000 г. его ученики Владимир Салимович Гуршумов и Рафаэль Сионович Мишиев.

В заключение хочется сказать: если вам удастся найти эту книгу, прочитайте обязательно. Хотя автор и написал в предисловии «я не Гоголь, не Толстой», он явно поскромничал.

Книга написана интересно, легко, прекрасным литературным языком, с мягким юмором. Описание реальных событий перемежаются в ней с очень мудрыми размышлениями и рассуждениями о войне, мире и природе человеческой.

Ürəklərdə qığılcımı məşələ çeviren insan.

Йовушва Донович Симандуев-
дир. средней Краснослободской
школы №1 имени "Исака Хану-
кова". г.Куба, Азербайджан.

Həyatda elə şəxslər var ki,
onlar hələ sağlamlıqlarında özləri
yığın ölməzlik heykəli mələklər
və onlar tam yarıq insanlara
qəlbində ölməzlik heykəti edərək
özləri iz buraxıb gedirlər.

Ulu Yaradan bu cür insan-
ları həyata gətirəndə onlara təkcə
özləri yığın yox, etrafdakı in-
sanları daha çox dəyişinir,
atdıqları hər bir addımı yığın
ölgü, bir bığ, zənni hər bir
hərəkətlərinin tam məsuliyyətini
daha dərindən başa düşməklə
hər bir nəşin xəzinə təkmilləş-
dirirlər.

Onlar təbiətdə çox romantik
olmaqla, eyni zamanda qəlbəti
kövrək, bir az da duyğudur
olurlar. Yüksək etadlılığa malik
olan bu cür insanlar yüksək
mədəniyyətə malik olmaqla etraf-
dakı insanları tez dəfə bilik və
onlara hər cəhətdə köməklik gös-
tərmək istəyirlər.

Bu insanlardan biri də haq-
qında söhbət açacağım zəvqli
rus dili müəllimin, sözün əsl
mənasında Böyük insan olan

Nisimov Saveli Lazırovıdır.

Mənə elə bir xəbərlərin məsib olub ki, mən onun həmişə sağırdı və həmişə də məntəb direktoru olmuşam. Onun sağırdı olmaq müsbət mənada nə qədər çətin olsa da, onunla siyahı-siyahı işləyib onun xəbərləri olmaq bir o dərəcədə sərfəli idi.

Həş yadından çıxırsa, - 1988-ci ilin fevral ayının 2-də mənə Qırımı qəsəbə 1N-li orta məntəb (indi həmin məntəb həmyerlilərimiz İsaak Xanayevdən adını dəyişir) məntəb direktoru təyin edən də cəmiyyət tərkibində edib dedi:

— Yaxşı müəllim, əgər! Son cavansan, enerjilisan, geniş yaradıcılıq qabiliyyətin var. Bunlar öz yerində, həmişə məsləhət, səbrlə qulaq as, öz daxili düşüncələrinlə onları tutuğunuz və sonra öz daxili imkanları ilə nəzərə alıb arxada qoraz qəbul et. Və elə qoraz qəbul et ki, sonradan pəşiman olınmayasan, gücün çatacaq işə girsən, siyahı qaldıra bilməyən yığının altına girmə. Həmişə də elə ki, hər vaxt həmin köməyimə arxalana bilsən.

— Gözəl nəsihətlərdir. Elə deyilmi? Bunu ancaq daxili aləmi pax, təmiz olan, öz xalqını sevə bilən, gəncliyin qiymətini bilən bir insan deyə bilər.

Saveli müəllimin gözəl əl qabiliyyəti var idi. Məntəbin elə bir

-3-

işisi yax idi ki, onun əl əməyindən istifadə edilməsin. Şəxsin tərtibatı işlərində dəyərli məsləhətlər vəzifələr eyni zamanda əməli işi ilə də kompəninin göstərirdi. O eyni zamanda Azərbaycanın respublikasının milli məntəblərinin ibtidai sinifləri - üçün "Rus dili" dərsləyinin müəllifi idi. Respublikanın Azərbaycan dili məntəblərinin IV siniflərində məhz onun tərtib etdiyi "Rus dili" dərsləyindən uzun illər istifadə edilmişdir. Şəxslərlə tərtibindən həmin dərslər əvəzlənən məz vəsait kimi qiymətləndirilmişdir.

Səvəli Lazərovici təkcə rayon daxilində yax eyni zamanda Respublikanın bütün bölgələrində yaxşı tanınırdılar. Həq yadından çıxmaq 1981-ci ildə Ağ-nin (əvəxt U. J. Lenin adına dəsiyirdi) II kursundan səmestir imtahanlarını verirdi. Eyni zamanda rus dilindən də imtahan verməli idi. İmtahan qəbul edən müəllimlər iki nəfər yaxlı qadınlar idi. Onlar şondan orta məntəblə rus dili müəlliminin kim olduğunu soruşdular. Şon Səvəli Lazərovicin olduğunu dedilər. Onlar şondan Səvəli müəllimin adını eşidən kimi, daha imtahan qəbul etmişdilər. Məmin üçün Bəqot kitabqamda "əla" yaxlı, dedilər:

— Səvəli Lazərovicin bütün səvədlər

rus dilini "da" birləşdir. Bizim ona böyük hörmətimiz var, Bizdən salamat söyləyər-
sən! -- dedilər.

Bəli! Respublikada bu cür hörmət qazanmaq hər bir insana qismətdir. İndinin əzində hamısı Saveli müəllimin dərsə dərsə oğruu adı hörmət və məhəbbətlə gəncilə. Onun şaxsıya-
tına böyük qiymət qoyulur. Əyalelər
işində xüsusi dəsti-xətti olan insan kimi
diyələrdən də fərqlənir.

Hər yadından çıxır, Qırımlı qədrə
şəxsiyyətin məntəbələrində orta məntəbələr
təhsilini dəstəyə etdirən üçün də-
ləndə, bir əvvəlki məntəbimiz üçün də-
xatırdıq və eyni zamanda qəribə uşaqlar
kimi özümüzü qox narahat hiss edirdik.
Məhz Saveli Lazareviç kimi müəllim-
lərin qayğıkeşliyi sayəsində bir qis-
məddə əzində özümüzü himmət-
hesab etmirdik, dəstəyələrdik.

Saveli Lazareviç nə qədər sadə və
qayğıkeş olsa da o, eyni zamanda də-
sine qarşı bir o qədər tələbkər idi.
O, şagirdlərindən öz fənnini
o dərəcədə yığınca mədəniyyətlə tələb
edirdi ki, onlar ondan qorxmurdular,
ona hörmət mənasında rus dili fə-
nində qarşı məsuliyyət hiss edirdilər.
Bu iş məni indi başa düşürəm ki,
böyük pedaqoji, ustalıq və məsuliyyət
dəmən idi. O əməyi ilə məntəbələr
qox zəngin "Rus dili məktəbi" yarat-

-5-

mişdi. Respublika məktəblərində o
dövr üçün belə zəngin, Rus dili
kabineti" çox az məntəbədə ola-
bilirdi. Məhz rus dilini bilməyimin
ald məntəbə oxuyan dövrəyə birini
köməyimiz çox gəlirdi. Çünki o ölənl
da əksər elmi ədəbiyyat kitabxə-
nalarda rus dilində idi. Bir mə-
dəbiyyat üzündən rus dilindən
azərbaycan dilinə tərcümə edib
kurs işlərini, diplom işlərini ya-
zırdıq. Axıncı iki kursa isə mən
rus dilində dəvən etdirdim və Dövlət
İmtahanlarını da rus dilində verdim.
Hal-hazırda da orta məntəbədə rus
bilməsində olars deyirəm. Mən bütün
bunlara görə məhz Səvəli Ləzərovə
şükratlarıram. O, tez-tez dəki rus
pedaqog Uşinskiyinin əsərlərini
dəhiyənə fəhiyyələri təvsiyyə kimi
gənc müəllimlərə gətirirdi.

"— Şagird bəs gəb deyirik,
onu doldurasan, o, bir məsələdir
ist, gərək onu yandırasan!"

O, bu sözləri hətta şüar kimi,
müəllimlər otajının divarından da
asmışdı.

Bəli, Səvəli Ləzərovig bir pedaqog
kimi, öz şagirdlərinin üzərində öz
fənnin qazıl olan qığılcımı alırsa

şəxsiyyət məsələləri yandırma bilirdi. Onun dəhşəti, bəylikliyi də məhə. Bunda idi və bu aləm hələ də ürəyimizdə yarıq, onun bütən sə-
girdələrinin ürəyində istisi yalın bu aləmin işığı hələ uzaq illər tükənmişdən və onu tanıyan in-
sanların həyat yoluna işıq saça-
caydır.

Şükrə

Siyənduyev Fəxrəddin Əliyev
Azərbaycan Respublikasının
"Qabaqcıl Təhsil İşçisi" fəxri
adına layiq görülmüş, Quba
rayonu Qizil qəsəbə İsaak
Xanukov adına 1 N-li orta
məktəbin direktoru.

08 avqust 2010-cu il.

TƏHSİL MİLLƏTİN GƏLƏCƏYİDİR. Heydər Əliyev

İSAAK XANUKOV adına 1 SAYLI ORTA MƏKTƏB

*Савелий Лазаревич был очень скромным,
дисциплинированным и принципиальным
добросовестным педагогом.*

Эмма Мардахаевна Шальмиева-Агарунова – ученица Савелия Лазаревича и Шевы Львовны Нисимовых (Баку - Москва - Россия 2018).

Я, Агарунова Эмма Мардахаевна (1944), с 1953 года по 1959 год училась в средней школе №1 Кубинского р-на Красной Слободы.

Послевоенные годы, не буду скрывать, что мы слободские дети, плохо говорили на русском языке, языковой барьер было, сложно одолеет. А наши любимые учителя

Савелий Лазаревич и Шева Львовна привили нам любовь к русскому языку и литературе. Благодаря знаниям, полученным в школе Красной Слободы, я успешно сдала экзамены и поступила в Бакинское фармацевтическое училище – по специальности провизор.

С 1966 работала в центральной аптеке № 293 по улице Самеда Вургунa и поработала там до выхода на пенсию по возрасту. Савелий Лазаревич Нисимов работал педагогом, преподавал русский язык и литературу.

Он был добросовестным преподавателем, помогал ученикам познать русский язык и литературу.

Савелий Лазаревич был очень скромным, дисциплинированным и принципиальным педагогом. Его супруга, Шева Львовна, преподавала нам историю. Оба они служили во благо нашей Родины. Мы, ученики, с большой благодарностью вспоминаем о них.

Мои одноклассники и я знали, что Савелий Лазаревич был участником Великой Отечественной войны 1941-1945 г., но, прочитав его книгу «Незабываемые сорок трудные годы», «Двадцать лет спустя» о том как, и где, он воевал,

был ранен, попал в плен, и какие трудности он перенёс, мы были потрясены, с ещё большей гордостью мы вспоминаем о нём.

Я, мои дети и внуки, прочитав эту книгу, много узнали о ВОВ жизни учителя из Красной Слободы. Мы гордимся его храбростью и служением нашей Родине, во благо всем живущим на нашей земле.

Благодаря этой книге, мы узнали о его чистой юношеской любви, которая очень затронула наши сердца, включая сердца моих детей и внуков.

Я хочу поблагодарить всех организаторов этого доброго и благородного дела. Эта книга дала мне возможность вернуться в школьную пору и ещё раз почувствовать радость тех прожитых лет. Она также дала возможность почувствовать гордость за храбрость солдат, воевавших плечом к плечу с войнами другой национальности и другого вероисповедания во благо нашей Родины.

Признательна Юсуфовой Фриде Борисовне за то, что она не дает забывать о трудовой деятельности таких ярких личностей нашей горско-еврейской общины, как Шевы Львовны и Савелий Лазаревич Нисимовы.

В этих книгах продолжение жизни этих замечательных и талантливых педагогов.

На протяжении преподавательской деятельности, эти педагоги дали путевку в жизнь многим ученикам Красной Слободы, которые впоследствии поступили в ВУЗЫ и, получив дипломы, работали по профессии – инженерами, учителями, врачами, фармацевтами, медсестрами.

Хочу еще раз поблагодарить Фриду Борисовну за ее огромную работу над этим изданием, и за то, что дала возможность ознакомиться с замечательной книгой Савелия Лазаревича Нисимова – «Незабываемые сороктрудные годы», «Двадцать лет спустя».

Эта книга даст познавательное восприятие молодому поколению, которому необходимо знать о подвигах наших отцов и дедов в годы ВОВ и узнать о трудовой деятельности наших славных учителей.

С большой благодарностью – *Шальмиева-Агарунова Эмма.*

*Предисловие от дочери автора-
Ирины Нисимовой - Шамаиловой.*

Я вернулся в мой город, знакомый до слез... (О.Мандельштам)

*По несчастью или к счастью истина проста,
Никогда не возвращайся в прежние места.
Даже если пепелище выглядит вполне,
Не найти того, что ищем ни тебе, ни мне.
Путешествие в обратно, я бы запретил
И скажу тебе, как брату, душу не мутит,
А не то рвану по снегу, кто меня возьмет?
И на валенках уеду в сорок пятый год.
В сорок пятом угадаю, там, где – Боже мой!
Будет мама молодая и отец живой... (Г.Шпаликов)*

Я – Ирина, дочь Савелия Лазаревича Нисимова и Шевы Львовны Володарской. Родилась в 1953 году в поселке Красная Слобода Кубинского района, Азербайджанской ССР, где и провела всё свое детство и юность. Учиться уехала в Баку, там же вышла замуж, работала в школе, растила детей. Их у меня двое – дочь Вика и сын Рафаэль. Мой муж, Юрий Шамаилов, работал врачом-кардиологом на «скорой помощи». Всё было нормально, дети росли,

сестры выходили замуж, появлялись новые внуки и внучки у бабули с дедулей. На лето мы съезжались в Кубу. Это было чудесное время. Мы все были молоды, красивы, так или иначе, надеялись на всё самое лучшее.

Потом началась перестройка. Всё менялось год от года, круче и круче. Мой муж, как и многие тогда, хотел уехать в Израиль или в Америку — на мой выбор. Я же и не думала уезжать, об этом не могло быть и речи. Но, после январских событий 1990 года, я решилась на этот шаг. При моей привязанности к своим родным и близким, к друзьям, к месту, где я родилась и выросла, к родным местам — для меня решиться на это было непросто. Но, к этому времени что-то изменилось в нашей жизни. К нашему глубокому горю, в течение двух лет мы потеряли маму и сестру Миру. Нам, сестрам, надо было подумать о будущем наших детей. Я надеялась, что папа это поймет. Но моему решению никто не обрадовался. Мне было очень трудно уезжать. Невозможно описать, как это тяжело, когда ты в последний раз оглядываешься на провожающих, а среди них папа, и он смотрит на тебя, как в последний раз.

Через три трудных для меня года, они все-таки ко мне приехали. Папа знал, что мои сестры без него не уедут, и он согласился. И за это я благодарю Бога! Какая была радость!

Это было хорошее время, несмотря на операцию и химиотерапию, которую отец перенес. Он был сильный и волевой человек. И главное, он был с нами, и мы были все вместе.

Дни шли своей чередой. За это время отец отпечатал на старенькой печатной машинке свои мемуары и каждой из нас дал по копии. На моем экземпляре он написал каллиграфическим почерком:

«На память от автора — дедули любимым внучатам Шамашловым — Виктории и Рафаилу. Прочитав мои воспоминания, вы лучше узнаете не только о пережитом мною за те годы, но еще станете моими сопереживателями. Читайте внимательнее, чтобы на фоне описанных событий перед вашими глазами встал образ

автора, которому суждено было стать через много лет вашим дедом... 18.05.1997 г.».

И подпись, которую хорошо помнят его ученики. То, о чем мы прочитали в этих машинописных листках, мы и не знали. Он никогда не рассказывал нам о войне, о плене, о том, что ему пришлось пережить. Отец был великий труженик, очень скромный, немногословный, глубоко порядочный, с прекрасным чувством юмора – он был Учитель от Бога. Это мои первые слова, которые я говорю о моем отце, с которых я должна была начать свои записки, но я не могла подойти к этому так сразу. Люди, с которыми сталкивала его жизнь, знали его таким. Но для меня он, прежде всего папа – человек, очень близкий мне. У нас очень похожие характеры, я больше других сестер похожа на его маму – нашу бабушку Хаёт.

Сколько себя помню, я относилась к отцу бережно, старалась не огорчать его, была готова принести любые жертвы ради его покоя и благополучия. Это были какие-то дочерне-материнские чувства. Когда папа болел, я боялась за него, выхаживала его.

В нашей семье никаких проявлений чувств не полагалось. Никаких ласковых слов. Скорее, мы были склонны подшучивать друг над другом, чем сказать что-нибудь сердечное.... У нас с отцом были доверительные отношения. Он прислушивался к моим медицинским советам. С мамой же было всё по-другому. Она к старости часто болела, и ее приходилось заставлять лечиться. Наша мама была для нас как подружка, с ней было легко, просто и весело, можно поделиться девичьими секретами, и пошутить, и рассказать анекдот, и употребить в разговоре некоторые «словечки...». При папе же только приличные анекдоты и, конечно же, мы при нем не спорили и не ссорились друг с другом.

Мамина речь была пересыпана фразами из «идиш» и словами из украинского языка. Язык идиш мне достался от родителей моей мамы – бабушки Сони и дедушки Левы, но я не слышала его с тех пор, как они умерли, а мне тогда было восемь лет. Так что я знаю идиш очень мало, но он мне не

чужой. Языком горских евреев – *чуһури*, я владею хорошо – он мне родной. Это два совершенно разных по происхождению языка. Горский – *чуһури* – восточный, а язык европейских евреев – идиш западный. Идиш вобрал в себя, кроме древнееврейского языка, элементы немецкого, испанского, французского, румынского, украинского и русского, а наш горский язык – древнееврейский, он имеет иранские и вавилонские корни, в него вошли и азербайджанские слова, поскольку горские евреи несколько столетий компактно проживали в Азербайджане. Оба языка обусловлены местом проживания – еврейское местечко на Украине и еврейское местечко в Азербайджане, на берегу речки Кудиал-Чай. Их объединяет то, что мы едины в своем начале, мы евреи, потомки двенадцати колен Израиля, нашего праотца Иакова.

Я росла в Красной Слободе. Для меня очень близки и понятны традиции нашего народа. Особенно, язык и обороты речи, уменьшительно-ласкательные грамматические формы: на горском – *гадала, духтәрлә*; на идиш – *ингеле, мейделе*, что означает мальчик, девочка. В обоих языках присутствует это уменьшительно-ласкательное окончание – *ле, ла*. Но об этом потом, сейчас не время в это углубляться. Я только добавлю, что всего Шолом-Алейхема я прочла, когда училась в четвертом классе. Конечно, я не всё еще понимала, но меня очень сместило созвучие и сходство оборотов живой речи в этих двух разных языках. Как ругались, спорили, торговались, причитали, желали здоровья, благословляли персонажи Шолом-Алейхема, то же самое я слышала вокруг себя, когда жила в нашем поселке Красная Слобода.

Об этом можно говорить бесконечно, но я должна вернуться к своей теме, о своих родителях, о своих корнях.

Мой папа родился в Кубе. О дате его рождения можно говорить только примерно, месяц и день рождения не известен, а год рождения 1922 или 1924. Метрику ему сделали, когда он пошел в школу. Такие были времена.

Семья была бедная, крестьянская. Папа был младшим ребенком в семье. Его отец – Лазарь – умер очень рано,

папа не помнил его. Нет ни одной семейной фотографии того времени, кроме той, на которой, он, десятилетний мальчик, в группе таких же детей, которые держат в руках свои рисунки. Тогда в Еврейской Слободе была организована школа для талантливых детей, и папа там учился.

Я должна сказать о папе, что, если бы он не стал учителем русского языка, он мог бы быть хорошим художником. Он писал акварелью, масляными красками. Я помню все его работы. Когда наступали летние каникулы, папа весной уже начинал заготавливать кисти и краски, натягивал холст на раму и грунтовал его. Он оживлялся в это время, было радостно наблюдать за ним.

Он прекрасно знал и любил математику, помогал нам с алгеброй и геометрией до десятого класса. А надо учесть, что в Красной Слободе в то время преподаватели, большей частью, были люди, не имевшие высшего образования. Учителя тогда были разные, иногда своеобразные, но они сделали свое дело.

Это было время, когда беднейшему и бесправному народу была дана возможность получать образование. Наступила новая жизнь и появилась любознательная, трудолюбивая, талантливая молодежь. В связи с этой темой, я не могу не вспомнить свою свекровь. Ее звали Миирова Тури Беньягуевна. Это была женщина с сильным характером, мать семерых детей.

Будучи четырнадцатилетней девочкой, она окончила курсы и работала в «Ликбезе» — ликвидировала безграмотность среди взрослого женского населения Красной Слободы.

Многих женщин и девушек она научила читать и писать. Тогда же в нашем поселке появилась роскошная библиотека. Молодежь начала читать книги. В поселке был создан самодеятельный театр.

В нем участвовали многие парни и девушки, а среди них Тури, а в последующие годы и мой папа.

Однажды моя свекровь Тури рассказала мне о случае, который произошел с ней в молодости. Шла она как-то через Старый мост – «*Куйнэ курни*», по своим ликбезовским делам. На мосту ей преградил дорогу молодой человек. Хотя его приставания носили самый невинный характер, Тури, девушка строгих правил, заметила бутылку, торчащую из его кармана, выхватила ее и ударила по голове незадачливого пристава.

Случайно встретившись уже через пятьдесят лет, он – белобородый раввин, а она – мать большого семейства, вспомнили свою юность и тот самый случай, и весело посмеялись. Я живо представляю себе этих людей – молодых, жизнерадостных, с надеждой смотрящих в будущее, но всё еще сильно скованных узами старинных домостроевских обычаев. Я представляю их более чем скромный быт, строгое соблюдение еврейских традиций, вкрапление в них новых советских праздников, самодельные красные галстуки, комсомол.

К сожалению, вспоминаются и сожженные и разрушенные синагоги. Но это не вина подростков. Грех лежит на тех, кто «соблазнил малых сих». Я прошу прощения за это отступление и возвращаюсь к рассказу о моем отце. У бабушки Хаёт, или, как мы ее звали – Дедей-леле (дядина мама) было много детей, но в живых осталось четверо. Многие дети умирали тогда от детской инфекции, отсутствия хорошей медицинской помощи. Папа был младшим ребенком, и мой дядя Гилил, и моя тетя Люба были гораздо старше его. Хорошо помню домик моей бабушки: двухкомнатный, из саманных кирпичей, с плоской глиняной крышей, небольшими окнами. Мебели не было почти никакой. Помню печку, низенький традиционный столик - шилфон, пара маленьких стульчиков, простенькие паласы на глинобитном полу, две занавешенные ниши в стене - *чомахоту*, где хранилась постель и нехитрая кухонная утварь.

Вдоль стены тюфячки - *душэжчэнь*, набитые шерстью для сиденья. Наши предки в те времена не пользовались

стульями. И на всей этой бедности и простоте – пуританская же чистота и порядок.

Папа любил делать свои школьные задания на подоконнике. Это был его стол и хранилище его школьных принадлежностей. Моя бабушка Хаёт рассказывала: когда папа был школьником, он так увлеченно и долго занимался уроками, что вызывал ее беспокойство. Она часто просила его немного передохнуть и поесть чего-нибудь.

В последние два года жизни нашего отца, когда мы все уже жили в Америке и часто собирались всей семьей, он рассказывал нам интересные случаи из своего раннего детства, очень давние, яркие и памятные для него события, часто смешные. Я помню один из его рассказов: «Небольшой класс. Идет урок и учитель ведет его своеобразно.

Я не помню точно имя этого учителя – кажется, *лэнг-Зарбоил* (*хромоногий Зарбоил*), но скажу, что в этом классе учился его сын Борух. Когда учитель сердился на проказников-учеников и призывал на их головы «громы небесные» в самых крутых выражениях, он обязательно добавлял: «*Дуразуруй Борухлэймэ!*» («*Не про Боруха сказано*», или «*Подальше от Боруха!*»). Это значило, что все эти проклятия на Боруха не распространяются.

А вот еще такой случай из папиного детства. Как-то бабушка купила козленка. Папа очень любил его – называл своим «другом». Когда он возвращался из школы, козленок сбежал к нему навстречу прямо с горы – ребенок обнимал его. Однажды козленок его не встретил. Мальчик стал искать козленка, забежал в дом, а дома пахло мясным обедом... Старшие выглядели виноватыми, объясняли ему, что козленок для того и куплен, но уговоры были напрасны. Его горе было безмерным. Он несколько дней плакал и ничего не ел. Представляю, каково было его маме...

Он часто говорил о своей маме, жалея ее, вспоминал, как не слушался ее, не уделял ей достаточно внимания, доставлял ей много тревог и хлопот. Этим он мучился и высказывал свои мысли вслух.

Хочется сказать, что мы все в долгу перед нашими родителями, и, чем совестливее человек, тем острее он чувствует свою вину. И я теперь испытываю такие же чувства по отношению к нему, маме, бабушкам, дедушке. Ах, если бы они были сейчас живы, каким вниманием и любовью я бы их окружила, я не стеснялась и не скупилась бы говорить им хорошие слова. Но поздно...

Сейчас, когда мне уже много лет, я часто жалею, что о многом не договорила с папой, не расспросила своих родителей, об их прошлом... Я же думала, что успею еще... не сейчас, так потом, ведь я так устаю, у меня работа, дети.... А теперь ничего нельзя изменить.

Одноклассники - Лариса Шаулова, Ирина Нисимова-Шамашилова, Владимир Гуришумов.

Папа недолго прожил в Америке, но многие люди успели узнать его, подружиться с ним. Мы жили в большом многоквартирном доме. Во многих квартирах этого дома жили наши бывшие земляки, люди самые разные по возрасту и характеру. У отца появилось много друзей. Они приходили к нему в гости, говорили с ним. Он умел выслушать человека, а они, в свою очередь, очень любили послушать

его. Папа всегда был прост и доброжелателен в общении с людьми, и они проникались к нему таким же бережным уважением.

Сколько людей побывало в его скромной квартире, сколько чая в грушевидных стаканчиках «армуды» было выпито. И как я жалею, что он не дожил до того дня, когда мои одноклассники приехали к нам в Америку. Как бы он обрадовался им! Они привезли его мемуары «Записки ветерана» под названием «Незабываемые сороклетние годы», изданные в Москве. Папа не успел обнять их, поблагодарить. И сейчас я письменно выражаю огромную признательность Гуршумову Владимиру Салимовичу – Вове – мальчику из нашего класса, за ту работу, которую он проделал.

Его большим помощником в этом был товарищ из нашего класса, незабвенный Мишиев Рафик, так рано ушедший из жизни. Ему-то и отдал папа копию своей рукописи, когда они прощались навсегда. Благодарю всех, кто принял участие в издании этой книги и за нашу встречу на земле Израиля через тридцать лет.

А теперь я хочу рассказать о моей маме, о бабушке и дедушке. Это была семья эвакуированных с Украины из местечка «Смела», Черкасской области. В нашу Красную Слободу они попали, примерно, в 1942 году.

Маме было тогда 18 лет. На руках у нее были больные, разбитые горем родители. Когда началась война, наша мама была студенткой второго курса Одесского Педагогического института. Вся ее жизнь прошла в нашем поселке.

Она преподавала историю в школе более сорока лет. Звали ее Шева Львовна, а жители Красной Слободы с уважением называли ее – учительница Шева (*Шева-мэ́лума*). Мама умерла в 68 лет от сердечного приступа. Провожал ее весь поселок. По нашему горско-еврейскому обычаю, люди приходили к нам тридцать дней. Мужчины заходили в папину комнату, женщины сидели в женской половине. Одна из плакальщиц напевно причитала (*гирйа* -

плач, причитание при смерти близких) – оплакивала нашу маму и говорила свои воспоминания о маме, потом другая.... Сколько печали, горести и поэзии было в этих причитаниях. Оплакивая, они называли ее «наша сестра из чужедальних краев», «учительница с золотым дипломом, писавшая золотым пером...».

В войну мама работала в школе. Ее единственный брат Давид погиб в самые первые дни войны на границе. Бабушка от этого удара так и не оправилась. Она почти ослепла и получила тяжелое сердечное заболевание, которое и свело ее в могилу. Я помню ее очень старенькой, совершенно седой, хотя она тогда была моложе, чем я сейчас. Бабушку звали Софья Соломоновна Фурман. Она была старшей дочерью в многодетной семье.

Дедушка – Лев Яковлевич Володарский – работал кузнецом на Украине, а потом в Кубе на Красной Слободе. Он был религиозен. Мне, ребенку, было интересно смотреть на деда, когда он надевал на руки, на лоб филактерии – *тфилин*, и накидывал на свои плечи *сисид* – большой белый шарф с кистями и голубой каемкой. Много времени он проводил в нашей синагоге.

В пятницу вечером бабушка совершала молитву над свечами. Пасхальные вечера, вкусная еда, вино в красивых рюмках, и обязательно на праздник новая одежда и обувь у детей – всё это связано с воспоминаниями о дедушке и бабушке. Мы знали, что у мамы было вполне благополучное советское детство.

Любящие родители, старший брат, школа, пионерлагеря, походы, затем Одесский институт, многочисленные двоюродные братья и сестры, друзья. Это всё, что мы знали о ее детстве. Но пришла перестройка, мы стали узнавать подробности о репрессиях, раскулачиваниях. Как-то я прочла о страшном голоде 30-года, унесшем миллионы жизней...

Однажды летом, это было еще в Кубе, когда мы все собрались за обедом, я спросила маму, правда ли, что был такой ужасный голод – мало ли что пишут, не всему же надо верить. А она, наша невозмутимая, хладнокровная мама, вдруг расплакалась. Сестры на меня напали, что я расстроила маму. Потом мама очень скупно рассказала, что помнила: она и ее брат – опухшие от голода; умирающие люди; сестра ее отца – тетя Роза – копает могилу для двух своих детей, умерших от голода.

Маме было тогда семь лет. Она сказала, что из всех ужасных событий ее жизни – война, эвакуация, бомбежки поездов, скитания с больными родителями, голод, потеря почти всех родственников с отцовской и материнской стороны – всё это меркнет перед теми ее детскими впечатлениями. Больше никаких вопросов ей не задавали.

В молодости мама была не просто красивой, а очень красивой, судя по фотографиям. Огромные голубые глаза, правильные черты лица, высокая, стройная – неудивительно, что многие парни теряли голову.

Папа очень трогательно за ней ухаживал. Они работали в школе, часто виделись, были молоды, и, как сказал бы поэт: «Если это не любовь, так что же»? Бабушка с дедушкой снимали квартиру у Рахиль-Ошир – у матери дяди Хананила Абрамова – друга нашего папы.

Я отчетливо помню эту высокую пожилую женщину. В комнатах была только самая необходимая мебель, помню три папиных картины, висящие на стенах. Это были пейзажи с натуры, очень милые и наивные.

Нас было пять сестер: Аня, Ира, Сара, Мира и Соня. Мама давала нам имена своих теток, погибших в войну. Соня, младшая, носит имя бабушки. Бабушка с дедушкой очень тепло относились к своему зятю, то есть к нашему отцу, а нас они просто обожали. Когда мы приходили к ним, они оживлялись, угощали нас, обнимали и целовали. Я помню необыкновенно счастливый смех дедушки, когда он держал на руках маленькую Миру. А бабушка всякий раз плакала. Наверное, ей вспоминалось что-то тяжелое. Я

очень жалела ее и никогда ничего не спрашивала. Теперь я знаю – их семья потеряла более двадцати человек – взрослых и детей.

Но, как всегда, жизнь продолжается, мы росли, ничего не зная об этом. Детство было веселое, трудовое. Мы много помогали маме. Она работала, рождались сестры. Мы построили дом на том месте, где был дом нашей бабушки Хаёт. Она жила с нами, умерла в глубокой старости, когда я была в седьмом классе.

Папа много работал, писал методические статьи для преподавательского состава, контрольные работы для заочников педагогических ВУЗов, проверял тетради, переиздавал свой учебник «Русский язык не в русской школе» – учебник для детей 1–4 класса, а в семидесятых годах «Учебник для учащихся 1–3 класса». Мы, девочки, подрастали и помогали ему проверять тетради. Скажу по секрету, я часто подправляла ошибки синими чернилами, чтобы не дошло до двойки.

Сейчас, уже через много лет, всё живо вспоминается, как будто это было вчера. И мои родные – они всегда со мной, для меня они всегда живы. И дорого дала бы я за возможность повернуть время вспять хоть на минутку, чтобы можно было в жаркий летний день открыть ту калитку, войти во двор и увидеть айвовое дерево, дорожку, ведущую к дому, где по двум сторонам дорожки растут цветы.

И подняться по лестнице в дом....

И услышать ту самую любимую песенку молодого пастуха, которую мне в детстве напевал папа...
Но так не бывает.

Эз сэхэри сэс хундэ гушо,
Хабэр сохти чубончиһорэ.
Эз сэхэри сэс хундэ гушо,
Хабэр сохти чубончиһорэ.

Хурдэйшу, гэштэйшу, э гэд вишэһо.
Лу-ху-в, ду-шэ-г и-шу, савзэһо!

Слово о Фриде...

Слово о человеке с большим сердцем, великой доброты и ума. Я уверена, что она пришла на эту землю с миссией.

Фрида – человек талантливый, и все, к чему она прикасается, над чем работает, доводится до совершенства, будь то картины, и книги, а их у нее уже двенадцать, которые она пишет, одежда, которую она шьет, еда, которую она готовит, общественная работа, книги, которые она издаёт. Она прекрасная мать и бабушка. Я восхищаюсь ее энергией и не могу понять, как можно успевать переделать все то, что она взваливает на свои плечи.

Фрида Юсуфова автор десятка книг – поэтических сборников, детских стихов, составитель словарей и молитвенников. Можно сказать Фрида создала лицо эпохи, она соавтор, составитель и участница многих изданий своих коллег по творческому цеху. Вот что написал профессор Михаил Яковлевич Агарунов, преподнося в дар свою очередную книгу:

Дорогой и глубокоуважаемой Фриде Борисовне Юсуфовой замечательной представительнице нашего народа, сделавшей так много для сохранения наших национальных традиций, в знак признательности за содействие моим работам и работам наших коллег. С наилучшими пожеланиями от составителя словаря. Михаил Агарунов. Бат-Ям, 25.12.2005.

Как говорится – талант раскрывается в труде. Вот перечень книг, в которых Фрида Юсуфова принимала участие, редактировала их, корректировала, верстала и содействовала в их издании, вложив безвозмездно долю своего труда: Л.Шамаилова «Горские евреи. Праздники и традиция горских евреев Кавказа» (1996). И.Ш.Анисимов «В горах Дагестана.» (2003). Х.Абрамов «Горские евреи Кубы» (2003-2004). М.Агарунов «Язык горских евреев» (2005). Х.Абрамов «Краткая энциклопедия горских евреев» (2006). Х.Абрамов «Краткий словарь иудаизма» (2007). «Евреи Азербайджана: История и современность» и «Евреи Дагестана: История и современность». А.Агарунов,

Х.Рафаэль, Ф.Юсуфова (2008), (2009). Ш.Юсуфова «Чёрная жемчужина» (2009). Х.Рафаэль «Отражение души» (2009). М.Шпанин «Перечитывая страницы нашей истории» (2009). Антология Союза писателей «Звезды горских евреев» (2009). М.Агарунов «Большой словарь языка горских евреев» (2010). С.Бен-Эмануэль «Бакинцы и другие...» (2011). С.Л.Нисимов. «Незабываемые сорокотрудные годы. 20 лет спустя» (2011). Х.Буньятов «Адсыз шеирлэр» (2013), «Нет жизни без любви» (2016). З.Бабиев «Легенда о любви» (2014). В.Агабабаев «От Красной Слободы до Стэмфорда» (2014). С.Абрамов «20 лет вместе с общиной в Израиле» (2015). Б.Абрамов «Эхо предков – воспоминания потомков», «Вечера вспоминая 1918-1932 г.» (2015). Д.Илишаева «Слова, идущие от сердца» (2016). Ш.Юсуфова «Благословенная весна» (2018). Л.Юсуфова «От Нью-Йорка до Красной Слободы» (2014-18). С.Л.Нисимов, Ф.Юсуфова, И.Нисимова «Дорога от еврейской Слободы до Вашингтона. Незабываемые сорокотрудные годы. 20 лет спустя», второе, третье и четвертое издание. (2018).

Фрида составляет словари, молитвенники, пишет стихи, книги о горских евреях, которые жили и живут в Кубе, в еврейском поселке «Красная Слобода».

Несколько веков сменялись поколения этих людей. Они выживали в трудных условиях, подвергались дискриминации и разбойным нападениям. Потом был советский период нашей истории, потом 90-е годы.

Опустел наш поселок, разъехались люди в поисках лучшей доли для своих детей. Мы теперь в Израиле, в Канаде, в Америке, Германии и т.д. Дети не знают язык "джуури" и внуки не будут знать, откуда они, кто были их деды, и как все было. Но есть Фрида и ее миссия! Она трудиться, чтобы сохранить память о нас, о нашей культуре и истории. Долгий кропотливый труд.

Она находит старые фотографии, документы, восстанавливает имена и фамилии людей, пишет о них книги, соединяет воедино события и людские судьбы, чтобы мы, маленький народ, не растворились, как соль в

воде, в большом мире, чтобы мы не исчезли из общей истории большого мира.

И все это будет хорошо, ибо она в три часа ночи еще не спит, звонит ко мне из Израиля, сбрасывает мне очередные старые фотографии. И я стараюсь вспомнить имена этих людей, отвечаю на ее вопросы и задаю ей один вопрос: «Фрида, почему ты не спишь? У вас скоро утро!» Она отвечает: «Да, да, у меня еще на 15 минут работы». Мы смеемся.

Такова Фрида, моя дорогая подруга, любимый и уважаемый мною человек.

И появиться еще одна книга, еще одна капля исторических сведений для будущего.

Сейчас она в четвертый раз переиздает книгу моего отца – Нисимова Савелия Лазаревича – Рафоиль Севи.

Это его воспоминания о себе и времени, в котором он жил. И, конечно, мемуары моего папы, с легкой руки Фриды, Юсуфовой обросли отзывами людей, знавших его, новыми фотографиями его коллег и друзей.

И получились не только мемуары, но картина целой эпохи из жизни моего отца и его земляков.

Я верю, что когда-нибудь все эти сведения будут драгоценны для будущих историков, потому, что все еще есть люди, наши земляки, которые хотят иметь у себя эту книгу. Исследования и труд, вложенный Фридой в эти мемуары, невозможно переоценить. А ведь это далеко не первая и, дай Бог, не последняя книга, которой она дала жизнь.

Я не буду перечислять всех ее званий. Я назову ее скромной, талантливой дочерью своего народа. Таких ярких людей мало. Мне посчастливилось встретиться с ней и быть ее подругой. Мы знакомы уже 50 лет. И пусть еще очень, очень долго она радует нас своей дружбой, своей добротой и поддержкой.

Я желаю тебе, Фрида, крепкого здоровья, счастья. Пусть жизнь радует тебя. Прими нашу огромную благодарность.

Ирина и Юра Шамановы.

28 августа 2018 год. Вашингтон.

Савелий Лазаревич Нусимов

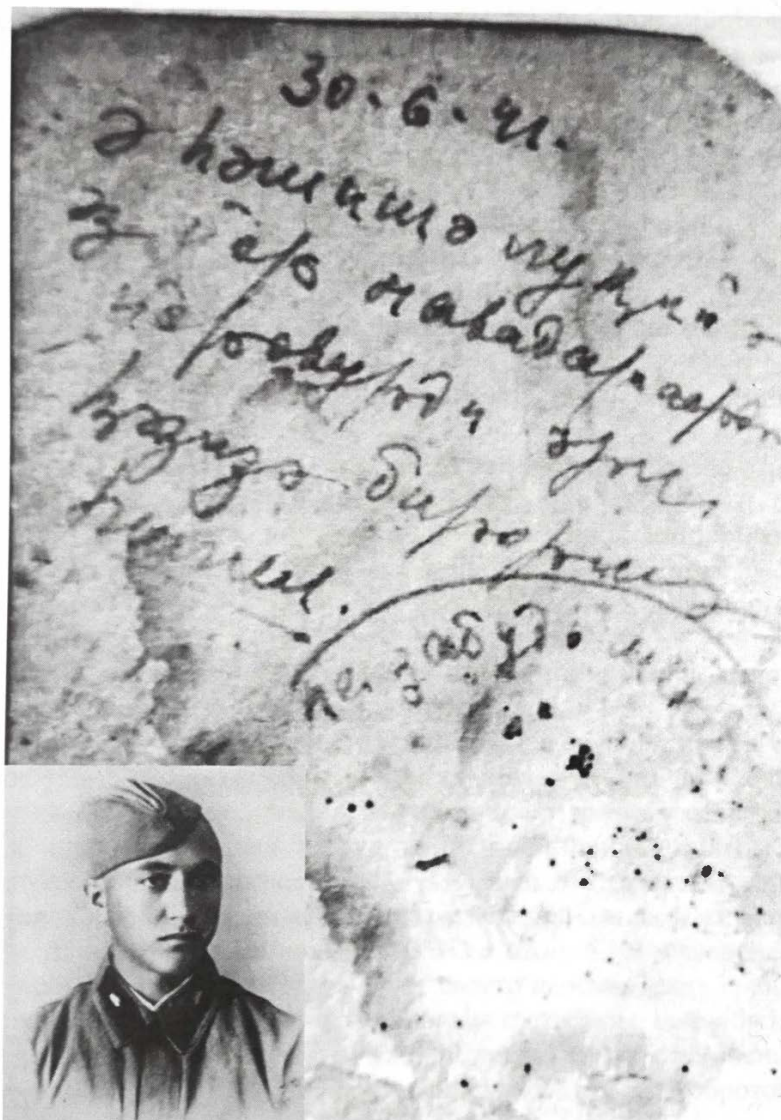
I

Незабываемые
Сорок трудные годы

Записки ветерана

Повесть

30.06.41. «Ә һәмшиә муһүи аз йөр навадарафтә йөрвурди эри һәзизә бирормә һилл». «Не забудь меня. Нисимов С.Л.». Обратная сторона фото Савелия Лазаревича, в первые дни ВОВ.

Сорок трудные военные годы

(Записки ветерана - Савелия Нусимова)

*Жизнь не ново под луною:
Что есть, то было, будет ввек.
И прежде кровь лилась рекою,
И прежде плакал человек.
Н. М. Караузин (Опытная Савимова мудрость.)*

С.Л.Нусимов 30.06.41г.

В минуты раздумий и одиночества, когда всё острее ощущается пропасть между поколениями, когда осознаешь, что впереди уже не осталось ничего хорошего и интересного, поневоле обращаешь свой взор на прошлое; перед тобой оживает и вереницей проходит, как кинолента, огромное мно-жество ярких, незабываемых

картин, которые запечатлела и хранит в себе память. Сколько добрых и злых, умных и глупых людей проходят мимо тебя, соприкасаясь с тобой прямо или косвенно, оставляя впечатление о себе и, в какой-то степени, влияя на твою судьбу!.. Сколько смертей, встреч, радостей и печалей может видеть человек за короткий отрезок своей жизни!..

Хотя дневников я не вел, да это и невозможно было в тех условиях, о которых пойдет речь, всё же многое хорошо помню. Если бы меня спросили, что запоминается крепче и дольше: добро или зло, я бы ответил без промедления, что никогда не забывается человеческое бескорыстие, а всё низкое и мелочное – клевета, обиды, пакости – быстро стирается из памяти.

Порою, вспоминая разные перипетии, переплеты, в которых пришлось бывать, предельно приближаясь к смерти или удаляясь от нее, невольно думаешь, действительно ли всё это было на самом деле; как может человек – такое слабое и хрупкое существо – вынести всё это, выжить и перенести через десятилетия и передать последующим поколениям!

Давно я вынашивал идею рассказать о событиях полувековой давности. Несколько раз начинал, набрасывал план, и каждый раз оставлял, считая эту затею бесполезной, никому, кроме самого автора, ненужной. И, действительно, кому нужно знать о том, как жили, мучились, воевали, убивали и умирали когда-то какие-то незнакомые люди!

Сколько таких же молодых ребят, как и я, в цвете лет, полных желаний, добрых намерений и надежд, мучились и погибали, безвестно исчезали, оставляя лишь воспоминания и фотокарточки у родных и знакомых! Кто же о них напишет?!

О своих злоключениях в годы жестокой войны я никому не рассказываю. Разве что какой-нибудь эпизодик иногда вспомнишь, и то близкому человеку, который, может быть, поймет тебя и посочувствует.

Всё же, теперь я начал и, думаю, на этот раз доведу до конца свое повествование о некоторых уцелевших в памяти эпизодах. Рассказ охватывает годы войны: фронт, плен, госпитали. На войне так же, как и в мирной жизни, бывает много однообразных, скучных дней и событий: стрельба, то наступление, то отступление, окружение, бомбежка, ранение, смерть. Это каждодневные, обычные явления фронтовой жизни. Поэтому я решил описать только некоторые моменты, выборочно, без соблюдения строгой хронологии. Имена и фамилии моих персонажей, время и места событий старался воспроизвести точно, без искажений; точность и достоверность соблюдается мной и в описании самих действий.

В трудное время родилось мое несчастливое поколение. Безрадостными были наше детство и отрочество. А после, когда кое-как выросли, почувствовали себя людьми,

окончили школу, начали работать и жить скромно, тут вот она (на тебе!), война, как снег на голову – одно из самых больших бедствий человечества, война, подобной которой еще не знала планета. На этот раз это было не нашествие татаро-монголов, скифов и других кочевников, и не поход крестоносцев средневековья, а нашествие цивилизованных европейцев XX века.

Грозные тучи начали собираться уже давно. Оккупация немцами Франции, Польши, Чехословакии, Болгарии, приближение фашистов к нашим границам – всё это уже говорило о близости войны, о том, что война уже готова взять нас в охапку, как хворост, и подбросить в огонь, чтобы поддержать его. Усиленно работали военные комиссариаты: партию за партией отправляли в армию ребят – пока только 1920, 1921, 1922-х годов рождения.

Надеюсь, мой дорогой читатель, простишь меня за шероховатость и нестройность стиля моих строк. Ведь я не Гоголь, не Толстой, на художественность не претендую, с меня достаточно и того, если я сумею довести до тебя самую суть описываемых событий. Прошу, наберись терпения, не бросай рукопись в долгий ящик, заставляя себя дочитать до конца, если даже неинтересно. Хотя узнаешь, какие мучения перенесли люди предшествующего поколения ради твоего спасения от порабощения и полного геноцида.

Еду служить в Красной Армии

Город Аккерман (с 1944 года переименован в Белгород-Днестровский) – пристань на Днестровском лимане, находится в двадцати километрах от Черного моря, юго-западнее города Одессы – примерно, на шестьдесят километров.

Тогда население городка составляло двадцать шесть тысяч человек. Жили здесь, в основном, русские, украинцы, молдаване, евреи, греки.

Несколько солдатских казарм, (построенных еще румынами), и военных городков украшали берега лимана, о которые беспрестанно бились пенистые волны Днестра.

Именно сюда приехал я служить на действительную военную службу 30 апреля 1941 года.

Я и мои товарищи из Кубинского района были включены в состав авто батальона при танковой части 97–37. Впрочем, она только называлась танковой частью: никаких танков в части не было. Предполагаемых танкистов учили с помощью одного разобранного танка, который стоял на плацу. Потом, когда началась война, нас, включили в мотострелковый полк.

На третий день службы меня назначили ротным писарем, и до самого начала военных действий я исполнял эту должность. Круг моих обязанностей был не очень широким: заполнял арматурные карточки на бойцов, составлял списки с полными данными на каждого, оформлял красочно расписание занятий на неделю – из черновика, составленного командирами рот и батальона.

Командир роты лейтенант Щербаков и комбат капитан Кирьяков относились ко мне, можно сказать, благосклонно: мне разрешали обращаться не по форме, а просто по-человечески. От многих занятий я был освобожден. По команде «подъем» я мог не вставать. Когда роту поднимали среди ночи по тревоге, меня это тоже не касалось.

О войне мы еще не думали, хотя до нее оставались считанные недели, точнее, всего пятьдесят дней. Об этом тогда еще никто не знал, кроме самого Гитлера и его генералов. Правда, на стенах военного городка тогда появились плакаты, вроде: «Лучше смерть, чем фашистский плен», «Не болтай! Болтун – находка для врага!», «Будь бдительным, боец!» и т.п. Эти плакаты заставляли нас задуматься, наводили на мысль о близости войны.

Значит, всё было в порядке. Я вполне акклиматизирован, адаптирован, свыкся с новыми армейскими условиями, чувствовал себя, как рыба в воде. И никаких проблем.

Но все же очень скоро нашлась и проблема.

Национальный состав батальона был пестрым: узбеки, казахи, таджики, и азербайджанцы – мои земляки, и, конечно, русские, украинцы, белорусы. Заметно было, как представители разных языковых групп держались обособленно. Барьер был и языковым, и национальным, а порою и религиозным. Меньше придерживались этого неписаного закона «старики», то есть старые солдаты. Братья-славяне дразнили кавказцев и среднеазиатов «йолдашами», «сачками», а те, в свою очередь, между собой называли их «сарылар», то есть рыжими, желтыми.

Особенно оскорбляло моих земляков ругательства, матерщина. Ругались, сквернословили без особых причин. Объектом ругательства в основном была «мать», не конкретно чья-либо мать, а так, вообще, это была для них как острая приправа для украшения речи.

Так как мои земляки плохо владели, или вовсе не владели русским языком, часто обращались ко мне, просили, чтобы я ходил к начальству жаловаться, что русские оскорбляли честь их матерей. Я не раз объяснял им, что это для них не ругательство, а употребляют они эти слова без всякого злого умысла, но всё это не помогало. В первое время я удовлетворял их жалобы, ходил с ними вплоть до комиссара полка. Конечно, принимались меры: агитация, порицания, наряды вне очереди, гауптвахты. Но это всё не давало желаемого эффекта.

Однажды, когда мой землячок, по имени Абас-Али, отказался выполнять приказ старшины, а тот требовал лишь лучше заправить койку, старшина не удержался и выругался по обыкновению. Абас-Али вспыхнул, ответил ему тем же, прибежал ко мне, потребовал, чтобы я немедленно пошел с ним жаловаться. Я на этот раз отказался. Тогда он сильно рассердился на меня и сгоряча выпалил:

– Ты заодно с ними, держишь их сторону. Подожди. Скоро начнется война, и когда немец возьмет нас в плен, я выдам тебя как еврея.

Я сильно был взволнован и потрясен, но не тем, что он меня собирается выдать, а тем, что война близка, и что

такая ситуация, не дай Бог, возможна. Конечно, скажи я об этом кому-нибудь из командиров, Абас-Али бы несдобровать. Но я промолчал. Чтобы еще раз не возвращаться к Абас-Али, отмечу сейчас, что скоро мне пришлось вынести его с поля боя тяжелораненого и сдать в санчасть, хотя он просил меня добить его, так как его рана была смертельна, и он это знал.

Жизнь потекла своим чередом, конфликтов становилось всё меньше; мало-помалу земляки начали привыкать к этому бессмысленному сквернословию, да и сами ругатели стали меньше ругаться. И самое забавное было то, что мои земляки начали сами пользоваться этой же терминологией и перестали досаждать мне своими жалобами.

Время шло. До войны оставалось всё меньше, но мы никак не ждали, что эта страшная минута наступит так неожиданно.

Теперь я забегу немного вперед и расскажу об одном из парней нашего поселка, вместе с которым я выехал из Кубинского военного комиссариата в армию.

Бэбэ Нисон

Из поселка Красная Слобода в нашей команде, когда мы ехали служить в армию, был еще парень по имени Бэбэ Нисон. Это был крепкий парень высокого роста, с красивыми черными глазами и усиками. На лице его постоянно играла приятная улыбка. Нисон был битый парень, уже тогда побывал во многих городах России и Украины. Не помню, на два или на три года он был старше меня. Как только мы приехали в Аккерман, еще в штабе дивизии его разлучили со мной, включили в артиллерийский полк, который стоял тоже на берегу лимана, немного подальше от нас, однако видеться мы не могли.

Первые дни войны. Где-то недалеко от городка Гайворон, случайно я увидел его в рядах артиллеристов, которые проезжали мимо нас. От него я узнал, что он

числится наводчиком 45-й миллиметровой пушки. Мы были безмерно рады встрече. Только успели поговорить минут десять-пятнадцать, и полк их поспешно уехал на фронт.

Позже, когда после месячных боев нас привели на отдых и переформировку, состоялась еще одна наша встреча. Мы стояли в лесной школе, вернее, в недостроенном здании лесной школы. Сюда приехали мы прямо с передовых позиций, грязные, усталые, вшивые. Так мучили нас насекомые, что жить не хотелось, хоть вешайся. В тот же день в лесу устроили баню, мы помылись, побрились, переоделись и успокоились. Я чувствовал себя превосходно. Вышел погулять по лесу. Рядом с нашим батальоном я увидел стоявших тоже на отдыхе артиллеристов. Усатый повар в белом халате раздавал солдатам суп из полевой кухни. Лицо повара показалось мне знакомым. Это был он, Нисон. Он сильно изменился, да еще в белом халате. Возле кухни стояла небольшая очередь. Солдаты, которые стояли в очереди, просили его налить погуще, и я подошел, стал в очередь, не ради супа, конечно. Чтобы привлечь его внимание, я попросил тоже «погуще». Он моментально среагировал, посмотрел на меня, положил свой черпак и бросился ко мне. Трудно описать, какова была наша радость. Потом, когда он всех накормил, мы долго сидели под большой сосной, успели обо всем поговорить.

Нисон работал уже шеф-поваром (оказывается, он где-то учился в кулинарном училище) и одновременно готовил для командира полка. Нисон попросил меня немного подождать и ушел, захватив с собой мой вещмешок. Скоро Нисон вернулся, принес мне кое-что из продуктов, которыми солдата не баловали: немного сливочного масла, папиросы, спички, кишмиш, сахар, еще кое-что. Пошли вместе в кино, которое солдатам устроили тут же, в лесу. На другой день он пришел ко мне. На третий день, когда я снова пошел туда, их части уже и след простыл. Они уехали в неизвестном направлении. На месте их стоянки только были разбросаны обрывки бумаги, пустые

консервные банки. Это была наша последняя встреча. Когда я вернулся домой в июле 1945 года, сразу пошел к ним домой, в надежде, что и он уже дома. Меня встретила его мать – женщина лет пятидесяти. Нисон не вернулся, от него не было никаких известий. Прошли годы, так и не было от него ничего нового. Бедная мать! Ждала и надеялась до самой своей смерти. Каждый раз, когда встречала меня, радовалась, будто видела сына. Умерла она лет через тридцать, так и не дождавшись его.

Война началась

В субботу, 21 июня 1941 года, я работал над расписанием занятий на неделю. Уже закончил расписание для первого и второго взводов нашей роты и решил лечь отдыхать, а продолжение сделать завтра, в воскресенье, 22 июня.

Все уже спали на своих нарах, и я лег. Долго не мог заснуть. Когда я лег, был уже третий час ночи. Только задремал, как вдруг послышались торопливые шаги, дневальный заорал:

– Тревога! Подъем! Быстро!

Все повскакали со своих мест. Учебные тревоги объявлялись часто, но я в них обычно не участвовал. Вот и теперь я лежал и не двигался с места.

Через минуту новый крик:

– Быстро! Быстро! Вытряхивать солому из матрасов и наволочек в окно, сложить и сдать старшине! Это было что-то новое, непривычное. Вытряхивать в окно солому – это означало, что спать нам в казарме уже не придется. Обыкновенное русское слово «вытряхивать» на этот раз мне показалось каким-то чужим, некрасивым, зловещим. Я всё понял. Не успел осмыслить услышанное, как раздался голос комиссара полка:

– Война, товарищи бойцы. Немцы напали на нас.

Я встал, поспешно оделся, вытряхнул в окно матрас и наволочку, захватил свой вещмешок и был готов к выходу.

Вскоре послышался гул бомбардировщика, и во дворе казармы, и на берегу лимана со зловещим свистом упали первые бомбы. Через двадцать минут весь батальон выстроился за казармой, был назначен новый, усиленный наряд, расставлены посты. Я с младшим сержантом Васюковым должен был дежурить на крыше казармы у станкового пулемета. Наша задача состояла в том, чтобы стрелять по немецким самолетам. Они летали часто, мы стреляли усердно, но не попадали. Мне было страшно.

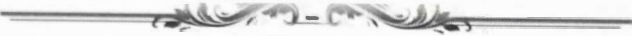
Через два дня из военного городка было вывезено всё, что было на складах: боеприпасы, обмундирование, продукты; всем раздали винтовки с 200 патронами, гранаты и пехотинские лопаты. Казармы опустели. Дивизия вся обосновалась в лесу, недалеко от деревни Шабо. Но скоро был дан приказ отойти дальше в леса, на северо-восток.

Боевое крещение

Под небольшим городком Гайсин около села Красное, мы остановились в полночь. Это был приказ командира полка. Здесь я и получил, как принято говорить, боевое крещение, то есть, я первый раз принял участие в бою. К этому времени я уже был стрелком, должность писаря сдал.

Батальон остановился у лесочка, и мы сразу окопались, расставили посты и секреты. На нашем левом фланге было замаскировано несколько наших машин с продуктами и военным снаряжением. У нас была только одна 45-миллиметровая пушка, прикрепленная к одной из машин.

Было тихо. Никаких признаков войны. Поужинали. Спать в таких условиях, конечно, не положено. Мы еще не знали, с какой стороны ждать немцев, но всё же заняли оборону около дороги, лицом на запад. Во все стороны была послана разведка. Вдруг, из-за бугра в небо поднялась зеленая ракета, за ней еще и еще. Это немцы, как мы узнали позже, освещали пространство перед собой. И тут же начали стрелять из своих многочисленных автоматов и пулеметов. Оказывается, они сюда пришли еще с вечера, а

теперь обнаружили нас. Всё было нам понятно. Перед нами, совсем близко, за бугром, стоит сильный враг. Однако, нам уже было известно, что немцы ночью в атаку не идут: они страшно боялись ночного боя, стреляли так, наугад, на всякий случай. Ждали утра.

На рассвете стрельба усилилась. Теперь они уже стреляли и из минометов прямо по нашим позициям, видимо, ночью их разведка тщательно сработала. Уже было светло, мы отчетливо видели, как на нас двигались немцы в своих темно-зеленых касках. Впереди шел один легкий танк. Видно, на этом участке у них не было много танков. Мы стреляли из своих винтовок и пулеметов. У немцев пулеметов и минометов было гораздо больше. От минных осколков погибли командир первого взвода и еще три бойца. Но раненых было много. Одна мина попала прямо в машину, к которой была прикреплена наша пушка. Но мина попала со стороны кабины. Пушку быстро отцепили, с машины выгрузили снаряды.

Немецкий танк двигался с опаской, медленно. Из нашей пушки дали два-три выстрела. Каково было наше общее ликование, когда мы увидели, что немецкий танк начал гореть! Из люка выскочили двое танкистов, которые не успели отбежать и двух метров, как были расстреляны нами и упали. Нас предупредили, что сейчас начнем контратаку. Была команда: «Приготовиться! Встать!». Кто-то из командиров взвода скомандовал: «За Родину! За Сталина! Вперед!». И мы с криком «Ура!» бросились вперед.

Немцы остановились в нерешительности, а потом начали отходить, оставив на поле боя своих убитых и раненых. Но и наших было перебито много. Немцы отошли за бугорок, но стрелять не перестали. Они заняли свои прежние позиции и открыли бешеный огонь из всех видов оружия. Наступать на их укрепленные позиции нам нельзя было.

Во-первых, мы должны были пройти по полю под сильным огнем, тогда весь батальон остался бы там; во-вторых, немцы обошли бы нас с двух сторон, окружили бы

и уничтожили. Сплошного фронта не было. Был приказ отойти.

Мы ушли, однако успели похоронить убитых, сделать перевязку раненым и погрузить их в машины. Убито было человек тридцать. Все они были похоронены в одной братской могиле, около села Красное. Во время контратаки погиб и политрук Евгений Галахов, был ранен в голову комбат Кирьяков.

В начале войны, по уставу, командиры должны были идти в атаку впереди. И немцы воспользовались этим умело: расстреливали их в первую очередь, чтобы обезглавить наших бойцов. Позже, уже в 1942 году изменили этот пункт устава. Политрук Евгений Галахов был стройный и красивый парень лет 25, хорошо воспитанный, честный, благородный, видно, из очень порядочной семьи. Он хотел поднять в атаку роту, которая на минуту заколебалась. Он встал и крикнул: «За Родину! За Сталина! Вперед, ребята, не робейте!», – и тут же упал, сраженный в самое сердце очередь из пулемета.

О самолетах

Мы отступали. Были, правда, отдельные стычки, когда наводили на немцев страх, обращали их в бегство, но в основном мы отступали. Мы часто попадали в окружение. Выходили в одиночку или небольшими группами, находили своих, снова занимали оборону, встречали немцев. Но, видя, как они открывают свои «объятия», чтобы «обнять» нас и уничтожить, снова отступали. Обычно немцы наступали под прикрытием танков и бронемашин. Иногда на одну нашу растрепанную роту двигалась колонна из 20–30 танков, а иногда и больше. А самолеты! Бомбежки не давали нам ни минуты покоя, самолеты летали над нами так низко, что мы пытались сбить их из наших винтовок и карабинов, обычно безуспешно.

– Где же наши самолеты? – часто возмущенно спрашивали мы друг друга.

— Почему нет воздушных боев? Почему немецкие самолеты хозяйничают в нашем небе?

Если даже иногда и появлялись наши «ястребки», и то на короткое время. Иногда мы, услышав высоко над головой гул тяжелого бомбардировщика, спорили между собой: летит наш или немец. Только, когда на нас со свистом падали бомбы, мы убеждались в том, что летит немец. У нас появилась такая поговорка: «Самолет немецкий, а бомбы наши». Позже мы уже по звуку угадывали безошибочно, чей самолет, а по свисту — куда примерно упадет бомба.

Однажды нам улыбнулось счастье. Это было в начале июля сорок первого. Два батальона нашего полка, рассеянные немецкой артиллерией и авиацией, беспорядочно отступали, усталые и недовольные, ругая, на чем свет стоит, командование за неумение вести бои. Шли мы посреди спелой ржи. С нами оказался и командир полка генерал-майор Родин со своими телохранителями и штабом полка. Нас всё же было много: всё ржаное поле кишело бойцами. Отступали не панически, а более или менее организованно.

Вдруг из-за горизонта послышался гул мотора. Это был итальянский двух фюзеляжный корректировщик, прозванный нами «рамой». Он действительно очень напоминал «раму» и уже был нам знаком. Бомб он не носил, но у него был крупнокалиберный пулемет. Его задача заключалась в том, чтобы корректировать перед своим наступлением расположение и состояние войск противника. Он летел очень низко над нами, считая, что мы не осмелимся по нему стрелять. Не договариваясь, без команды, мы одновременно открыли по нему огонь бронебойными патронами с черной головкой. Вдруг «рама» накренилась, перестала стрелять и выпустила сперва слабый клубок черного дыма, а через несколько секунд самолет был весь охвачен огнем. Что-то черное начало падать прямо на нас. Это один из фашистов прыгнул с парашютом, а другой, видимо, не успел, сгорел. «Рама» врезалась в землю. Всё поле было охвачено криками:

«Ура!» и веселыми возгласами. Ликование было такое, будто мы взяли Берлин. Некоторые подняли свои винтовки, чтобы застрелить парашютиста еще на лету, но на них прикрикнули. Фашист приземлился. Это был первый живой немец, которого мы видели так близко. Перед нами стоял рыжий, веснушчатый, долговязый молодой парень. Его повели к генералу Родину. Это всё, что я видел сам своими глазами. А что было дальше, я не видел. А вот что рассказывали. Говорили, что летчик очень нагло вел себя во время допроса с генералом. Нашли переводчика, привели, а немец вдруг резко начал по-русски:

– Не надо переводчик. Я сам есть знает по-русски. Если хотите, чтоб я отвечаю вам, сначала накормите. Я сегодня не обедал.

Пришлось накормить немца рисовой кашей с куском свинины, чтобы он подавился, супостат проклятый. Поел и заявил, что «нишего не скажет».

– Вы меня, конишно, убийт, но ваш дело проиграна. Ваш Красни Армии разгромлено. Скоро мы возьмем Москва.

Так рассказывают очевидцы, которые находились поближе от того места, где сидел генерал. Но факт тот, что пленного не расстреляли, а отправили в тыл, в штаб дивизии. Я не намерен излагать все подробности боев при нашем отступлении, всех мучений солдат на фронте, в окопах, во время отдельных случайных или преднамеренных стычек. Всё было: окружение, «мешки», «подковы», «кольца», «котлы», «прорывы».

Бывало, после выхода из окружения, не находя своей части, мы примыкали к какой-нибудь другой части, и оставались там до встречи со своими...

На боевом охранении (в секрете)

Был и такой случай.

Где-то недалеко от Винницы наш батальон занял оборону в открытом поле. Меня, с одним моим земляком по фамилии Зариев (впрочем, он не вернулся с войны), выставили на боевое охранение, метров на 50–60 впереди

наших окопов. Немцы стреляли просто так, чтобы под покровом ночи мы не сунулись. Они стреляли трассирующими пулями, так что можно было проследить, откуда стреляли и куда пули летят, описав траекторию. Мы, не моргая, смотрели вперед. Вдруг что-то не стало слышно возни из наших окопов. Мертвая тишина. У меня возникло сомнение, и я сказал Зариеву:

– А ну-ка, ползи к командиру и узнай, как и что там, скоро ли будет смена. Зариев вернулся очень быстро и взволнованно сообщил, что в окопах никого нет, везде пусто. Сомнений быть не могло: нас забыли снять с боевого охранения, и мы должны были принять самостоятельное решение. «Неужели, – думаю, – от страха окружения забыли о нас и поспешно ушли?» Как бы там ни было, мы сами снялись с боевого охранения, и пошли наугад по предполагаемому следу своего батальона.

Шли до утра без остановки. Всю ночь и справа, и слева слышалась стрельба из немецких автоматов и пулеметов. Нетрудно было догадаться, что мы снова выходим из «подковы» по единственному коридорчику, который еще не у немцев. Наконец, заметили, что ни справа, ни слева не слышно выстрелов, стреляют уже позади нас.

Потом я узнал, в чем была ошибка. Оказывается, не немец нас окружил, а мы сами попали в лапы немцам и заняли оборону с вечера. Это наши разведчики оплошали, дали неточные сведения. Когда послали других разведчиков – контрольно на правый и левый фланги, выяснилось, что наш батальон занял оборону в полукольце врага. Тогда и ушли, забыв о нас, горемычных. Перед нами было свободное поле, усеянное копнами и снопами пшеницы. Остановились, поели сухарей, сохранившихся в наших вещмешках.

Вскоре наше внимание привлекло движение какого-то кавалерийского отряда. Мы приблизились к нему. Нас окликнули, мы остановились. Спросили пароль. Конечно, пароля мы не могли знать: его меняют раз в сутки в полночь. Кавалеристы сперва нас приняли за немецких разведчиков, переодетых в нашу форму. А такие случаи

уже бывали неоднократно. Я пошел к ним, объяснил командиру эскадрона, кто мы такие и куда путь держим. Поверили нам и объяснили, что наша часть двинулась на северо-восток, но куда точно, не знали. Предложили остаться с ними в эскадроне. Свободных оседланных коней и сабель было много: немцы порядком потрепали отряд. Я первый раз в жизни сел в седло, а Зариев в этом деле оказался привычным. Ему даже понравилось быть кавалеристом. Поехали.

На третий день, проезжая через большое село, вдруг мы увидели знакомые лица наших однополчан. Обрадовались, быстро слезли с коней, поблагодарили командира эскадрона за приют, простились с кавалеристами, с которыми уже успели перезнакомиться, и пошли к своим. Нас уже считали пропавшими, вычеркнули из списков, сняли с довольствия, а командир взвода, который забыл нас на боевом охранении, увидев нас, опешил и признал свою ошибку. Он ожидал, что мы первым делом пойдем к комбату жаловаться. Увидев, как он побледнел и смотрел просящим взглядом, я его успокоил, что жаловаться не будем. Скоро бедный комзвода погиб прямо в траншее от снайперской пули.

О неотвратимости судьбы

Я никогда не верил и не верю в неотвратимость судьбы; глубоко убежден в том, что всё зависит от стечения обстоятельств. Не допусти в какой-то момент ту или иную ошибку или оплошность – всё случилось бы иначе. Но фаталист на это ответит: «Именно эта ошибка и предопределена таинственной силой, роком, и от судьбы не уйдешь. Недаром же говорится, что если Бог хочет наказать, сначала отнимет разум».

На войне приходилось видеть много всякого рода смертей и ранений, и я никогда не считал, что это явление случайное. Наоборот, это вполне закономерно в данной ситуации. Более того, если никакая смерть тебя не берет в экстремальных ситуациях, именно это есть случайное.

Во время неожиданной бомбежки, когда в открытом поле на одну роту солдат нападает целая эскадрилья бомбардировщиков и безжалостно сеет свой смертельный груз, случайным является не то, что кого-то убило, кого-то ранило тяжело, а как раз, наоборот: здесь, случайно то, что тот или иной остался целым и невредимым.

На войне так же, как и в мирной жизни, очень много бывает примеров, которые заставляют думать, как яркий фаталист, хочешь ты этого или не хочешь.

Позволю себе рассказать несколько оставшихся в памяти и поразивших меня случаев, хотя несколько забегаю вперед.

В начале войны, в один из жарких июльских дней 1941 года, два немецких бомбардировщика, которые летели куда-то по заданию, вдруг заметили в небольшом садочке скопление наших отступающих солдат. Здесь было не более пятидесяти пехотинцев и один тяжелый танк с тремя танкистами. Бомбардировщики заметили нас, сделали круг, сбросили две бомбы и улетели. Они бы с удовольствием сбросили весь свой груз, но не могли сделать этого, так как у них было другое задание. Ну, ребята, понятно, кто куда: кто в ямочку, кто за бревном, кто просто прижался к земле. Я нашел себе углубление. А один из трех танкистов, думая, что нет более безопасного места, чем в кабине своего танка, быстро прыгнул туда, а люк не закрыл. И что вы думаете?! Одна из двух бомб угодила прямо в открытый люк. Что стало с танкистом, и говорить страшно! Саша, так звали его, был из Воронежа, ему было 22 года. И больше в этой бомбежке никто не погиб. Только двух легко ранило.

А вот другой пример.

Однажды, в начале войны, примерно в три часа дня, выдали нам сухой паек на несколько дней. А это означало, что завтра на рассвете должны выступить. Через два часа мы узнали, что один боец из нашего отделения внезапно заболел. Его взяли в санчасть, которая находилась в большой палатке в лесу. Пошли узнать, что с ним случилось. Нашли его. Он лежал, держался за живот и стонал. Температура высокая. Оказывается, узнав о

предстоящем наступлении, он съел небольшой кусок туалетного мыла, и врач признал у него дизентерию.

Увидев нас, он заплакал. Всё сам рассказал нам о причине своей болезни, а плакал он, по его словам, не за себя, а за нас, что мы завтра все можем погибнуть. Мы ушли в роту.

Утром, действительно, мы пошли в наступление, которое не принесло успеха. Полк был разгромлен, в панике отступили и еле вышли из зоны окружения. Здесь у немцев было очень много танков и минометов. Мы отступили и заняли свои прежние позиции. Немцы почему-то не стали нас преследовать.

Прошло несколько дней. Я поинтересовался судьбой нашего больного. В санчасти нам сказали вот что: в тот самый день, когда мы пошли в наступление, один большой снаряд из дальнобойной пушки упал прямо на палатку санчасти. На ее месте осталась большая глубокая воронка. Кроме этого солдата, там погибли врач и сестра, которые здесь оказались только ради этого больного. Я пожалел только о них. Эта воронка стала братской могилой. Так что, никто на войне не может предугадать, где смерть его поджидает. Человек, говорят – предполагает, а Бог – располагает.

О том, как Степа хотел спастись от смерти

Был в нашем взводе солдат по имени Степа, удмурт по национальности. Тогда я был командиром отделения, так как недавно был убит наш командир младший сержант Комаров Костя, и командование отделением временно я взял на себя. Степа был в моем отделении.

На бугорочке вырыли себе окопчики в шахматном порядке, на 4–5 метров друг от друга. Немцы были на противоположном бугорочке. Внизу, между нами и немцами был небольшой лесок. Окопчик Степы – в первом ряду, рядом с моим, совсем на краю бугорочка. Прямо перед нашими окопами – узенький неглубокий овраг, по

которому можно было спуститься вниз к лесочку. Место очень опасное. Ночью по овражку могла подняться немецкая разведка незамеченной и сцапать нашего солдата. Поэтому мы, сидящие в первом ряду, должны были особенно зорко наблюдать.

Иногда Степа приползал ко мне покурить и немного побеседовать. Вот и сегодня он опять приполз ко мне в гости, прыгнул в мой окоп. Закурили, прикрываясь плащ-палаткой, чтобы не обнаружить себя. Вдруг Степа возьми и скажи мне напрямик: «Командир, я хочу перейти туда, – он показал рукой на немецкие окопы. – Всё равно здесь мы все погибнем, как швед под Полтавой. Как ты на это смотришь?» Я его, конечно, обругал, как следует, и мне показалось, что убедил его. Он обещал, что об этом больше и не подумает, просил никому не говорить. И ушел в свой окоп. Но я уже не выпускал его из своего поля зрения. Я смотрел теперь не только в сторону немцев, но и на Степу.

Настало утро. Надо было кого-нибудь послать за завтраком в наш тыл, где в укрытии стояла полевая кухня. Я позвал Степу, ответа не последовало. Я оторопел. Когда же он успел улизнуть? Ведь я внимательно смотрел в его сторону! Однако, я промолчал и позвал другого солдата – Иглового, который сидел левее меня. Он принес всё, что было положено. Я заглянул в окоп Степы. Он спал безмятежно, как будто никакой войны и нет. Я разбудил его, он позавтракал. Когда же я начал ругать его за его поступок, что так он может стать «языком» для немцев, он сердито сказал: «Ну и пусть!»

Не успели еще все позавтракать, как на горизонте, со стороны немецкой линии обороны, появились два немецких истребителя - «мессершмитта». Они сначала сделали круг над своими окопами, потом прилетели на наши окопы, покружились и начали стрелять по нам из своих крупнокалиберных пулеметов.

Пули падали, как редкий дождик, но никто не дрогнул, кое-кто даже начал стрелять по «мессерам». Один Степа не выдержал, выскочил из своего окопчика – и бежать через наши окопы в тыл. Все кричали ему: «Ложись быстрее!»

Убьет же, дурак!». Он растерялся, не знал, что делать. Один из «мессеров» стрелял прямо в него и не отставал. Степа, наконец, лег на землю. Немец сделал еще один заход и снова начал стрелять прямо в него.

Вдруг Степа съехался, привстал и упал навзничь. Самолеты улетели, и я побежал к Степе. Он уже был мертв. Пуля попала в спину и прошла в грудь. Еще один боец был ранен в руку.

Бедный Степа! Он никак не мог примириться с мыслью, что на войне можно погибнуть. Что он только ни делал, чтобы уйти от смерти. Сидел бы он в своем окопчике, может быть, и остался бы жив. Степу оттащили и похоронили за бугром.

Снова на боевом охранении

Меня, с одним грузином, по фамилии Кавтарадзе, опять выставили на боевое охранение. К тому времени я отделение сдал новоприбывшему сержанту. Нас оставили днем в кукурузном поле. На конце поля был небольшой хуторок. Впереди – чистая зеленая равнина без зеленого кустика, откуда должны появиться немцы. За нами расположился наш батальон. Немцы не заставили себя долго ждать. В конце поля, метров на 400–500 от нас, показались солдаты в зеленых касках, с автоматами, ручными пулеметами и минометами. Шли они вяло, как будто нехотя. Расстояние между нами было порядочное. Мы встали, чтобы добежать к своим и доложить об обстановке.

Вдруг наш взор привлекла немецкая легковая машина, которая была уже около хуторочка. Машина двигалась бесшумно и тянула за собой связь. В ней сидели три немца. Прежде, чем пойти доложить, мы решили остановить машину. Первый залп мы дали по колесам. Машина остановилась. Второй залп дали по немцам. Видно было, как один из немцев откинул голову, а двое других выскочили из машины – и бежать. Мы пошли через хуторок. Несколько женщин вышли и стали укорять нас,

что теперь немцы придут и учинят над ними расправу за выстрелы в машину. Они были правы. Мы ушли, сопровождаемые недовольными взглядами хуторян. Вернулись на место нашей бывшей обороны – там уже никого не было.

Мы бежали по пересеченной местности в ту сторону, куда, примерно, могли уйти наши. Над нами стал кружиться «мессершмитт». Мы не могли предположить, что истребитель возьмется воевать с двумя солдатами. «Мессер» сделал круг, спустился ниже, видно, чтобы рассмотреть поближе, кто мы такие, и, узнав, немедленно открыл огонь из пулемета. Поднялся и опять сделал круг, спустился ниже и опять дал длинную очередь. Пули падали вокруг нас. Одна пуля ударилась о камень прямо возле моих ног и рикошетом проскочила мимо шеи. Другая из этой же очереди слегка задела плечо Кавтарадзе. А «мессер» не уходит, гонится за нами стервятник, что называется, по пятам. Тогда Кавтарадзе придумал хитрость:

– Он не улетит, пока нас не прикончит. Давай притворимся убитыми и упадем в ложбинку. Он был прав: другого выхода не было. Мы так и поступили. При очередном заходе «мессера» я упал навзничь. То же самое сделал и Кавтарадзе. «Мессер» дал еще очередь и улетел, успокоившись, что, наконец, прикончил двух солдат противника.

Мы пошли быстрее. Где-то впереди три бомбардировщика безжалостно бомбили кого-то. Остановиться нам нельзя было: нас могли окружить. Надо было догнать своих. Шли мы, почти целую ночь, и только к утру случайно наткнулись на часовых из нашего батальона. Остановились, закурили вместе. От часового мы узнали, что, когда батальон выходил из окружения, попал под сильную бомбежку, погибли девять человек, и было много ранено.

Рассвело. Мы пошли в расположение роты, узнали, что среди погибших был и старший сержант, который оставил нас в боевом охранении. Значит, жаловаться было не на кого. Пошли к командиру роты и доложили, что мы были

забыты в боевом охранении, и рассказали всё, что видели. Пришли в свое отделение. Из прежнего состава роты осталось меньше половины, а я был еще жив и здоров, без царапинки. Видно, моя пуля еще не была отлита и доставлена на фронт немцами.

Еще одно неудачное наступление

Скоро мы получили новое пополнение из наспех, кое-как обученных новобранцев, добрая половина которых погибла в бою, когда немцы форсировали Днепр.

Расскажу немного подробнее об этом сражении. Точное название местности я не помню. Знаю только то, что это было недалеко от Кременчуга.

Мы стояли в сосновом бору, стояли довольно долго. Вымылись, переоделись, отдохнули, ходили на занятия за бором. Особенно, командиры обращали внимание на обучение новобранцев. Старые бойцы помогали командирам в этом.

Немцы тогда стояли на правом берегу Днепра. Однажды вечером нам выдали сухой паек на несколько дней. На рассвете другого дня мы были уже на месте, нас перебросили на полуторках. Окопались и ждали приказа. Немцы стояли напротив нас в кустарниках. А между нами было чистое поле без деревьев. Стороны вели вялую перестрелку: то немец даст несколько выстрелов из миномета или из пушки, то с нашей стороны дадут несколько залпов. Иногда слышались пулеметные и автоматные очереди.

Наконец, неожиданно для нас, началась мощная артиллерийская подготовка с нашей стороны. Огонь был до того сильный, что немцы вынуждены были пока замолчать. В небо поднялись три их бомбардировщика и направились прямо на наши позиции. Заработали наши зенитки. Один из бомбардировщиков был сбит сразу, остальные еще не успели развернуться, как с нашего тыла появились два наших истребителя. Завязался воздушный бой. Еще один из бомбардировщиков был сбит нашими

истребителями, а третий поспешно бросил свой груз явно не там, где бы ему хотелось, и удрал, гонимый нашими истребителями.

Артподготовка продолжалась. Нас подняли в атаку. Откуда ни возьмись, вдруг впереди нас очутились штук двадцать новеньких зелененьких танков, не похожих на наши танки. Это была помощь наших союзников – танки были английские. Мы шли за танками и стреляли из своих винтовок. Немцы на нас не обращали столько внимания, сколько на танки, интенсивно начали бить из своих противотанковых орудий. Два танка были уже подбиты. Но мы шли вперед с криками «Ура!». Бежали мы на немцев, несмотря на бешеный огонь из всех видов легкого оружия. Много наших полегло там, но немцы не выдержали натиска, вышли из своих окопов и начали драпать.

Мы уже перешли через их окопы, и стали их преследовать. Вдруг, с левого фланга показались несколько тяжелых немецких танков, которые немедленно начали стрелять по нам из своих пушек. Это нас не испугало. Но, когда с правого фланга мы увидели, целую колонну таких, же танков, идти уже было невозможно. Английские танки горели один за другим, как будто были сделаны из картона. Все танки, и справа и слева, открыли огонь по нам, и одновременно немцы открыли огонь из своих пушек и минометов. В это время почему-то наши пушки молчали. Бежавшие немцы остановились и тоже стали стрелять из автоматов и пулеметов.

Поле боя превратилось в ад. Наша цепь дрогнула. Наступление сорвалось. Немцы явно были сильнее нас. Когда немцы, под прикрытием своих танков с обоих флангов, пошли в контратаку, мы вынуждены были отступить, чтобы сохранить оставшихся бойцов, но короткое время всё же продержались, вынесли раненых.

Опять отступили. Слишком коротка была наша радость. Сила силу победила.

Однако, это наступление, хотя оно и не удалось, намного отличалось от прежних: наш солдат стал более устойчив.

Половина полка осталась на поле боя, не досчитались многих наших активных бойцов. Правда, и немцев перебили мы порядочно, но от этого нам было не легче. И никто никогда не будет знать, кто убит, кто тяжело ранен, где и как зарыты убитые. Долго еще будут ждать жены, матери, отцы, невесты этих славных воинов. В лучшем случае, они получают бумажку: «Погиб в боях за Родину», или «Без вести пропал». И на этот раз мне повезло. Я не убит, не ранен, не контужен. Но твердо сознавал: наступит скоро и мой черед, что «моя» пуля или «мой» осколок все, же найдут меня.

Остановились недалеко от города Кобелянки Полтавской области Украины. Снова получили пополнение, танки, пушки, минометы; больше и чаще появлялись наши самолеты. Готовились к новым боям. Немец уже не так быстро двигался.

Никто из нас уже не думал о смерти, точнее, о жизни. Вопрос о жизни и смерти был решен каждым. Было ясно: сюда пришли биться с непримиримым врагом. Когда же нас всех перебьют, наше место займут другие, и так далее. Страна огромная, людские резервы нескончаемы. Какие-то счастливчики доживут до заветного дня победы. Я не видел вокруг себя очень многих, с которыми начал войну.

Я считал себя битым солдатом. Безошибочно по гулу определял, наш самолет летит или немецкий; стреляет наш пулемет или немецкий; по свисту летящего снаряда или мины знал, где примерно они упадут.

Я героических поступков не совершал, но верно и честно занимал свое место в цепи бойцов. С поля боя не уходил в панике, а отступал вместе со всеми, более или менее организованно. При наступлении не лез вперед и, особенно к земле не прижимался.

Но время шло. Приближались холодные дни и ночи. По ночам и по утрам в летнем обмундировании уже было холодно. Участились дожди. В окопах мерзли, однако о простудах и других заболеваниях не было и речи. В домашних условиях давно бы схватили грипп или воспаление легких.

Однажды, это было в середине ноября 1941 года, нашему взводному пришлось занять оборону прямо на дамбе из хвороста. Под хворостом была вода.

Под утро я заметил, что от нашей тяжести хворост опускается всё ниже и ниже в воду. Половина тела уже была в воде. Утром, когда надо было идти вперед, все мы были до самого подбородка в воде. На воде вокруг нас образовался тонкий слой льда. Вся одежда была мокрая насквозь до нитки. Пошли с криками «Ура!». Вся одежда на нас и высохла. Никто из взвода не заболел, не подхватил даже легкого насморка.

Нельзя было нам тогда болеть, зато теперь за всё расплачиваемся: обнаруживаются больные почки, печень, легкие, радикулиты, разные артриты и прочая нечисть.

Чем дальше мы отступали вглубь нашей территории, тем атаки немцев становились менее самоуверенными и наглыми. Они уже боялись нас больше, чем мы их. Немцы были теперь не те, что в начале войны. И наш солдат был уже не тот. Да и вооружения стало у нас больше. У многих из нас уже были автоматы ППШ.

Участились воздушные бои, где чаще побеждали наши «ястребки». Наши зенитчики чаще сбивали немецких пикировщиков. Помню, как однажды, из двенадцати бомбардировщиков, напавших на одну нашу зенитную батарею, шесть было сбито одним и тем же расчетом.

Для борьбы с немецкими танками пехота получила специальные бутылки с зажигательной смесью. В нас мало-помалу укреплялась уверенность в том, что, действительно, придет «праздник на нашу улицу», что победа не только возможна, но она уже близка. Самое главное, каждый солдат научился ненавидеть врага. Фронт из прерывистого стал сплошным. Теперь мы знали, где наш тыл, где фронт, где немец, где мы.

Разгром немцев под Москвой в декабре 1941 года еще более воодушевил наших солдат. Укрепилась уверенность, что немца можно обращать в паническое бегство. Солдаты наши отчаянно сопротивлялись и уже так легко не оставляли своих позиций. Где можно было, предпринимали

ночные атаки, чего немцы боялись, как черт ладана. Иногда, напуганные внезапностью, немцы бежали в нижнем белье, оставляя даже личное оружие.

Наконец, мы получили зимнее обмундирование, вплоть до валенок. А у немцев еще этого не было. Ведь они думали до зимних стуж завершить войну! Они мерзли в окопах, собирали у населения теплую одежду: шубы, кожаные пальто, ушанки, женские шали, валенки.

Трагическая весна 1942 года

Весной 1942 года, наши войска готовились к широкомасштабному наступлению на Харьков. Были подброшены сюда огромные силы. На фронт предоставили много гвардейских минометов («катюш»). Наступление началось 12 мая. Немцы не выдержали напора, начали панически отступать, оставляя всё: склады, машины, пушки, своих убитых и раненых. Но уже через пять дней обстановка изменилась. Крупная подготовленная наступательная группировка противника, под кодовым названием «Клейст», нанесла фланговые удары по растянувшимся коммуникациям наших войск, около двадцати дивизий попали в окружение. Наступлением немецкой 6-й армии руководил генерал Паулюс, тот самый, который позже был взят в плен в Сталинграде.

Он после войны долго еще был в Москве, говорят, что даже преподавал в Военной академии имени Фрунзе. Потом, уезжая в Германию, Паулюс выступил с небольшой речью и, в частности, сказал, что пришел он в Россию как враг, а уезжает как друг. Таким образом, немцы превосходно воспользовались нашими ошибками и задумали новый крупный маневр: приостановив наше наступление, взяли инициативу в свои руки, добились крупного успеха.

Наши шоферы, которые ездили в тыл за снарядами и продовольствием, возвращались ни с чем. Дорога назад была отрезана. Много poleglo там наших. Войска стали неуправляемыми, спасались, кто как мог. Со всех сторон беспрерывно работали пулеметы и минометы, с неба

сыпались бомбы. К 20 мая мы были вытеснены на большое чистое поле, кольцо с каждым часом становилось всё уже и уже. Это была самая большая катастрофа в ходе войны.

В этом громадном котле и я занимал свое крохотное место, откуда началось мое хождение по мукам. Еще два-три дня крутились, поэтому окруженному полигону. Эскадрильи тяжелых бомбардировщиков постоянно прилетали и улетали, сменяя друг друга. Где увидят небольшое скопление людей, туда бросают свой груз. В промежутках между бомбежками иногда забрасывали нас листовками, примерно, такого содержания: «Солдаты Красной Армии! Вы окружены со всех сторон доблестными войсками фюрера. Положение ваше безнадежное. Сдавайтесь в плен, пока не поздно. Пришел конец жидо-большевистской власти. Идя сдаваться, не забудьте взять с собой котелки и ложки». Далее указывалось направление, куда идти без оружия. Прямо над моим окопчиком летела цветная прокламация с картинкой, где было изображено, как два немецких офицера помогают выйти из окопа одному нашему командиру. И надпись: «Даже Яков Джугашвили, поняв бессмысленность сопротивления, сдался в плен» и т.д.

Многие, следуя советам немцев, уходили в условленное место сдаваться в плен, не забывая котелки и ложки. Скоро они убедятся в том, что котелки им ни к чему.

На поле людей оставалось всё меньше, но было еще очень много. Здесь стояло много машин без водителей, груженных снарядами и боеприпасами, пушки разного калибра, несколько «катюш»; разбросаны винтовки, карабины, ручные гранаты; стояло несколько танков с открытыми люками.

Утром 26 мая прошел по полю тихий слух, что в эту ночь, как только стемнеет, пойдем на прорыв кольца с восточной стороны, в районе городка Изюм-Борвенко. И, действительно, когда стало темно, в мою сторону с западного конца поля начали двигаться люди, впереди идущие тихо, но решительно говорили:

— Ребята! Это последний шанс к спасению. Прорвемся — там нас ждут наши товарищи. Не робейте, ребята, мы

ничего не теряю. – И все пошли. И я пошел.

По всему видно было, что немцы уже предупреждены, ждали нас именно там, куда мы направились. Сильно был укреплен именно тот участок, откуда ожидался прорыв. Это и неудивительно.

Ведь перебежчиков было много. Внезапно был открыт густой шквальный огонь из всех видов легкого оружия и из минометов. Я и еще несколько незнакомых мне солдат шли мимо кустов вперед, потом на время залегли. Вокруг нас валялись убитые и раненые. А сзади всё шли и шли новые жертвы. Мы встали и пошли туда, где «мельница молола» нашего брата. Падали и слева, и справа, и спереди.

Вдруг что-то тяжелое ударило меня по правой щеке. Мне показалось, будто меня ударили железным предметом. Однако через несколько мгновений я почувствовал, что обе щеки мои мокрые, а рот полон густой горячей жидкости. Это была кровь. Пуля пробила мне лицо и прошла насквозь справа налево, задев снизу и язык.

Только теперь, когда я понял всё, меня затошнило, потемнело в глазах, я почувствовал слабость, но еще шел. Передо мной оказалась воронка от большого снаряда. Туда я и упал, обессиленный. В воронке подо мною уже лежали трупы, которые не успели еще остыть. Я еще успел немного подумать о своей незавидной судьбе. Вот, думаю, где суждено мне умереть. Вспомнил всех родных, прежде всего мать. В эту минуту я, видно, потерял сознание, и мне почудилось, мать плачет надо мною и причитает. «Как она очутилась здесь? – думаю. – Как она нашла меня?»

Пришел в себя. Сознание работало четко, хотя я был в забытьи. Окончательно очнулся я от своего собственного храпа. Меня душила кровь, которая накопилась во рту и сгустилась. С большими усилиями я выплюнул большой сгусток крови. Стало легче дышать, но снова потерял сознание и, видно, заснул.

Очнулся оттого, что кто-то стал тянуть меня за ногу; услышал немецкую речь. Я открыл глаза: это молоденький солдат тянул мои хромовые сапоги, которые привез я еще из дому и всё время носил в вещмешке. Только вчера перед

прорывом, считая, что их теперь незачем беречь, надел, выбросив ботинки с обмотками. Я привстал, возле меня стояли еще двое солдат с автоматами. Они смотрели на меня и кричали, торопили, чтобы я скорее встал. А я никак не мог высвободить вторую ногу: на ней лежал тяжелый труп. Наконец освободил ногу, встал. За спиной висел мой вещмешок, рядом лежал мой карабин. Немец деловито снял с меня и другой сапог и тут же надел их, похваливая. «Гут!» – с восторгом крикнул он и грубо стянул с моего плеча вещмешок, высыпал всё содержимое на траву. Он собрал все мои харчи: две баночки немецких рыбных консервов, сахар, сухари, даже индивидуальный пакет. Всё забрал, проклятый. Хоть бы пакет оставил мне на перевязку. Остальные немцы смотрели и смеялись, потом они что-то стали совещаться. Как я понял, они спорили о том, прикончить меня тут же в воронке, чтобы лишний раз не возиться со мной, или отправить туда, где стояли и сидели остальные пленные. А мой грабитель уже хотел снять с плеча автомат. Другие солдаты показали рукой, куда мне следует идти. Сами пошли шнырять дальше в поисках трофеев. Я шел и смотрел по сторонам.

Предо мной и по бокам тянулось широкое цветущее поле, изрезанное окопами и траншеями. Как хороша и красива природа! Хорошо бы гулять в этих местах без войны!

Утак, я в плену у немцев

Случилось то, чего я боялся больше всего. Я в фашистском плену. Вот он какой! Вспомнил я слова плаката, который висел в военном городке перед войной: «Лучше смерть, чем фашистский плен!» Тогда я не вникал глубоко в смысл этих слов.

Такого скопления трупов я не видал с начала войны. Только позже я узнал, что в этом «котле» было убито более 80 тысяч наших людей, а раненых, конечно, было еще больше. Пошел я туда, где стояли, сидели и лежали все раненые пленные. Сел и я возле братьев по несчастью.

Увидел я там несколько человек из нашей дивизии. Они с большим трудом узнали меня.

В это время немцы стаскивали в ямы наших убитых, обыскивая карманы и вещевые мешки, забирая портсигары, часы и другие полезные вещи. Снимали даже хорошие ботинки и шинели. Один конец веревки привязывали к ногам или к шее убитого, а другой к седлу лошади и тянули волоком до ближайшей ямы. К вечеру собрали всех нас в одну большую кучу, подняли на ноги, велели строиться в колонну по пять, и повели.

Шли мы по неровным полевым дорогам, голодные, изнуренные, ослабевшие от ран и потери крови. Сзади иногда слышались одиночные выстрелы. Это немцы добивали тех, кто не мог идти, в основном, раненых в ногу. Многих, таким образом, прикончили, пока добрались до места назначения.

Нам велели расположиться недалеко от пустого колхозного сарая на траве. Каждый выбирал себе место более или менее поудобнее.

Наконец, уgomонились, уселись. Это было место нашего ночлега.

Настала ночная тишина. Иногда раздавались негромкие восклицания, тихие стоны, вызываемые болью, умоляющие обращения к господу богу. Вокруг стоят часовые, а местами даже с овчарками, хотя навряд ли кто-нибудь был в силе бежать отсюда. Тишину временами нарушали лай овчарок и резкая речь немецких солдат.

Над головой висело темное небо, усеянное множеством звезд, очень далеких и близких. Всё это наводило на мысли о бесконечности вселенной, обреченности и беспомощности этих людей-песчинок в огромном бесконечном океане.

Вот одна из звезд средней величины так пристально уставилась на меня, будто узнала знакомого и удивленно мерцает. «Это, наверно, моя звезда, – подумал я, – ведь говорят же, что у каждого есть своя звезда». Земля под мной мягкая, дышит ласковой теплотой, нащупываю мягкую шелковистую траву.

Раны болят. С правой и левой щеки сочится еще кровь, а из внутренних ран идет сильно, наполняет полость рта. Дышать становится трудно. Меня снова начало тошнить, в глазах стало темнеть. «Наверно, опять теряю сознание, — промелькнуло в мозгу, — кто бы дал глоток холодной воды?» А кто даст? Вода недалеко, но идти туда нельзя. Только что одного застрелили прямо у колодца.

Я собрал все силы и выплюнул сгусток крови. Поток свежего воздуха моментально занял его место. Мне стало легче дышать. Сознание вернулось ко мне. Я стал смотреть вдаль на силуэты высоких сосен. Где-то недалеко завел свою трескотню кузнечик...

За ночь я несколько раз терял сознание и вновь приходил в себя. Под утро стало холодно. Весь я был мокрый от росы.

Прошел один день, и была на исходе первая ночь фашистского плена.

Утром нас построили и потребовали выдать командиров, евреев, комиссаров, политруков. Никто никого не выдал, никто из строя не вышел. Снова сели и начали, есть у кого что было, что еще осталось после обыска.

Рядом лежали дохлые лошади — некоторые солдаты вырезали куски мяса из мягких мест и варили в своих котелках. Рядом лежали кучи сухого хвороста. Брать его немцы не запрещали.

Мое положение было особое. Во-первых, проклятые в вещмешке не оставили ничего; во-вторых, если даже и было бы что-нибудь, я не мог бы есть. Ведь челюсти мои не открывались. Я не смог бы есть даже манной каши.

Кто варил прошлогоднюю сухую кукурузу, что дала бабка; другой конину, третий немного муки с отрубями. Некоторые ели сухарь, намоченный в воде.

Один, совсем молоденький парнишка, раненый в плечо, стоял в стороне и жадно смотрел. У него, как и у меня, ничего немцы в вещмешке не оставили. Видно было, что он сильно хотел есть. На него никто внимания не обращал. Наконец, он не выдержал: чувство голода оказалось сильнее чувства приличия. Он обратился к тем, кто варил

кукурузу: – У меня всё забрали из вещмешка. Были у меня и сухари, и сахар, и мясные консервы. Дайте мне немного вареной кукурузы или кусок мяса.

Нашелся один подобнее и подозвал его к себе:

– Иди сюда, сынок. Вот скоро сварится конина, и дам тебе тоже. Пока сядь возле меня. Ты откуда родом-то? Сколько тебе лет?

Мне тогда было двадцать, а этому парню – девятнадцать.

Не подождали, пока мясо и кукуруза сварятся, и начали есть почти сырое мясо. Получил кусок и этот парень из Барнаула. Поели, и благодетель спросил:

– Ну, как? Наелся, сынок?

Парень поблагодарил, а тот добавил:

– Конечно, ты не наелся, привыкай. Мы уже не скоро досыта будем есть. Разве что, после войны, дома, кто выживет, конечно. Ты очень молод, может быть и выживешь. Да и рана у тебя не опасная, как я вижу. Терпи. Христос терпел и нам велел.

Он сам был ранен в левое плечо. Пуля сидела еще там. Он с трудом поворачивал большую руку.

Он вдруг обратил свое внимание на меня:

– А ты чего молчал? Попросил бы, и тебе дали бы кусок. Ведь не жалко. Дохлых коней вон сколько!

Я объяснил ему, что всё равно я не смог бы есть. Он подошел поближе, увидел, что у меня за рана, и сказал полупшепотом:

– О, боже мой!.. И язык опух, весь в крови. Да, у тебя дела похуже, брат. Но ничего, крепись. Мир не без чудес. Может быть, и выживешь. – Он вздохнул и тихо сказал сидящему рядом, чтобы я не расслышал:

– Дело табак! Дней десять, не более, осталось бедолаге жить.

Но я верил, что выживу.

Этот добрый словоохотливый человек – его имени я не помню, – напомнил тогда мне Платона Каратаева Толстого и Луку Горького. Он всем хочет помочь, всех успокаивает. Кто в плену сделает ему операцию и вынет пулю из кости?

Конечно, никто. А он надеется на чудо. Короткий диалог с ним, его открытое доброжелательное лицо и до сих пор забыть не могу. Таких забыть нельзя. Побольше бы таких людей на нашей земле!..

Здесь, возле пустого колхозного сарая, мы провели еще целый день и всю ночь. К вечеру внезапно поднялся ветер, небо покрылось тучами, стало холодно, начался дождь, медленный и мелкий, а потом полил как из ведра. Мы промокли до последней нитки, лежали в грязи и под проливным дождем. А пустой сарай рядом, метрах в двадцати. Немцам и в голову не пришло, чтобы загнать нас в сарай, а сами укрылись плащ-палатками. Так и дождались прекращения дождя.

Утром нас подняли, построили и повели. Гнали целый день. По дороге прикончили еще около десятка обессиленных людей, которые не могли идти дальше. К вечеру добрались до какого-то полустанка, где стоял наготове пустой товарный состав.

Набили нами все вагоны так, что можно было только сидеть, тесно прижавшись, друг к другу. Кто-то из колхозников привез целую подводу сырых подсолнухов. Раздали по котелку на четверых.

Эшелон тронулся. Всю дорогу я был в забытьи, так что времени не наблюдал, не могу сказать, сколько суток мы ехали.

Остановились. Вышли из телятников, но не все. В вагонах остались те, кто велел долго жить, вернее, долго мучиться. Нас построили и повели.

Концентрационный лагерь - «лазарет»

Скоро мы оказались около больших ворот концлагеря. Это был лагерь для раненых военнопленных в городе Смела Киевской области Украины. Сюда, как я узнал позже, ехали трое суток. Наконец, нас завели во двор лагеря, посадили пока на землю и велели ждать.

Перед нами стояло пятиэтажное здание бывшей средней школы. Вывеска школы еще продолжала висеть. Нас сортировали по ранениям. В большую (бывшую пионерскую) комнату на третьем этаже завели человек 60, так называемых «челюстных», в том числе и меня. Каждый получил «жилплощадь». Полтора метра в длину и полметра в ширину. Было, конечно, очень тесно, но, как говорится, в тесноте, да не в обиде. (Перефразировка известной русской поговорки «В тесноте да не в обиде»). Но через два-три дня стало более или менее просторно: за это время умерло человек 10–12. Спали на голом полу, и под голову подложить было нечего.

В дверях стоял дневальный, тоже из числа раненых. Возле двери висел умывальник с водой, к которому была прикреплена тоненькая резиновая трубочка с пульверизатором, чтобы каждый, кому охота, мог подойти и направить струю на свою рану. Раны были самые разнообразные: в гортань, в челюсть, в скулу, в глаз, в череп – все только в головной части.

Рядом со мной лежал человек лет сорока. Ему осколок отбил нижнюю челюсть, язык висел без прикрытия. Ни я, ни он говорить не могли. Я нашел на свалке какую-то старую книгу на украинском языке, а у соседа оказался огрызок карандаша, который берегли как зеницу ока. Вот и вели мы свои короткие диалоги на полях книги.

Я спрашиваю:

– Как зовут тебя, брат?

Он пишет:

– Глушаков Тарас. Из Белоруссии я.

Я, в свою очередь, тоже написал ему ответы на эти же вопросы.

Он пишет:

– А я скоро домой поеду.

– Куда домой? – спрашиваю.

– Мой дом в Могилеве, – написал Глушаков, а сам хитровато ухмыляется. Сначала я поверил ему. Только мне непонятно было, каким образом он домой поедет. Но, когда он снова улыбнулся, я понял: он имеет в виду могилу.

Через два дня, когда я очнулся от своего полудремотного состояния, вижу, как его, бедного, выволакивают из «палаты». Бедный Тарас! Он еще надеялся, что его положат в могилу, и не знал, что его, как всех умирающих здесь, бросят в общую яму.

Несколько слов о нашем «сталаге», то есть, на их языке, лагере. Номер лагеря я не припомню, но он был. Концлагерь наш занимал довольно большое пространство в северо-западной части города, в 200 километрах от Киева.

Со всех сторон лагеря был опоясан четырьмя рядами колючей проволоки. Близо друг от друга высились сторожевые башни (вышки), где круглые сутки дежурили солдаты у пулеметов. Никто из горожан не имел права близко подходить к ограде, чтобы, не дай бог, подбросить что-нибудь всегда голодным раненым.

Лагерь состоял из десяти корпусов четырех-пятиэтажных зданий. Во всех десяти корпусах помещались раненые пленные. Эти корпуса немцы называли «лазаретами». А «11-й корпус» – это была большая глубокая яма за городом, куда кощунственно швыряли умерших за ночь.

В обширном дворе лагеря расположились мастерские, где работали более или менее здоровые пленные: кочегарка, жестяная, столярная, слесарная. Здесь еще были расположены служебные помещения для коменданта и его солдат. Возле комендантских комнат постоянно дежурили несколько овчарок на привязи и в намордниках. За оградой, с южной стороны были фруктовые сады и огороды, на которые завистливо смотрели обитатели лагеря.

В этот лагерь привезли, кроме нас, еще тех пленных, которые попали в плен в Крыму тоже в мае 42-го. Там была такая же катастрофа, как у нас возле Харькова.

В нашей, так называемой палате «челюстных», не ходячих раненых не было: таковые были добыты еще в дороге. А здесь, если кто ослаб и встать не может, не убивали, оставляли в покое, пока сам не соизволит умереть.

Ночью палата полна стонов, охов, ахов, проклятий в чей-то адрес. Днем почти все выходили во двор, чтобы посидеть на солнышке и с завистью смотреть на прохожих за проволокой. Не выходили только те, которые ждали своей смерти. Не было ни одного утра, чтобы не выносили два-три трупа, и этому никто не удивлялся. От смерти никто не был гарантирован. Каждый ждал своей очереди.

В одном конце обширного двора стояла большая железная бочка, в которой варили баланду, то есть, суп из воды, немножко сушеных бураков и чертополоха, от чего баланда принимала зеленую окраску и привкус травы. Каждому полагалось по консервной банке. Раздавали баланду обычно часа в два дня. А утром давали по 200 грамм хлеба, то есть, эрзац-хлеба из отрубей, коры какого-то дерева и еще чего-то. Люди, получив свой паек эрзац-хлеба, тут же съедали его, а потом целый день и ночь до следующего утра голодали. Ко всему привыкает человек.

Что касается меня самого, ни хлеба, ни баланды я, есть не мог, поскольку верхние и нижние зубы плотно сидели друг на друге, открывать рот нельзя было: страшно болели раны. Уже был девятый день моей вынужденной голодовки.

Хлеб свой я давал соседу, который занял место Глушакова. Он каждый раз брал этот мой паек с большим угрызением совести. На девятый день у моего «иждивенца» появилась идея. Утром рано он встал и объявил многозначительно: «Нет, я не дам тебе умереть!», и ушел, взяв с собой мой вчерашний паек. Он пошел в кочегарку, попросил разрешить высушить, а потом этот сухой хлеб с помощью двух плоских камней растер в порошок. Я уже вставал с большим трудом, а когда вставал, держась за что-нибудь, еще долго перед глазами кружились разноцветные круги всех цветов радуги. Так вот, мой сосед, он назвал себя Мишей, по национальности осетин, принес этот хлебный порошок, и днем, когда мы получили баланду, смешал порошок с ней и понемногу влил мне в рот.

Это было мучительно больно, но я терпел. Когда я всё выпил и немного прилег, почувствовал себя гораздо лучше. Миша делал это еще два-три дня, а потом эту операцию

делал я сам. Я уже съедал всю порцию хлеба и супа и немножко окреп. Появилась надежда, что от голода я не умру, а если и умру, то только от ран. Когда мой спаситель увидел, что его труды не пропали даром, он с радостью сказал: «Почему я раньше не догадался?!»

Жизнь в лагере потекла однообразно, ничего примечательного не происходило. Ко мне вернулась способность наблюдать, больше ходил. Смотрел на зреющие яблоки за забором. Но, ни за что не поверил бы, что когда-нибудь удастся выбраться из этого ада, придуманного цивилизованными людьми. Старожилы говорили, что лагерь существует уже полгода, и никому еще не удавалось бежать отсюда. Раз пыталась небольшая группа ночью уйти – да ничего не получилось, всех застрелили с вышки прямо у забора. Кроме раненых, в лагере держали здоровых военнопленных. На них надели особую форму, которая только по цвету отличалась от немецкой, доверили им винтовку, и назывались они полициями.

В их функцию входило конвоирование тех, кого вели на работу – из более или менее выздоровевших.

Бегство из ада. Егор Прохоров

Каждый день, как правило, группа более или менее легкораненых из 8–10 человек, должна была вывезти подводу с накопившимся за сутки мусором. Дежурный полицейский сам набирал себе команду.

Однажды, это было в начале августа, я сидел на траве, грелся на солнышке, ни о чем не думая. Взор мой был устремлен в неопределенную точку. Вижу, ко мне приближается один из полицейских. Я его узнал. Это был младший сержант Прохоров, с которым я дружил до войны и в первые дни войны. Однажды я его даже спас от верной гибели. И он меня узнал. Сел возле меня и сказал тихо:

– Завтра моя очередь конвоировать группу для выбрасывания мусора. Я возьму и тебя. Завтра, примерно в это время, я приду сюда, дам тебе знак, и ты пойдешь за мной. Никому ни слова, иначе всё испортишь.

По тому, как он сказал всё это многозначительно, я понял, что это в мою пользу, но всё же, спросил:

– Куда?

– На кудыкину гору! – был ответ. – Много будешь знать, быстрее состаришься.

Я промолчал, но долго еще после этого думал и пришел к выводу, что куда бы меня, ни вел Прохоров, всё лучше, чем оставаться здесь. Всё равно к зиме все помрут здесь от ран, от голода, от холода. Кстати, мы все были, только, в нижней рубаше и босиком. Обувь и гимнастерка не полагались.

В эту ночь я не спал вовсе: чувствовал, что в моей жизни наступает какой-то перелом. Утром получил свою порцию хлеба и отнес в палату, вышел и сел на условленное место. Группа легкораненых нагружала воз. Наконец, подошел Прохоров. Он кивнул мне – я встал. За ним шла группа из восьми человек. Двое взяли за дышла, другие начали толкать воз. Егор вынул из кармана какую-то бумажку, показал часовым. Они посчитали нас и открыли ворота. Мы вышли на улицу. Сердце начало биться учащенно. Я повернулся и посмотрел на железные ворота. Чужало сердце, что в эти ворота я больше не войду. И пошли мы по городской улице. На ходу Егор объяснил:

– Мы должны дотянуть этот воз до речки, сбросить там и ...

Навстречу выходили женщины, девушки, дети, давали нам пирожки, хлеб, помидоры, огурцы и прочее. Здесь никто не запрещал это. Мы набили карманы. Еще долго шли. Вот город уже позади, впереди сверкает речка, мы уже у самой свалки. Слева, совсем близко, зеленеет лес под Юровой горой.

– Остановитесь! – скомандовал Прохоров. – Видите этот лес? Туда нам надо добраться бегом. Пошли! Потом скажу, что дальше делать.

Прохоров был бледный, как полотно. Он рисковал намного больше, чем мы. В случае неудачи нас бросили бы обратно в лагерь, после сильного избиения, конечно, а его

бы расстреляли непременно. Мы побежали и вошли в лес. Прохоров сказал:

– Вот мы убежали из лагеря. За нами может быть погоня. По нашим следам пойдут собаки. Нам всем вместе идти нельзя. Надо разделиться и идти радиусами в разные направления. За всеми собаки пойти не могут. Кому повезет, тот уйдет из лагеря навсегда. Старайтесь двигаться вглубь леса побыстрее. Они очухаются не раньше, чем через два часа.

Мы с Егором обнялись на прощание.

– Прощайте! С богом! Помните Егора Прохорова! Дай Бог встретиться в жизни когда-нибудь, но не в лагере!

Разошлись и пошли, кто куда. Прохоров пошел не один. Он взял с собой самого здорового из группы. Он хотел, во что бы то ни стало, встретиться с партизанами. Говорили, что в этом лесу есть отряд.

Я был уверен, что Прохоров уйдет: он был здоровый и выносливый, углубится быстро в самую чашу леса, немцы за ним не пойдут. А насчет себя и остальных я не был уверен, что спасемся.

Бежал я один, без оглядки, вглубь леса. Сел немного перевести дух. Достал из-за пазухи один пирожок и помидор, и с большим трудом съел половину пирожка. Встаю и бегу дальше, прислушиваюсь, нет ли погони. Я всё шел и шел. Уже не было сил. Шел, пока не упал, споткнувшись о пенек.

Лес был хвойный, не очень густой. Только местами встречались заросли молодняка. Высокие стройные сосны и ели стояли недалеко друг от друга. Иногда ветерок качал их вершины, создавая легкий шумок. Порою раздавался скрип большой сосны, будто вот-вот ломается. На одной высокой сосне сидел дятел и своим сильным клювом настойчиво долбил ствол: тук-тук-тук... Лес был полон запаха хвои. Хорошо было в лесу, если бы не ныли раны, да не было бы опасности проклятой погони. Хотелось прилечь в зарослях и отдохнуть хоть на несколько минут, но нельзя было останавливаться, надо было идти и идти, уйти как можно подальше. Но силы иссякли окончательно. Я часто

покрывался холодным потом, иногда меня тошнило. Больше всего боялся обморока. Тогда – крышка!

Иногда где-то лаяли собаки. Я прислушивался, и мне казалось, что это овчарки идут уже по моим следам. «Неужели, – думаю, – именно я оказался тем несчастным из всей группы беглецов, на след, которого напали немцы!» Но опасения мои оказались напрасными: это брехали деревенские дворняжки.

Уже спускались сумерки. В лесу стало темно. «Теперь, – решил я, – можно отдохнуть подольше, немцы ни за что ночью в лес не пойдут».

Вдруг слышу шорох в зарослях. Кто-то ходил по сухому валежнику. «Кто бы это мог быть?» Меня оторопь взяла. То, что это не немец, мне было ясно. А если какой-нибудь хищник? Здесь волки могут быть. А вдруг партизаны за мной следят! Хорошо бы. Шорох приблизился. Зрение уже адаптировалось, и я кое-что уже различал в темноте. Наконец, я увидел перед собой человека в белой рубашке и пилотке. В нем я узнал одного из нашей команды.

– Иди сюда! – сказал я ему тихо. – Не бойся! Ты как сюда попал? Ведь мы не должны были встретиться!

– Не знаю, – ответил он. – Наверно, заблудился. Что теперь делать? Будем идти дальше вместе? Наверно, мы далеко ушли от лагеря?

– Как тебя зовут? Откуда ты? – поинтересовался я.

Я был рад, что теперь нас двое. Парень с виду показался мне хорошим. Оказалось, что он служил в нашей дивизии, связист, татарин по национальности. Зовут его Камран. По-русски говорит безукоризненно чисто. У Камрана в кармане остались яблоки, а у меня был еще пирожок. Всё разделили по-братски, я высосал из яблока, сколько мог, сока и поел немного пирожка с фасолью. Чувство голода оказалось сильнее боли: я ел, не обращая внимания на сильную боль.

Мы снова пустились в путь, два карлика среди великанов-деревьев, углубились дальше в лес. Присели и ненадолго заснули. Встали, пошли дальше. Теперь мы почти не боялись погони, поэтому шли не торопясь тихо,

беседуя. Камран был моим ровесником, окончил тоже русскую среднюю школу, хотел учиться на геолога. Вдруг мы неожиданно вышли на лесную поляну, потом на просеку. Рядом была дорога. Дорогой идти побоялись, снова вошли в лес и залегли.

Когда я проснулся, начался рассвет. Камран уже не спал. Вставать не хотелось. Увидели недалеко лужу. Вода было не очень чистая, но пить страшно хотелось. Попили и умылись.

По дороге кто-то ехал на подводе. Из своего укрытия мы увидели мужчину. Он, видно, ехал за дровами. Его нам нечего бояться. Вышли ему навстречу. Мужчина даже не удивился, увидев нас в лесу в такой ранний час. Остановился, спросил, откуда и куда мы идем. Вдруг он стал пристально смотреть на грудь Камрана и на мою грудь. И я посмотрел туда же. На груди у нас, под расстегнутой рубашкой, еще висели лагерные номерки – шестизначные числа. И никому из нас не пришло в голову снять и выбросить их. Мужчина посмеялся над нашей незадачливостью, и мы посмеялись, смущенно смотрели на него. Сняли номерки и выбросили в лужу, откуда мы только, что пили воду, потом спросили, сколько километров, отсюда до Смелы. Оказалось, что всего-навсего мы ушли километров на пятнадцать. Для нас, истощенных, раненых, это было немало, но мы жалели, что находимся так близко от лагеря. Мужик обнадежил нас, что за нами навряд ли будет уже погоня.

– Вы очень умно сделали, что разошлись в разные стороны: ведь за всеми они идти с овчарками не смогут. У них, наверно, и овчарок столько не будет, разве что и Гитлера пошлют по следам. Кроме того, немцы не осмелятся войти в этот лес. – Он посоветовал остановиться здесь и отдохнуть хорошенько, а потом войти в какое-нибудь село и затеряться среди людей. Потом он еще добавил:

– Вот я наберу дров и вернусь домой. Ждите меня здесь, чего-нибудь притащу из дому, – сказал и уехал.

Мы с Камраном не знали, что делать: поверить мужику или убраться восвояси подобру-поздорову. Кто его знает? Он мог привести за собой немцев, полицаев. Но лицо его внушало доверие, на предателя он не похож. Решили остаться здесь и ждать его. На всякий случай отошли от этого места метров на сто и спрятались в кустах. Часа через два явился наш благодетель, и не один, с ним шла женщина с корзиной, а у него самого был небольшой мешочек. Все было ясно: мужик желает нам добра и хочет помочь. Мы вышли из своего укрытия, подошли к ним. Мужик всё понял, оценил нашу осторожность. Жена его, увидев нас, таких несчастных, полураздетых, худых, заголосила:

– Боже ж мий! Чого проклятые з вами зробили! Може, и наш Коленька десь тако же скитається и страдає... Боже праведний! Свит велик, а людям деться негде...

Она вытерла, наконец, слезы, и мужик высыпал на траву содержимое своего мешка. Там была одежда, конечно, старая, но еще добротная: две рубашки, двое старых латаных брюк, кепки, полотенце и длинный кусок белого ситца на перевязку. Мы сразу переоделись. А в корзине были харчи: две бутылки с еще теплым молоком, хлеб, кусочек сала, творог и несколько помидоров и огурцов. Взял я одну из бутылок и начал с большим трудом пропускать молоко через зубы в горло. Камран взялся за хлеб с салом.

Бабка, видя, как мы набросились на еду и, особенно, с каким трудом я пью молоко, снова заплакала. Она отозвала мужа в сторону, они посоветовались, и, наконец, муж сказал громко:

– Ты думаєшь, ты одна така сердобольная, мне самому не жалко их? А ты подумала о том, что будет с нами, если немцы придут и найдут их у нас? Нет, я боюсь.

Мы поблагодарили их от души, спросили, как их зовут. Они не сказали своих имен по известной причине. Ну и бог с ними. Попрощались с этими добрыми людьми, ангелами земными, и разошлись.

Мы отошли в чашу леса, сели и стали доедать харчи. Пока мы были довольны своей судьбой: ушли из проклятого ада, погони нет за нами, мы сыты и одеты.

Только трудно идти по лесу босиком. Видно, у мужика дома не нашлись старые ботинки. Камран сделал мне перевязку, как смог, и я перевязал ему рану на правом плече. Однако остановиться и поспать мы не решились. Прошли дальше еще несколько километров. Только теперь мои раны начали мучить меня сильнее. Под вечер мы подошли к опушке леса. Совсем недалеко был виден небольшой хуторок. Взяли на заметку самую крайнюю хату и решили, как только стемнеет, подойти прямо к хате. Может быть, удастся переночевать в хате или в сарае. Пока еще было светло, стали наблюдать за хатой и вообще за хуторком. Из хаты то и дело кто-то выходил и снова возвращался: то женщина, то дети. Вышла девушка с ведром, зашла в сарай. Мужик привез сено. А по улочке хуторка почти никто не ходил. Уже стемнело. Мы подошли к забору. Собака, почуяв незваных гостей, подняла сумасшедший лай. Из хаты вышел мужчина и сразу направился к нам.

– Кто такие? Чего вам надо? – он подошел поближе.

Мы доложили ему всю правду и попросились пустить переночевать хотя бы в сарае. Возражений не было, он завел нас прямо в хату. Жена сразу поставила греть воду. Дали нам помыться. Нашли две пары белья. Мы переоделись, поели. Нас положили спать на полу, на соломе, покрытой простыней. Я, конечно, не спал. Боли усиливались. Теперь, когда опасность миновала, всё мое внимание обратилось на мои раны. Я храпел всю ночь в забытьи. Утром, во время завтрака хозяин сказал мне, что я всю ночь стонал и храпел. Когда же он поближе рассмотрел, какие у меня раны, подумал и сказал:

– Сейчас я вернусь. Недалеко отсюда, в одном селе есть небольшая больница. Говорят, там хороший лекарь. У соседа узнаю, что там и как. Он недавно лежал там.

Хозяин скоро вернулся и сказал:

– Этот парень (показал на Камрана) пусть останется здесь, поможет мне по хозяйству, а тебя я сейчас отвезу в Ротмистровку в больницу. Там тебя вылечат. Говорят,

доктор очень хороший человек. У него один такой же, как ты, уже лежит.

Возражений быть не могло. Положил хозяин на подводу немного сена, потом меня, а сверху опять сено. Поехали. Хозяин посоветовал:

– Не высовывайся. По дороге могут попасться окаянные.

В больницу – «богадельню»

Мы ехали долго. Изредка слышна была немецкая речь. Наконец, подвода остановилась. Хозяин шепнул мне на ухо: – Сиди, не шевелись. Сейчас найду доктора Сороку, посмотрим, что он скажет. Если не возьмет, поедем опять домой.

Вернулся он быстро. Ворота отворились, подводу ввели во двор больницы. Я спустился на землю. Пришел доктор Сорока, в чьих руках теперь было моя судьба.

Это был мужчина лет шестидесяти, с приятным обаятельным лицом, в белой накрахмаленной рубаше и галстуке. Он бросил на меня беглый взгляд и сказал:

– Продырявили тебя, браток, на не совсем удобном месте. Ничего! – он приказал санитарам пока положить меня в палату для тифозных: немцы туда боятся заглядывать.

Палата в это время была пустая. Тифозных не было. Тетя Паша, так звали одну из санитарок, показала мою койку, и я немедленно свалился.

Тетя Паша всё успокаивала меня:

– Ты не бойся, что будешь в палате для тифозных. Здесь давно больных не было. Я сама за тобой буду ухаживать. Я нянька этой палаты. И сестра у нас хорошая, тоже Пашей зовут. Вот увидишь скоро сам. Она очень добрая девушка, из села Ташлык.

Я спросил, как называется это село и что это за больница. Тетя Паша сказала, что это большое село Ротмистровка, Смелянского района. Еще она сообщила мне по секрету:

— Доктор Сорока очень добрый, — и, подойдя поближе, прямо в ухо добавила: — Настоящий советский доктор. Он помогает таким, как ты. Она сбегала и принесла мне миску горячего молока и кусок мягкого хлеба. Потом я узнал про тетю Пашу, что она монашка, раньше жила в монастыре, который находился недалеко отсюда, в лесу, что она никогда замуж не выходила, и никакой семьи у нее нет, смотреть за больными считает своим долгом.

Пришла и медсестра — круглолицая смуглая девушка с длинными косами, подошла совсем близко ко мне, посмотрела на мое лицо, покачала головой и, приветливо улыбаясь, сказала:

— Вылечим и еще поженим. Не робей, будь как дома, всё будет в порядке.

Лег я на свое место и задумался — о доброте человеческой, о милосердии, вообще о добре и зле. Что было бы со мной, если бы не Миша, не Егор, не мужик, которого мы встретили в лесу, не хозяин, который привез меня в эту больницу, не доктор Сорока, а теперь еще тетя Паша и молодая медсестра Паша?! Сравнивая этих людей с людьми этого времени, людьми 80–90-х годов, сейчас, когда я пишу эти строки, невольно думаешь: почему люди теперь такие озлобленные, корыстолюбивые, жадные, почему теперь все против всех?

Украинцы ничего не жалели для советских солдат, будь он в строю или в плену, независимо от национальности и вероисповедания. Это были люди, воспитанные тем строем, который сейчас с таким остервенением отрицает его врагами, которые без умолку говорят о доброте и милосердии, о Боге и о Христе, на деле же разрушили и продолжают разрушать всё хорошее, накопленное за последние 70 лет. Украинцы верили в победу советского народа и Красной Армии над фашизмом даже в самые трудные дни войны.

Без наркоза и без ножа

Итак, я лежу в палате для тифозных один, и рад, что один. Я знаю, что стону и храплю всю ночь до утра. Так я

своими стенами не буду беспокоить людей. Ночью дежурные сестры и няньки часто заходят, спрашивают, что мне нужно, не надо ли воды или еще чего-нибудь.

Время шло. Был конец августа 1942 года. Я чувствовал, что так долго не выдержу, что я уже на пределе, скоро сдамся. Правда, доктор Сорока обещал достать для меня наркоз и сделать операцию на левой щеке.

Он несколько раз ездил в Киев за медикаментами, и каждый раз возвращался без наркоза. Я ждал своего конца, но умереть не хотелось, надежда еще жива. Верно говорят, что надежда умирает последней. Там, в лагере, я не возражал бы против смерти – избавления от всех мук сразу; а теперь, на свободе, в окружении своих можно было бы жить. Однажды ночью вдруг я проснулся посреди глубокого сладкого сна, чего со мной давно не случалось. Первая мысль, что пришла мне в голову и удивила меня, это была мысль, что я так сладко спал, и что я не чувствую боли. Потрогал я свою повязку – она была мокрая насквозь.

В эту самую минуту зашла тетя Паша, обеспокоенная тем, что от меня не слышно стонов и храпа, подумала, что я уже отдал концы. Она вбежала в палату, заглянула мне прямо в лицо и радостно воскликнула:

– Жив! Жив родненький! Не болит ничего? Сейчас позову сестру. – В эту ночь дежурила не медсестра Паша, а Тоня, девушка из села Носочева. Она сразу раскрыла меня, увидела мокрую повязку красно-зеленого цвета, немного растерялась, побежала за доктором.

Квартира доктора была недалеко, во дворе больницы, совсем рядом с моим отделением. Пришел Сорока со своей молоденькой женой (ей всего был 21 год). Доктор посмотрел на повязку и сказал, что операция мне уже не понадобится. Весь гной, вместе с множеством мелких косточек, которые всё время мучили меня, вышел наружу. Развязали, вычистили, промыли и сделали новую повязку.

Все были очень рады. Вокруг меня стоял почти весь персонал больницы, подобно тому, как родные собираются вокруг своего умирающего близкого человека. Я

чувствовал себя, как новорожденный. Ко мне вернулось желание жить. Снова мысли мои возвратились к тому же: кто мне эти люди? Почему они так рады моему выздоровлению и так болеют за меня?

Наконец, все пошли спать. Только тетя Паша, вся радостная и сияющая, никак не хотела оставить меня одного. Утром я позавтракал. Принесли мне молочный суп и кашу, тоже молочную. Ел с большим удовольствием и опять закрыл глаза. Проснулся часа в четыре вечера. Сразу снова окружили меня мои родные люди. Быстро принесли воды, помыли мое лицо и руки, сделали новую перевязку, принесли обед.

На обходе доктор сказал:

– Ну, Савва, у тебя удивительно крепкий организм, если ты всё это перенес; а теперь всё в порядке, будешь жить, до свадьбы заживет, а впрочем, даже раньше свадьбы.

Он откровенно признался, что не надеялся на такой исход. Весть обо мне – о раненом военнопленном, который лежит в тифозной палате один, обошла всю больницу. Видимо, все больные приказали своим близким посетителям, чтобы при посещении приносили и на мою долю.

Ходячие больные, и мужчины, и женщины навещали меня; приносили мне столько вкусных вещей, что ими можно было накормить большую семью.

И я ел, ел много и с аппетитом. Челюсти уже не болели: я мог открыть рот полностью. Уж через десять – двенадцать дней я себя не узнавал. Ко мне вернулись силы.

Я начал ходить по палатам, к больным, перезнакомился со всеми. Однажды, как раз в эти дни, пришли навещать меня Камран со своим хозяином. Камран устроился очень хорошо. Его рана зажила и высохла. Хозяин собирался выдать за него свою дочь, и прекрасно.

Я был очень рад. Однако улучил минуту и сказал Камрану, чтобы не обманывал хозяина и его дочь Ольгу. Если он потом оставит ее и уедет, то лучше сейчас не начинать это дело. Он со мной согласился.

Хозяин пригласил меня к себе, когда выпишусь, чтобы я считал его хату своей. Они ушли.

В новой палате. Конец одиночества

Скоро кончилось и мое одиночество. В больницу поступил больной с брюшным тифом. Меня перевели в другое отделение, в палату с тремя койками. Здесь уже лежали двое. Один был со сломанной правой рукой, мужчина лет 35, а другой вовсе без правой руки, из села Попиевка, километрах в пятнадцати от больницы. Руку ему отрезала сечкарня – это приспособление для резки соломы на сечку. Его звали Марко. А другого, к моему великому изумлению, звали Новрузали. Я назвал себя. Когда я заговорил с ним по-азербайджански, он встал, заплакал, стал меня обнимать и целовать. Он рыдал, как ребенок, трудно было его успокоить. Новрузали был из села Маштага, недалеко от Баку. В середине мая он попал в окружение в Крыму, а потом в плен. Когда везли его поездом, ему удалось бежать. Он долго скитался со сломанной рукой, пока добрые люди не привели его сюда. Сорока и ему обещал достать наркоз: нужна была операция.

Вот я и двое безруких (ирония судьбы) лежим в одной палате. Мои оба соседа заядлые курильщики. Курили махорку или самосад, но крутить себе сигарки не могли. До этого просили больных из других палат, а теперь бог послал меня им на помощь. Я с вечера заготавливал им штук 15–20 сигарок, и они меня ночью не будили. Часто проветривали палату. Жена доктора достала нам один лист ватмана и цветные карандаши. Я сделал игральные карты, и пошла потеха! Играли мы, как говорится, до упаду. Иногда к нам присоединялись обе Паши и Тоня.

Всё было нормально: сыты, в тепле, страх лагеря прошел давно. По ночам, когда нападала бессонница, рассказывали сказки. В этом деле нас всех превзошел Марко. Он их знал много и рассказывал с большой охотой и мастерством. Медсестра Паша иногда приносила книги на украинском

языке, что помогло мне лучше усвоить украинский язык. Я уже не только понимал, но и говорил по-украински.

Шли дни. Прошла осень. Началась холодная зима. До нас доходили вести о боях под Сталинградом.

Всему приходит конец. Пришел конец и нашей «богадельне». Однажды приехал немецкий полковник, зашел к доктору прямо в операционную и потребовал: в течение двух дней выписать всех больных и освободить помещение для немецких раненых солдат. Возражений, конечно, быть не могло. Я и Новрузали должны были подумать, куда нам податься. Я был почти здоров; был готов к грядущим испытаниям, которые мне уготовила моя неумолимая судьба. Одно было скверно: у меня нет никакой обуви, а на дворе толстый слой снега и большой мороз. У Новруза рука висела на повязке.

Делать было нечего. Морозный зимний день, о котором обычно говорят в народе, что «хороший хозяин собаку из дому не выпустит», мы собрались уходить. Один из больных подарил мне свои старые ботинки.

Провожать нас вышли все: доктор со своей женой, все санитары, сестры и даже некоторые больные, за которыми еще не приходили родственники. Все принесли нам на дорогу свой запас харчей и дали свои адреса. Пошли по дороге и решили первый визит нанести Марко в селе Папиевка. Он звал нас к себе, когда выписывался – дней за пять до этого. Хата Марко стояла на обочине, под небольшой горкой. Марко и его жена Софья Прохоровна удивились нашему появлению, так как мы не собирались уходить из больницы. Мы рассказали им о немецком полковнике. Приняли они нас радушно. Ели, пили самогон, спали на печи и на лежанке. Кое-какие запасы продуктов у них были: мука, картофель, горох, фасоль, соленые огурцы, помидоры, капуста. Марко пришла в голову идея поженить меня на своей соседке, молодой вдовушке Даше. Не предупредив меня и не договариваясь, он пригласил к себе в хату Дашу. Я узнал, что в мае 1941 года она вышла замуж, и муж погиб в самые первые дни войны, и на него тогда же получили похоронку. Разговор у нас не клеился.

Даше нужна была гарантия, что я останусь здесь навсегда. Такой гарантии давать я не хотел и не мог. Не хотел обманывать. Пока мы жили у Марко, с Дашей оставались хорошими друзьями. Иногда ходили к ней, и она часто навещала нас. Даша была порядочная молодая женщина. Она оценила мою откровенность.

Пришло время отчаливать и отсюда. Софья Прохоровна часто начала жаловаться на тесноту в хате. Мы с Новрузом решили пойти в село Ташлык, куда нас в свое время приглашал Деревяненко – один из выписавшихся больных. Но у него мы не остановились, узнав, что он является старостой села, и к нему часто заглядывают немцы из Смелы и даже сам комендант района. Хозяин, правда, принял нас хорошо, мы у него переночевали, а утром, позавтракав, ушли. Деревяненко на дорогу снабдил нас кое-какими продуктами, заменил мои ботинки на лучшие.

Вышли из дома, не зная определенно, в какую сторону пойдём и где бросим якорь.

На работу в колхоз (колхоз)

Немцы колхозы не разогнали, и землю крестьянам не раздали, как обещали им сначала. Им была выгодна такая сельская экономика. Колхозникам выдали по 200 грамм самого худшего зерна: горох, ячмень, кукуруза, просо. А всю пшеницу и рожь прямо со складов отправили в Германию. Так что колхозы работали полным ходом, со всеми установленными порядками.

Мы решили пойти в большое село Балаклея (Киевской области. Село с таким же названием есть и в Харьковской области, в районе, где произошло наше окружение и пленение). Пришли прямо к председателю колхоза Алексею Петровичу Гриценко. Он, прежде всего, накормил нас, а затем позвал к себе в правление двух женщин – вдов: Анну Хомевну и Ульяну Мовчан. Гриценко приказал Анне взять меня на квартиру, а Ульяне – Новрузали, обещая им из колхоза дать плату натурой. Они с радостью согласились: у них дома не было никакой помощи, им

одним было трудно справляться по хозяйству. Новрузали назначили сторожем возле правления колхоза, а я должен был приходить каждое утро, как и все, получить наряд и идти туда, куда пошлет бригадир работать.

Так и началась моя трудовая жизнь на оккупированной немцами территории.

Новруз не стал ходить на работу: сильно ныла сломанная рука, но колхоз продолжал выдавать ему продукты, а я аккуратно ходил и выполнял разные работы. Научился запрягать и выпрягать быков, лошадей, ездить, куда нужно, по делам бригады, грузить, разгружать, привозить, увозить и т.д.

Я перезнакомился со всеми соседями по месту жительства, захаживал к ним, и они заходили. Звали меня, то Савелием, то Савкой, то Савелкой, то служивым, то есть, солдатом. Хозяйка достала мне шапку-ушанку и валенки.

В феврале 1943 года мы с радостью узнали о том, как плачевно кончилась для фашистов Сталинградская битва. Такого большого «котла» в ходе войны еще не было. Немцы, как ни старались, не смогли скрыть этого от населения. Все были осведомлены и были безмерно рады, втихомолку поздравляли друг друга.

Однако оставаться мне здесь становилось опасно. Кто-то донес коменданту, что здесь живет какой-то неместный. Староста посоветовал мне немедленно перебраться во Владимировку, которая была расположена в другой части села, в соседнем колхозе. Но потом выяснилось, что немец давно забыл об этом, и никто моей особой больше не интересовался. Но я уже был на новом месте. Здешний председатель колхоза послал меня в самое глухое место, за лес, где в одной единственной землянке жили муж с женой и пасли колхозных телят. Это были Мусий и Химка. Мы втроем смотрели за телятами.

Вскоре телят пригнали в деревню. Здесь меня определили на квартиру Марии Кошек – вдовы лет тридцати пяти. У Марии было пять дочерей, одна другой меньше. Самой старшей, Наде, было двенадцать лет. Мать еле-еле кормила и одевала их. Колхоз сразу выдал мне

немного муки, гречки и гороха. Позже немцы угнали коров у всех сельчан и у Марии. Тем временем наши войска успешно двигались к нам на запад. Немцы серьезно забеспокоились. Первым долгом стали собирать всех мужчин старше 16 лет и гнать на запад, чтобы они не пополняли ряды наступающей Красной Армии.

Рядом с моей квартирой был колхозный двор, который заняли немецкие обозники. Их мне бояться было нечего: им никакого дела не было до пленных и вообще до того, что делали эсэсовцы. У них наблюдались какие-то человеческие чувства. Они часто заходили к моей хозяйке за самогоном, который она гнала из свеклы, знали меня, я иногда ходил к ним за сигаретой. Это уже были не те немцы, которые охотно шли завоевывать, грабить и убивать. Они при мне часто проклинали Гитлера. Все были люди пожилого возраста. Когда до нас дошли слухи о том, что в соседних селах уже забирают мужское население, я, конечно, заволновался. Завтра карательный отряд должен был быть в нашем селе. Рано утром Мария узнала, что село со всех сторон оцеплено немцами с овчарками.

Я зашел к обозникам и рассказал свои опасения, что я смогу снова оказаться в руках карателей. Их унтер-офицер, по имени Август, обещал помочь. Пришлось воспользоваться его помощью, так как другого выхода у меня не было. Когда каратели были уже совсем близко, то есть, на соседней улице, Август позвал меня в сарай, где стояли лошади, дал в руку гребень, и я начал чистить лошадь. Село было уже охвачено душераздирающими криками. Эсэсовцы заглянули в сарай, увидели меня, спросили, кто я и что здесь делаю. Август ответил им, что я у них уже больше года, помогаю им чистить лошадей, поить и кормить их. Поверили и ушли. Ночью я не пошел домой, боясь, что неожиданно налетят. Утром рано Мария принесла мне еду, а Августу бутылку самогона, сообщила, что немцы уже ушли, забрав с собой многих соседей. Назвала их имена. Но и многих не оказалось дома: заблаговременно ушли в лес. Днем я узнал, что каратели в несколько погребов, подозревая, что там прячутся люди,

бросали гранаты и шли дальше, даже не интересуясь результатом. Кроме того, сожгли две хаты, потому что на чердаках прятались люди. Открыли огонь по соломенной крыше зажигательными пулями. Хаты сгорели дотла. Тушить не разрешали.

Только вечером я пришел домой. Август обещал: если их часовой узнает о новом налете, мне немедленно сообщит. Немцы уже бесчинствовали в других селах.

Новые скитания

Через несколько дней был уже новый приказ: всем жителям уходить на запад, чтобы в селе не осталось никого, мол, здесь пройдет линия фронта. Все хаты стали занимать солдаты. На улицах расставили дальнобойные пушки. До нашего слуха уже доходили звуки нашей артиллерии. Но фронт двигался медленно, топтались на одном месте.

Улицы села кишели растревоженными солдатами. Делать нечего, надо было уходить из обжитого места.

Вышли из дома, и пошли по дороге. На саночках, на подводах, или просто на спине люди несли или везли самое необходимое и детей. По улицам села и по проселочным дорогам двигались толпы людей. Большинство из них не знали, куда идут, а некоторые шли к своим родственникам, живущим в западных селах.

Мое положение было особое. Ведь мужчин угнали, значит, их среди беженцев не должно быть. Увидев таковых, немец сразу зацапал бы и угнал туда, куда недавно угнали остальных, или просто расстреляли бы. Поэтому, распростившись с Марией и ее детьми, ушел я в сторону леса. Вместе со мной ушли еще двое мужчин, несколько женщин и детей.

Мы направились в сторону сосновой рощи. На опушке увидели хату. Двери и окна были раскрыты настежь, и никого там не было. В печи горел хворост. На столе стоял казанчик с еще теплой похлебкой. Видно, хозяева ушли совсем недавно. Я подошел и хотел закрыть окна. Но

беда!.. Прямо к хате идут трое вооруженных солдат. Расстояние между нами было еще метров 50, и немцы шли, не торопясь. Я и другие мужчины бросились в сени к лестнице. Быстро её поставили, поднялись, подняли за собой лестницу и осторожно опустили дверцу на чердак. Сели около трубы. Малейший шорох или шумок могли вызвать подозрение. Тогда солдаты начали бы стрелять по чердаку, и не ушли бы, пока не сгорела хата. И мы старались не шуметь. Немцы вошли в хату, спросили женщин, нет ли здесь мужчин, что здесь делают женщины и дети, откуда и куда они идут. Им ответили, что мужчин давно угнали, а остальных выгнали из села, что, увидев пустую хату, остановились погреться. Немцы ушли. Мы спустились вниз. Женщины под лавкой нашли немного гречки и сварили кашу. Накормили детей и всех остальных. Здесь я и переночевал.

Утром рано я ушел, а все остальные остались, надеясь пожить здесь незамеченными некоторое время.

Я углубился в лес. Преодолевая глубокие сугробы, шел по краю, недалеко от опушки. Рядом тянулась широкая шоссейная дорога, ведущая в Шполу. Идти по сугробам, еще в такой обуви, было мучительно трудно. Старые ботинки, подаренные мне Деревянко в Ташлыке, уже не выдерживали. Я их давно завязал веревкой. Решил выйти из лесу на дорогу и хоть немного идти по ровному месту. В руках у меня была длинная палка.

Только я вышел на дорогу, не успел пройти шагов десять, как мне навстречу, со стороны Шполы с большой скоростью мчался мотоцикл с двумя солдатами. У одного к сиденью был прикреплен ручной пулемет, а у другого в руках был автомат. Возвращаться в лес было поздно: немцы меня заметили. Они сразу начали бы стрелять, приняв за партизана. Выход был один: идти смело им навстречу. Увидев, что я иду прямо к ним, немцы замедлили ход и остановились. Я подошел поближе,

– Пан, не видели там корову? Я ищу свою корову, – я руками показал, как доят корову, изобразил рога.

Немцы начали совещаться, и один из них сказал, вернее, спросил:

– Шварц?

Я знал, что шварц – это черная, и быстро ответил:

– Да, да, черная, шварц!

Немец, который сидел впереди, указал пальцем на то место, где он видел черную корову, подброшенную в этот момент самим богом. Я изобразил на лице радость, поблагодарил солдат. Не знаю, чему я так был рад: тому ли, что корова там была черная, и она нашлась, или тому, что маневр удался. Немцы уехали, я снова вошел в лес, решив больше не показывать носа, как бы мне ни было трудно ходить по сугробам. Наверно, это были солдаты-фронтовики. Они не знали, что из этих сел угнали мужчин, им до этого не было никакого дела. Шел лесом, пока не стемнело. Больше никаких машин, мотоциклов, солдат на дороге не показывалось. Настала морозная ночь. Вдалеке показались тусклые огоньки, слышался лай собак. Впереди было село. Я перешел через дорогу и полем, напрямик направился к огонькам и скоро наткнулся на плетень. Собаки подняли неистовый лай. Из хаты вышла женщина. Мы подошли близко друг к другу, и я рассказал о том, кто я. Она завела меня в свою хату. От нее я узнал, что всех мужчин и молодых парней, которых немцы застали дома, забрали с собой. А у нее муж в Красной Армии, сын ушел из дому и где-то прячется.

Женщина накормила меня, я отдохнул в хате. Она посоветовала переночевать в сарайчике, где было полно сена, и тут же была корова с теленком. Всё же здесь было теплее, чем на улице. Следующий день я провел в этом же сарайчике, в хату заходил только обедать и ужинать.

Когда совсем стемнело, я поблагодарил хозяйку за гостеприимство и вышел на дорогу. Долго шел проселочными дорогами, потом повернул в огороды, и скоро, прямо перед моим носом оказалась одинокая хата. Постучался – мне открыли, позвали в хату. Здесь были молодая женщина, мужчина лет шестидесяти, видно, отец женщины, и двое детей. Мне показали место возле стола. Я

сел, сказал, что очень устал, что отдохну и пойду дальше. Им еще не было известно о том, что немцы выгнали людей из Владимировки. Вдруг в это время – стук в дверь, а за стуком последовали оклики по-немецки и по-русски. Старик открыл дверь – вошли два солдата. По их форме нетрудно было догадаться, что это не каратели, а фронтовики, которые идут догонять свою часть, как когда-то делали мы в начале войны. Один из них, сняв автомат с плеча, обратился ко мне:

– Партизан?! – Какой партизан! Это наш родственник из Балаклеи, – быстро сказала хозяйка дома. – У нас партизан не бывает, партизаны в лесу, далеко отсюда.

– Из Балаклеи? Что там? Почему пришел сюда? – он посмотрел на мои ботинки, обвязанные веревкой.

Я рассказал им, что нас оттуда выгнали, потому что туда придут солдаты, там будет фронт. Немцы были весьма удивлены: «Неужели Иван уже так близко?!» Солдаты поверили мне, покачали головой и задумались, а потом сели и захотели ужинать. Один из них, который помоложе, видно, веселый парень, деловито достал из кармана губную гармошку и начал наигрывать какую-то свою мелодию. А потом начал петь по-русски популярную тогда в тех местах песню с немецким акцентом:

«Люди добрые, вы поверьте,

Расставание хуже смерти...» и т.д.

Я спросил его, кто у него остался дома. Как будто этого он и ждал: достал из нижнего кармана небольшой сверток, вынул оттуда фотокарточки и протянул мне. На одной из них были изображены молодая красивая женщина и мальчик двух-трехлетнего возраста.

– Вот мой семья. Это фрау Грета и сын. У меня еще есть сын. Его я еще не видел. – Всё это сказал немец, чуть ли не со слезами. Я похвалил его семью и вернул ему фотокарточки. Немцы вынули из своих рюкзаков шнапс, сало, галеты; хозяйка принесла им хлеб и суп. Начали ужинать, пригласили и меня. Но пил шнапс только один из них, тот, который всё время молчал. Я сказал, что непьющий, и веселый парень тоже отказался пить. Хозяин

спросил, почему он не пьет шнапс. Тот не ответил, а за него сказал другой, что он, когда пьет, ругается и стреляет. Поужинали и легли на солому, на полу, где постелила нам хозяйка и накрыла рядом. Я лежал с краю.

Утром рано я решил пойти дальше на восток, предполагая, что там никаких гонений не будет.

Вот какие чудеса бывают на белом свете! Было всякое. И кто знает, что еще может быть. Но такое!.. И представить было трудно: я находился в одной хате с двумя врагами, с ними ужинал, да еще спал рядом с ними мирно на полу, как будто нет никакой войны. Но это была реальность. Так распорядилась моя неумолимая судьба.

Когда я встал и хотел уйти, начал одеваться, не зная, что еще ждет меня впереди. Молодой солдат, что лежал рядом, тоже проснулся. Увидел, что я одеваюсь, сонным голосом буркнул:

– Ишо рано. Надо шлофен. Спать.

Я сказал, что мне надо идти далеко, к тете Тане.

Хозяйка дала мне на дорогу несколько коржиков и притащила старую шинель, бог весть, откуда оказавшуюся у нее, разорвала на части, потом принесла еще веревочки, посоветовала окутать ботинки, сверху и завязать, крепко веревкой. Попрощался с хозяевами, поблагодарил за ночлег и немцев за компанию, и вышел из хаты.

Иду один по белой снежной степи, как одинокая лодка в бесконечном море. Впереди не видно ни деревца, ни хаты. Совсем, совсем далеко вижу верхушку крылатой ветряной мельницы. Кажется, мельница работает. Иду прямо туда.

Морозный ветер бьет в лицо. Снег покрыт сухой толстой коркой. Каждый раз, когда ставлю свои неуклюжие ноги, корка ломается и слышится: «Жжех!.. Жжех!.. Жжех!..»

Иду и смотрю вдаль, в неизвестность. В голове крутятся сбивчивые мысли: то обида на свою судьбу, то благодарность.

«О, судьба моя, жестокая и добрая! Мало ли еще поиздевалась и посмеялась надо мною, бедолагою! Мало ли еще поиграла и потешилась моей незадачливостью, моей бедою?! Зачем тебе надо было вести меня на ночлег под

одной крышей с двумя вооруженными солдатами врага?! Зачем водишь меня по разным препонам и лабиринтам, и сама же потом выводишь целым и невредимым?!»

Охваченный такими думами, я не заметил, как очутился возле мельницы на бугре, рядом с которой внизу был хуторок. В хуторочке я узнал, что и отсюда угнали всех мужчин, но жителей не выгнали из домов. Пошел огородами между хатами и вышел на поле, где были сложены огромные скирды соломы и не обмолоченной пшеницы. У меня возникла идея спрятаться в скирде. Так я и сделал. Подошел к скирде, посмотрел в сторону хуторочка, сделал себе дыру и втиснулся в солому, ногами вглубь скирды и прикрыл вход возле головы, оставив себе только отверстие для наблюдения. Сперва было очень холодно, но потом я согрелся и, против своей воли, крепко заснул.

Проснулся среди ночи, вышел из своего укрытия. Над головой светилась рогатая луна, вокруг которой мерцало множество звезд. Мороз был порядочный. Я немедленно снова втиснулся в солому и больше до утра не высовывался.

Утром рано пришли сюда две женщины за соломой, нагрузили саночки свои и ушли, так и не заметив меня. В это время я услышал разговор с другой стороны скирды. Мужчины говорили громко:

- Павло, еще жив, чи околел уже?
- Жив, жив, а як у тебя справа?
- Ты слышал ночью, как кто-то ходил вокруг нас?
- Да, и мне что-то такое показалось. Видно, кроме нас, еще кто-то ховається тут.

В это время, со стороны шоссейной дороги послышалась громкая немецкая речь и лай овчарок. Немцы гнали большую партию своих жертв на запад. Это увидели и те трое, которые прятались в другой стороне скирды. Немцы ушли и скрылись из виду. Я вышел на волю и окликнул своих сожителей. Они вышли. Мы познакомились, но оставить свои укрытия мы еще не решились: они ждали своих жен, которые должны были принести им еду и

сообщить о том, что делается в селе. Скоро женщины появились, таща за собой саночки, будто за соломой. Они рассказали, что немцы кое-кого взяли. По их словам, большинство мужчин дома не ночевали и спаслись. В погреб Ковалёв бросили гранату, а там сидел сам хозяин, он погиб. Немцы еще сожгли три хаты.

Все трое с женами ушли домой, не предложив мне идти с ними. А я оттуда ушел только в полдень, когда полностью убедился в том, что эсэсовцы забрали всех, кого нашли, и больше навряд ли заглянут в это село. Впрочем, это было не село, небольшой городок, районный центр Шпола.

Пошел я по улице с опаской, останавливаясь и прислушиваясь. На углу улицы стояла недостроенная хата без окон и дверей, а крыша уже была покрыта соломой. Я вошел в хату, где было полно пахучего сена. Сделал себе место, зарылся в сене и лег; подумал о своей судьбе, о том, что меня ожидает на следующий день, и, незаметно для самого себя, заснул. Проснулся от какого-то шороха: в другом конце хаты слышалась возня. Прислушался и понял: кто-то брал сено. «Хоть бы не пырнули в бок вилами», – забеспокоился я. Если бы я вдруг вышел, насмерть испугал бы бабу. Но, слава богу, обошлось без крови. Женщина набрала сена, сколько ей нужно было, и ушла. Видно, и хата, и сено принадлежали этой хозяйке. Я решил провести здесь и ночь. Однако голод – не тетка, есть хотелось страшно. Когда стемнело совсем, встал и огляделся вокруг через окно. Напротив была небольшая хатенка. Из трубы поднималась струя молочно-белого дымка. Стал наблюдать. Скоро из хаты вышла девочка лет 8-9, закутанная шалью. Я тихо, почти шепотом окликнул ее. Думал, она испугается и убежит в свою хату. Но она даже не удивилась, подошла к окну и спросила:

– Что вы здесь, дяденька, делаете? Будете здесь спать?

Я сказал, что сейчас в хате спать опасно, буду спать здесь в сене, но есть очень хочется. Девочка сразу ушла и быстро вернулась с небольшим кусочком хлеба и миской гороховой похлебки. Она еще притащила какое-то старое пальто. Девочка подала всё это мне и сказала:

– Ешьте. Утром, чуть свет, зайдите в хату. Тогда и Юхим будет дома. Он тоже где-то прячется от немцев. – Она ушла.

Я поужинал, спрятал мисочку и занял свое обжитое место, окутав ноги и нижнюю часть тела пальто, принесенным девочкой. Было холодно, но все же лучше, чем в скирде в открытом поле.

Рано утром я подошел к хатенке, постучался в окно. Мне открыл молодой парень и позвал в хату. Это и был Юхим, брат девочки. Он сказал с участием:

– Небось, озябли совсем! И я только пришел. Я просидел всю ночь в колхозном сарае, там, где коровам корм дают. Идите, согрейтесь, позавтракаем вместе.

Видно, девочка уже говорила брату обо мне.

Марийка

Хата состояла из сеней и одной комнатки. Но было уютно, чисто убрано, всё было расставлено по своим местам, как во всех украинских хатах.

Девочку, которую я видел вчера, сейчас не узнал сразу. Это была синеглазая, круглолицая красивая девчонка с небольшими косичками. Она приветливо встретила меня и сразу предложила помыть руки, сесть завтракать. Девочка вынула из печи казанчик и стала разливать в тарелки что-то темно-коричневое:

– Это взвар (компот из разных сухофруктов). Ночью сварила. Садись и ты, Юхим!

Девочку звали Марийкой. Я спросил, где их родители. Юхим молчал, а Марийка неохотно ответила:

– Мама умерла недавно. Папа уехал бить немца. О нем мы ничего не знаем, может быть, уже его нет в живых. – Марийка глубоко вздохнула.

– А кто делает у вас всё в хате? Кто стирает, готовит?

– Это все Марийка делает, – вставил Юхим. – Она у нас молодец, настоящая хозяйка. Ведь ей нет еще девяти лет!

Когда Марийка зачем-то вышла на двор, я спросил Юхима:

– А не боится она одна, когда тебя дома не бывает?

– Ни чуточки. Она ничего не боится. Вот скоро придут наши, я тоже пойду бить немца, тогда Марийка будет жить у бабушки.

– Откуда ты знаешь, что наши скоро придут? – спросил я назойливо.

– А слышно уже, как наши пушки бьют их, проклятых.

Меня поразил глубокий патриотизм этого деревенского парня и его твердая уверенность в нашей победе.

Наконец, Марийка вернулась с большой охапкой сухих стеблей подсолнуха и кукурузы для топки, и сама села с нами поесть взвар с хлебом.

Ела Марийка не спеша, аккуратно. Вдруг посмотрела на рубаху Юхима и сказала:

– Сними эту рубаху и надень ту, что висит там. Я сегодня постираю ее.

Юхим тут же встал, снял рубаху, оставил ее в уголочке, надел другую.

А мне, когда я собрался уходить, она сказала:

– Дяденька, заходите к нам еще, коли останетесь в Шполе, а то и вовсе живите у нас. Места хватит на всех нас. А вы сами откуда, дяденька, как вас зовут?

Я сказал, что я издалека, с Кавказа, что зовут меня Саввой. Я обещал ей, что обязательно зайду, если придется жить в Шполе. Поблагодарил за угощение и ушел, как замороженный.

Я еще долго думал об этой прелестной маленькой хозяйке. Природа наделила ее не только внешней красотой, скромностью, умом, но и даром заботиться об окружающих людях.

Хотелось верить, что она вырастет счастливой, здоровой, цветущей девушкой, когда-нибудь обзаведется большой и дружной семьей, и тогда в полной мере проявится ее прекрасная природная одаренность. Дай-то бог!

О Юхиме разговор еще пойдет ниже, так как позже мне довелось еще встретиться с ним на фронте.

Еще одна моя, последняя квартира

Я вышел из хаты и пошел по широкой Шполянской центральной дороге. Шел сравнительно долго, пока не увидел на улице, возле колодца, большое скопление женщин и девушек с ведрами и коромыслами.

Увидев меня, сразу обступили плотным кольцом и стали расспрашивать: как мне удалось уйти от немцев, куда я путь держу, откуда родом, сколько мне лет и т.д.

Я отвечал, стараясь удовлетворить моих собеседниц короткими, лаконичными ответами.

«Пресс-конференция» уже подходила к концу, как последовал один весьма трудный и щепетильный вопрос, а именно: куда я собираюсь идти прямо отсюда? На этот вопрос я не мог ответить, потому что сам еще не знал, куда иду. Но ответил все же, очень кратко и дипломатично:

– На этот вопрос я затрудняюсь ответить, пойду туда, куда меня ноги поведут, – все посмотрели на мои неуклюжие, обвязанные тряпками, ноги.

Они уже удовлетворились и собирались разойтись, как одна молодая женщина, вдруг, обратившись ко мне, твердо и покровительственно сказала:

– Идем со мной, вот наша хата, – и показала на свою хату.

У нее ведра уже были набраны и стояли рядом. Я взял ведра и направился вслед за ней. Мы пошли, сопровождаемые громкими, необидными шутками оставшихся у колодца баб:

– Ишь ты... Машенька-то не промах!

– Если есть желающие, могу уступить, – огрызнулась острая на язык Машенька. – Человеку некуда идти, еле вырвался из рук эсэсовцев, а вы о чем думаете, пустомели?..

Диалог завершился общим хохотом. Мы с Машей вошли в хату. На пороге нас встретила старуха, чуть дальше стоял и с удивлением смотрел парень лет 16-17.

Маша представила:

— Это моя мамочка. Будешь ее звать баба Федора, или просто бабушка. А это мой брат Гриша. А про меня она им сказала:

— Этому парню некуда податься, ночевал в наших скирдах. Ему удалось спрятаться от немцев. Наверно, он голодный, надо накормить.

— Будь как дома, — сказала баба Федора и спросила, как меня зовут. Я ей ответил.

— Садись, Савка. Сейчас принесу тебе борщ.

Прежде всего, я снял свои ботинки с тряпками и веревками, мне принесли какие-то тапочки.

Борщ у бабы Федоры был очень вкусный и сытный. После борща она принесла пирожки с фасолью. Показали мне место, где я мог отдохнуть, говоря: «Небось, в скирдах не очень выплещешься!»

Маша была женой красноармейца Басова, дочерью бабы Федоры Таранец. Она оказалась грамотной женщиной. У нее дома нашлись книги, ручки, карандаши, тетради. Семья была порядочная. Баба Федора позвала своего зятя-сапожника, которого звали Демидом, показала мои рваные ботинки и велела сделать что-нибудь. Демид пошел к себе домой и вернулся с крепкими старыми ботинками. Мне заменили портянки, и вопрос обуви был решен очень быстро.

Я помогал им по хозяйству. Быстро сдружился с Гришей, ходил с ним в лес за дровами, на поле за соломой, за бураками, кормил корову, чистил под нею, ходил к колодцу за водой и т.д. Одним словом, всем в доме стало легче, часть их работы я взял на себя и с удовольствием выполнял.

Тем временем всё яснее и яснее слышалась канонада. Фронт приближался ко мне, часто летали наши «ястребки», и вообще, наша авиация хозяйничала в небе так же, как в 1941 году немецкая.

Прошла неделя. Однажды рано утром, когда я вышел за сеном, услышал пулеметные очереди. Стреляли, в этом не было никаких сомнений, наши пулеметы. Расстояние могло быть не более пяти километров.

На другой день утром мы увидели на нашей улице большое скопление немецких автомашин, танков, бронетранспортеров, пушек, подвод и лошадей. Среди всего этого растерянно копошились немцы, как загнанные звери.

Наши истребители словно играли с ними в прятки: поднимались, опускались, стреляли по ним-то одиночными, то очередью из крупнокалиберных пулеметов. Немцы прятались, кто куда: под машинами, танками, в придорожных канавах, за домами в огородах.

Я сказал Грише, что, как только самолеты улетят, немцы пойдут по хатам. А если они увидят нас, бог знает, что они с нами сделают: они теперь такие озлобленные, что запросто и безнаказанно могут убить, кого захотят.

Мы решили подняться на чердак. Поднялись, втащили туда за собой и лестницу, закрыли дверцу. Баба Федора и Маша спустились в погреб, который был перед самым домом, и тоже закрылись. На чердаке было немного сена, лук, фасоль и еще какие-то домашние вещи. Не успели мы кое-как устроиться на сене, как в хату ворвалась целая ватага немцев. Мы нашли щелку и стали наблюдать, что творится в хате. Там хозяйничали одиннадцать солдат. Они сами растопили печь, почистили двух гусей, что стащили в каком-то дворе, посолили и засунули в печь; всё молоко, которое баба Федора оставила в сенях в глечиках - горшочек для молока, тоже поставили в печь. В хате началась вакханалия - шум, беспорядок. Один играл на губной гармошке, второй громко пел, другие что-то горланили. Видно, они ждали, когда гуси будут готовы. Но не суждено было им, дармоедам и мародерам, есть награбленных гусей и пить бабкино молоко: прилетели снова наши молодцы-летчики и стали стрелять. За ними прилетели бомбардировщики и сбросили бомбы на скопление машин и танков.

Вдруг наш чердак наполнился густым едким дымом: одна зажигательная пуля попала в нашу хату, прямо над окном. Вскоре пожар охватил всю хату. Немцы выскочили на улицу, а я с Гришей, забыв о немцах, поставили

лестницу и спустились вниз, нашли ведра и начали из колодца таскать воду. И немцы включились в работу, не интересуясь, кто мы, откуда взялись такие. Колодец был совсем близко от дома. Один из солдат брал воду из колодца, передавал другому, который стоял на самой верхней ступеньке, а тот лил воду на горящую солому крыши. Мы с Гришей тоже таскали воду и передавали немцам. Нужно сказать по совести: немцы работали усердно, с присущей им работоспособностью и деловитостью. Но всё же, вся солома на крыше сгорела, спасли лишь часть стропил и, то потому, что они были сырые. Вспоминая этот случай, невольно думаешь: почему должна была сгореть именно эта хата, в которой находился я? Ведь других аналогичных случаев в Шполе не было в этот день! Почему беда преследует меня повсюду? И верится и не верится, но это было именно так.

В это время мы не заметили, что немцы поспешно начали исчезать, вернее, драпать. Минут через 15–20 ни одного немца уже на улице не было. И танки, и машины, и подводы, и пушки – всё ушло. На улице остался один разбитый танк, который еще продолжал дымить, несколько подвод без лошадей, и один мотоцикл, лежащий на боку в канаве.

Люди, забыв осторожность, вышли из домов и погребов и, прежде всего, набросились на подводы, где кое-какие вещи еще были. Нам с Гришей достались два немецких автомата, которые лежали в канаве возле мотоцикла, их мы и принесли в хату, спрятали прямо в постель.

За городком послышалось протяжное долгожданное «Ура!». Вот наши ребята уже здесь. Их лица были возбужденные, веселые. К нам в хату вошли трое: совсем молоденький лейтенант, старшина и один солдат.

– Ну-ка, бабка, найдется ли что-нибудь поесть? – обратился старшина к бабе Федоре. Тут и спрашивать нечего: есть и гуси жареные, и молоко, и сало, и хлеб. Достали служивые из своих вещмешков свой паек водки, а баба Федора поставила бутылку своего самогона свекольного, и началась трапеза. Это были военные,

которые должны были остаться в Шполе. Все остальные побежали догонять немцев.

За обедом я представился лейтенанту, коротко рассказал о своих злоключениях и попросил разрешения остаться с ними. Он объяснил, что сейчас в Красной Армии такого порядка нет, что за ними следует полевой военкомат, который и призовет всех боеспособных мужчин, разберется, кого куда определить.

Я еще оставался здесь шесть дней. За это время успели покрыть заново крышу с помощью Демида и соседей; я нашел хату, где жили Юхим и Марийка; увидел Марийку, поговорил с ней. Юхима дома не было, он поехал за соломой в поле.

И действительно, через шесть дней прошел слух, что всем мужчина и парням старше 18 лет, следует явиться в полевой военкомат в селе Ташлык. На другое утро я с Гришей собрался идти туда, хотя Грише было всего семнадцать. Баба Федора и Маша работали почти всю ночь. Они напекли нам на дорогу разных пирожков, коржиков, пампушек, положили в два мешочка, отдельно каждому, туда же положили масло, творог и по бутылке самогона.

Утром я снова завел разговор с Гришей, попытался убедить его в том, что его все равно не возьмут, ему еще нет полных 17 лет, что придет его время служить. Просили его и баба Федора, и Маша – ничего не получалось.

Женщины просили, чтобы я всегда был вместе с Гришей и смотрел за ним. Конечно, я искренне обещал, а себе дал слово смотреть за ним и беречь его, сколько было в моих силах. Но в глубине души я был уверен, что его в армию не возьмут. Пришли мы в Ташлык (село нам уже знакомое).

Комиссия работала в помещении школы. Народу собралось множество. Где только они ухитрились прятаться от немцев, непонятно! Никакие угрозы, гранаты, поджоги не помогли карателям начисто угнать с собой мужчин, будущих воинов Красной Армии. Я был уверен в том, что эти люди, своими глазами видевшие и испытывшие на себе «новый порядок» фашистов, все их злодеяния, горе, грабежи, будут настоящей грозой для немцев.

Среди собравшихся, вдруг я увидел доктора Сороку с женой. Они были одеты, как на праздник. Я их заметил, когда они уже выходили из зала комиссии.

Я был очень рад встрече. И они, увидев меня, тоже обрадовались, что я всё же выжил и пришел служить в своей родной армии. Спросили, где и как я провел всё это время после больницы, и сами рассказали о себе. Доктора Сороку сюда не звали. Он сам пришел проситься в армию вместе с женой, в какую-нибудь санчасть или госпиталь.

Ему ответили, что ему с женой следует поехать домой и продолжать работать в своей больнице. Отказали и Грише, тоже велели ехать домой и ждать время своего законного призыва.

Красная Армия теперь не в таком трудном положении, чтобы набирать таких, как он, незрелых. Гриша ждал, когда я выйду из зала комиссии. Наконец, подошла моя очередь, я вошел в зал. Один из членов комиссии подозвал меня, начал допрашивать: интересовался, где и при каких обстоятельствах попал я в плен.

Я рассказал об окружении в районе Изюма в мае 1942 года. Он открыл какую-то книгу, спросил номер нашей части, дивизии, фамилии командиров. Спросил также, откуда я родом. Записал мою фамилию, отдал мне в руку мою карточку и велел пойти в комнату №1. И, неожиданно для меня, добавил уже по-азербайджански, что я буду служить в нормальной части. Он был бакинец, но по национальности русский. Потом я узнал, что всех новобранцев комиссия распределяла по следующим принципам: в одну группу включали таких, как я, то есть тех, кто действительно был в окружении и в плен попал раненый, не имея другого выхода. Такие должны были служить в нормальных войсковых подразделениях. В эту же группу включали и тех ребят, которые успели подрасти за годы оккупации. Во вторую группу включали тех, кто, отслужив свою службу до войны и при немцах, сидели дома. Третья группа состояла из тех, которые сами пошли в плен, здоровые, и тех, которые при отступлении бежали

домой, и остались дома. Их направляли в штрафные роты и батальоны.

Итак, меня и многих других из второй группы отправили в выздоравливающий батальон 210-го запасного полка, который формировался в ту пору в Звенигородке, в сорока километрах от Шполы.

Гриша подождал меня. Он был невесел. Я успокоил его, сказал, что он еще успеет послужить в Красной Армии. Он волновался, что немцев бить не успеет. Всё же он еще был ребенком. Попрощались, как родные люди, трогательно. У него потекли даже слезы. Наконец, он успокоился и попросил меня пересыпать в мой мешочек содержимое своего мешочка. У меня и так вещмешок был полон, но он выделил мне самое лучшее: сахар, масло, самогон. Поцеловались и расстались. Я попросил передать мою благодарность за всё Маше и бабе Федоре. Обещал написать о себе, где бы я ни находился.

Я - снова в строю

С.Л.Нисимов, 1942

Таким образом, я оставил мою последнюю квартиру, и началась моя вторая служба в Красной Армии. В батальоне выздоравливающих долго околачиваться не пришлось. Вскоре мы начали уже участвовать в боях за правобережье Днепра в составе 2-го Украинского фронта, в 232-м гвардейском полку. Значит, стал называться гвардейцем, а чуть позже получил звание гвардии ефрейтора.

Двигались не так быстро, как хотелось бы, но с боями занимали высоту за высотой, село за селом. Ожесточенные бои происходили в районе Корсунь-Шевченковского узла. Здесь немцы оказались в полукольце и скоро уже были в прочном «мешке», откуда им вырваться было невозможно. Эта группировка скоро была ликвидирована. Здесь немцы потеряли десять своих дивизий. После этого наша часть двигалась на юго-запад более стремительно.

Со мной лично особых примечательных происшествий не произошло. Теперь, действительно, пришел праздник на нашу улицу. В боях с нашей стороны участвовало больше тяжелых танков «Т-34», самолетов, пушек и гвардейских минометов («катюш»). Наш солдат чувствовал себя уверенно, бодро, в нас укрепились вера в победу.

Лозунг «Наше дело правое. Мы победим!» теперь произносился как пророчество, которое сбылось, а не с иронией, как в первые дни войны. У меня настроение было приподнятое. Ну, думаю, фашист проклятый! Теперь держись! Я изведаль и твой «сталаг» (концлагерь), и оккупацию; ел твой эрзац-хлеб, ел твою баланду. Будь ты трижды проклят во веки веков! Давись своим эрзац-хлебом, захлебывайся в своей баланде. Живым больше тебе не дам, нет! Буду истреблять тебя, как только смогу. Я уже стреляный воробей – на мякине не проведешь. Я решил, во что бы то ни стало, достать пистолетик с несколькими патронами. Если, не дай бог, попаду в такую ситуацию, когда нужно выбрать между смертью и жизнью в плену, выберу, конечно, самоубийство.

Скоро мне представился случай, достал трофейный немецкий пистолет и штук десять патронов, которые носил всё время за пазухой, и о которых никто не знал. Вспомнил слова плаката, висевшего в военном городке: «Лучше смерть, чем фашистский плен!» Только теперь я ясно понимал смысл этих слов, а тогда смотрел на это как на агитацию. Немец теперь боялся нас. Он не был таким наглым и дерзким, как в 41–42-м годах.

К весне 1944 года мы вышли к берегам Днестра, то есть, приближались к тем местам, откуда началось мое отступление. Бои шли за левобережье реки. Немец еще имел силы и был еще способен развернуть кое-какие наступательные операции. Но мы были сильнее.

Главное, это ясно чувствовал каждый наш солдат. Правда, и теперь наш брат погибал, многие падали и уже не вставали, но своих убитых хоронили мы сами с честью, а не немцы кощунственно бросали в ямы. Наш солдат в плен почти не сдавался. Своих раненых подбирали мы сами, а не

немцы, чтобы издеваться над ними. Каждый наш солдат превращался в настоящего героя. Многому научились мы у немцев. В частности, наши полководцы переняли у них тактику окружать и уничтожать по частям.

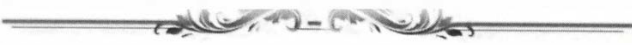
А немцы, в свою очередь, чуть что, драпали на запад, боясь попасть в окружение. Нужно отдать им справедливость: фрицы отступали организованнее, чем мы в 41-м., и это было закономерно. Мы тогда отступали, а потом снова могли собраться. Ведь мы были на своей земле, среди своих: народ кормил нас, прятал с большим риском для своей жизни, оказывал всякое содействие. Немец же на нашей земле был лишен такой поддержки.

Первый раз в разведку

Раз мне пришлось быть в разведке. Точного места не помню. Это было где-то в районе реки Южный Буг. Меня послали с двумя товарищами разведать село, к которому мы подошли незаметно, тихо, и подозревали, что в селе находятся немцы. Мы подошли с северо-западной стороны, откуда немцы нас никак не могли ждать. Наша задача заключалась в том, чтобы узнать, есть ли немцы в селе, а если есть, каковы приблизительно их силы.

Вышли из расположения наскоро занятой нашей обороны глубокой ночью. Место было пересеченное: холмики, овраги, небольшой лесочек, речушка, которую можно было перейти вброд – видимо, приток Южного Буга. Приблизились к крайней хате, залегли и начали наблюдать. Вскоре из хаты вышли двое немцев, в полном вооружении, в касках. Они, видно, шли в свой очередной наряд.

Удивительно, что с нашей стороны, то есть с запада, у них постов не было. Эту сторону они считали своим тылом. Мы продвинулись еще метров на 8–10 вперед, к окну хаты. Из хаты больше никто не выходил, и туда никто не заходил. В хате горел очень тусклый огонек. Мы уже хотели подойти еще ближе к окну, как из хаты вышел старик и пошел в нашу сторону для чего-то.

Увидев нас, он сразу немного опешил, а потом шепотом спросил, кто мы такие. Впрочем, по нашей форме сам догадался. Потянули его за собой, и все четверо залегли в снегу. От него мы узнали, что почти в каждой хате стоят по 2–3 немца.

В селе около двухсот хат. На крыше церквушки на холмике замаскирован пулемет. Возле него стоит одна пушка. Начальство их спит в здании школы. Туда собрали из многих домов постель и мебель. У него самого в хате два солдата. Только что ушли на дежурство. Мы спросили, есть ли у них посты с этой стороны. Оказалось, что патрули ходят и слева, и справа. Иногда они встречаются.

Попрощались со стариком и отползли. Ушли незамеченными. Всё, что нужно было нам узнать, мы узнали, и рисковать дальше было излишним: могли бы сорвать операцию, мы лишились бы преимущества внезапности. Нужно было застать немцев врасплох.

Мы благополучно пришли в расположение нашей обороны, доложили командиру батальона о том, что узнали.

Потом нам стало известно, что разведгруппы были посланы и в другие места села. Все вернулись благополучно, незамеченными.

На рассвете, с криками «Ура!» с трех сторон ворвались в село наша автоматная рота и еще две роты стрелков. Кое-где начались уличные бои. Немцы стреляли беспорядочно во все стороны. С крыши церкви стрелял пулемет, но скоро замолк. Из пушки огонь не был открыт, сопротивляющихся становилось всё меньше и меньше, и, наконец, стало тихо. Немцы начали сдаваться. Мы пошли по хатам вычесывать спрятавшихся там немцев. Они стали выходить из погребов, чуланов, спускаться с крыш. Сдавались добросовестно, беспрекословно бросали оружие. Сдались и офицеры. Мы собрали оружие, пленных увели к школе.

Вот здесь я и отнял у одного обер-лейтенанта свой «заветный» пистолетик с патронами, о котором было сказано выше. К утру всё было кончено. Немного позже зашли к нашему старику втроем, вместе с командиром

взвода, у него и позавтракали. Потерь у нас было немного. Всё же, возле села похоронили семерых наших ребят. Пленных заставили собрать в одну могилу своих убитых.

Неразорванный снаряд

Это было в марте 1944 года. Меня послали за обедом. Наши окопы были на высоте, а кухня стояла внизу, под бугром. От наших окопов до кухни вела ложбинка, шириною в 3–4 метра. По этой ложбинке и нужно было идти на кухню. Я взял ведро и один плоский котелок, спустился вниз по ложбинке, набрал супа и уже возвращался обратно. Дошел до середины ложбинки и слышу: с немецкой стороны летит дальнобойный снаряд. По свисту можно было догадаться, что снаряд должен упасть именно здесь, где я нахожусь. Уже бежать было бессмысленно. Я камнем упал и лег на дно ложбинки. Снаряд врезался в мягкую стену справа от меня, примерно, в двух метрах. Ну, думаю, крышка! Вот где мой конец! Лежу и жду.... снаряд не разрывается. Уже все сроки вышли. Нет разрыва. Встал потихоньку, сделал несколько шагов и опять лег. А разрыва нет и нет. Я встал опять и пошел быстрее, а потом бегом. Снаряд так и не разорвался. По ложбинке больше за обедом не ходили: снаряд мог разорваться в любую минуту. Скоро к нам приехали саперы, разминировать поле перед нами, мы попросили обезвредить этот смертоносный немецкий подарок, который явно предназначался лично мне. Снаряд был обезврежен. Я перешел еще один рубеж смерти. Вот так на войне смерть ходит за тобой следом. В эту страшную минуту, казалось бы, я нахожусь, хоть на очень короткое время, но в безопасном месте, а все мои товарищи – в окопах, на самом переднем крае. Нет же, снаряд нашел меня и здесь. А что он не разорвался – это чистая случайность.

Как солдат хотел выйти из войны

Там же, в эти дни я заметил, что по ночам один из наших солдат, который сидит впереди нас, почему-то постоянно

высовывает одну руку из своего окопа. Я это замечал неоднократно, но не догадывался, для чего он это делает. Думал, ему просто так удобнее сидеть. Оказывается, на это обратили внимание и другие, но особого значения не придавали. Однажды под утро ко мне приполз командир отделения и рассказал мне то, что я наблюдал сам неоднократно. – Какой умный! – сказал он с жаром и возмущением. – Он хочет, чтобы немец поранил ему руку – и для него война закончится. Нет, дудки! Не бывать этому!.. Паразит! Подожди! Для тебя война закончится раньше, чем ты предполагаешь...

Теперь я понял, почему солдат поднимает руку, как ученик, который хочет ответить урок, но не совсем ясно понял, что замышлял командир отделения.

На следующее утро нашли этого Костенко в окопе мертвым. Пуля попала прямо в затылок. Выстрел был сделан явно с тыла. Я понял всё и никогда никому об этом не рассказывал. Каждому своё. Пора бы ему уже знать, что на войне хитрить нельзя. Смерть не перехитришь, брат!

Саша Сорокин и его вещий сон

Я хочу, дорогой читатель, продолжить разговор снова о неотвратимости судьбы.

Был в нашем взводе красноармеец по фамилии Сорокин. Он был моим ровесником, призван в армию в апреле 1941 года, служил тоже в Аккермане, где-то рядом с нашей частью, начал воевать тоже с первого дня войны.

Саша, так звали его, рос сиротой: мать умерла, когда ему было 14 лет, а отца он не помнит вовсе. Жил и рос у деда с бабкой. Это был красивенький паренек, с правильными чертами лица, невысокого роста, честный, прямодушный, без желчи. С первого дня его появления в нашем взводе мы сблизились с ним, между нами завязалась фронтовая дружба. Мы служили в одном отделении.

Саша был большой непоседа в полном смысле этого слова. Никогда не мог спокойно стоять или лежать в своем окопе или траншее. Он должен был без конца суетиться,

бегать по траншее, смотреть в сторону немцев как-то по-особому. Страшно ненавидел немцев. Иногда, когда командиров возле нас не было, он мог встать во весь рост, погрозить кулаком немцам, обругать их, на чем свет стоит, и на русском, и на немецком языках, и сесть, успокоившись, считая, что он сделал какое-то важное дело. Так он делал неоднократно. Удивительно то, что немцы, увидев это из своих окопов, стреляли по нему всегда с опозданием, то есть, после того, как он уже садился. Много раз я просил его оставить это ухарство – никакого толку. «Пошли они ко всем чертям, – говорил он каждый раз, – я их не боюсь!»

Однажды, летом 1944 года (это было в Молдавии, мы уже были переброшены на новое место, недалеко от Кишинева), с утра Саша ходил невеселый, бледноватый, не стал завтракать, чего с ним никогда не бывало, часто сидел, по траншеем не бегал. Я спросил его, в чем дело. Он сразу не ответил, и я не настаивал: был уверен, что он сам придет и расскажет. Так оно и произошло: пришел ко мне, стал рядом и начал:

– Ночью во сне я увидел маму. А спал-то я, всего, наверно, минут пятнадцать, не больше. Пришла она ко мне такая красивая, молодая, на плечах красная шаль, какой я ее помню. Мама стала кормить меня, и будто я собираюсь в дорогу. Я проснулся. Теперь я сам не свой, как будто она умерла сейчас. Хотелось бы видеть ее подольше. Забыл было ее, а теперь не могу ее забыть. Места себе не нахожу.

В этот день Саша много не ходил, не харствовал, как всегда, чаще стоял и молчал, смотрел на немецкие окопы. Потом он отошел от меня и сел прямо на горячую землю возле блиндажа. Со стороны немцев раздался выстрел из миномета, и мина со свистом летела к нам. По свисту и я, и Саша хорошо знали, что мина упадет туда, где сидел он. Я думал, что Саша сейчас быстро вскочит и убежит в сторону. А он с места не тронулся.

– Саша, быстро уходи оттуда, мина падает! – крикнул я.

Мы, находившиеся поблизости солдаты, только и услышали разрыв мины: «А-а-а-х!» Мина разорвалась у ног бедного Саши. Он не успел и слова сказать. Огромный

осколок врезался ему в шею, а другой – в живот. Там же, недалеко, за траншеей, похоронили его, сердечного.

Парень провоевал больше трех лет, ни разу не был ранен и погиб так нелепо. Долго думал я потом, но не только о гибели Сорокина Саши – на войне это вовсе не удивительно. Меня больше волновало его предчувствие смерти и его вещий сон. Я думал и о том, почему он так покорно сдался смерти на этот раз! Он же прекрасно видел, что мина упадет на него! Пусть земля ему будет пухом! Чистая была душа. Непорочная.

Как раз в это время налетели на немецкие окопы наши бомбардировщики и сбросили бомбы. Заработали немецкие зенитки, но самолеты благополучно улетели. Это был, я так считаю, салют по случаю гибели моего друга.

Встреча с Юхимом

Однажды, когда нас перебрасывали снова на другой участок обороны, с какой целью, я не могу объяснить, по пути мы сделали привал на опушке небольшого смешанного лесочка. Лесочек кишел солдатами. Здесь ровными рядами аккуратно стояли солдатские палатки. Это была какая-то другая часть. Мимо нас сержант вел строем группу солдат. Солдаты в строю все очень похожи друг на друга. Я смотрел на каждого проходящего мимо меня, надеясь увидеть какого-нибудь знакомого.

Лицо одного из солдат мне показалось знакомым. Как я ни силился и не напрягал свою память, не мог вспомнить, где я видел это лицо. Почему-то сержант остановил группу и велел разойтись на несколько минут.

Вдруг ко мне подошел этот самый солдат, посмотрел на меня, улыбнулся и сказал:

– Я тебя сразу узнал. Ты меня не помнишь? Ты у нас был в хате, помнишь, как Марийка накормила нас?

Не помнишь? В Шполе, ты перед этим в хате без окон ночевал, а?

– А, это ты, Юхим? Вот встреча! Как Марийка? Она у бабушки, или в вашей хате одна осталась? Я приходил к

вам, тебя дома не было тогда.

Юхим рассказал мне, что Марийка осталась у бабушки.

Он еще сказал:

– Я тогда и не спросил твое имя. Как тебя зовут?

Я сказал Юхиму, как меня зовут. Я был рад встрече.

Сержант снова поднял свою группу, построил и увел.

Мы вечером были уже на новых позициях, в готовых, обжитых траншеях с крепкими блиндажами и наблюдательными пунктами. Наша рота была неполная, должны были получить пополнение.

Через два дня к нам прибыло пополнение, двое в наше отделение. Каковы были мое изумление и радость, когда в одном из новоприбывших я узнал Юхима. Очень был рад и Юхим. Хороший из него вышел боец. Он быстро и добросовестно усвоил все премудрости фронта, и я давал ему некоторые советы. Юхим долго был со мной в одном отделении. Мы расстались только тогда, когда я был ранен осколком и попал в санчасть. К сожалению, мы больше не виделись.

Необычное происшествие

В эти же дни со мной случилось одно необычайное происшествие, которое чуть было, не закончилось для меня трагически.

Мне довелось дважды быть очевидцем, как расстреливают своего солдата за дезертирство. Но это было в начале войны, когда отступающий солдат, проходя мимо своего села, хотел остаться дома.

Меня всегда волновал вопрос, как чувствует себя человек, которого поставили к стенке и расстреливают, о чем он думает в эти трагические минуты, светится ли у него в глубине души еще надежда на чудо? К этой мысли я часто возвращался. Потом я пришел к заключению, что эти предсмертные сокровенные мысли навсегда останутся с этим человеком, то есть, до тех пор, пока душа не покинет тело. Это угадывать не только трудно, но и невозможно.

Это только надо пережить.

Отделение, в котором я числился, вывели из окопов и отправили в командировку за снарядами на волах, так как дороги в Молдавии после дождей стали трудными, машины буксовали. Мы собрали из ближнего села волов и подводы с их хозяевами, и поехали. С нами был капитан Ольховик. Каждый из нас сел на одну подводу, а на передней подводе сидел сам капитан.

Мы должны были поехать на станцию снабжения, километров за сорок, нагрузить свои подводы снарядами для сорокапятимиллиметровых орудий, и вернуться на фронт.

В одном хуторочке остановились на ночевку. Выпрягли волов во дворе здания начальной школы, поужинали и пошли на квартиру, оставив часового. Дежурили по очереди.

Пришла моя очередь. Я пришел на место дежурства, то есть в школу, посчитал подводы и волов, зашел к ездовым, которые ночевали в одном из классов.

Все ездовые спали, только один из них сидел, глубоко задумавшись. Глаза у него были печальные, заплаканные. Я вышел от него, а он – за мной следом. Он явно что-то хотел мне сказать; остановился прямо передо мной и на смешанном русско-украинском языке (он сам был молдаванином) рассказал мне о своем горе. Когда его взяли из дому, его сыночек, двенадцати лет, был при смерти. Он просил меня отпустить его на два-три часа (уже было два часа ночи). Он об этом уже просил часового, дежурившего до меня, но тот оказался умнее и предусмотрительнее меня, и не отпустил. Ездовой обещал вернуться к шести часам утра. А мы должны уехать в семь. Он рыдал, как ребенок, у которого отняли любимую игрушку, говорил:

– Только посмотрю еще раз на него, может быть, сам закрою ему глаза, – говорил он со слезами в глазах. Увидев мое колебание, еще пуще стал умолять. Наконец, я не выдержал, сдался. Он клялся Богом, Христом, своей совестью, что меня не подведет, что хорошо понимает, как я рискую, отпуская его. Но я хорошо знал, что он никуда не

денется. С другой стороны, я осознавал, что совершаю преступление. «А вдруг с ним по дороге случится что-то, или его подвода поломается?», – подумал я с ужасом. Только теперь, когда ездовой отъехал, начал волноваться, понял, что допустил большой риск, который для меня может закончиться плачевно. Капитан Ольховик был человек очень строгий. Я не раз вместе с ним бывал в атаках, в экстремальных ситуациях.

И вот, захотелось ему в пять утра пойти проверить, не случилось ли чего с волами. Он поднял еще двух солдат, один из которых должен был меня сменить на посту, и пришел. Еще во дворе школы он посчитал подводы – одной не хватает; вошел в помещение, где были привязаны волы – опять двух не хватает. Он подошел ко мне, и я рассказал ему, как дело было. Он нахмурился, побледнел, рассердился ужасно и начал пугать меня ревтрибуналом и расстрелом.

– Это настоящая измена, предательство, срыв подвоза снарядов на фронт в то время, когда наши артиллеристы сидят там без снарядов и ждут нас! Жаль, что это сделал именно ты. Это будет твоя последняя ошибка.

Позвал он двух солдат, с которыми пришел сюда, увел их в одну из свободных классных комнат, и стал с ними о чем-то совещаться.

Время шло.

– Ну что, дорогой, – обратился ко мне Ольховик, – придется прямо здесь расстрелять тебя за саботаж, срыв подвоза снарядов. Сейчас напишем приговор, все трое подпишем, и конец!

Написали прямо при мне, подписали все трое и велели мне стать лицом к стенке, точнее, к доске, которая висела на стене. Я был уверен, что в такое суровое время он это сделает, но где-то в глубине души еще светилась надежда. Я подошел и стал лицом к доске.

Ольховик начал командовать солдатам:

– Заряжать автоматы! Поставить на одиночный! Стрелять по команде «три!».

В этот момент во дворе послышался скрип колес и окрик

ездового: «Двву!». Ездовой, запыхавшийся и растерянный, убитый горем, вошел в комнату. Увидев эту картину, всё понял и упал к ногам капитана.

– Простите! Простите, ради бога! Сыночек умер, я сам закрыл ему глазки. Простите! Он не хотел меня отпускать!

Потом он подбежал ко мне и тоже упал к ногам, со слезами в глазах сказал:

– Извини меня! Я тебя подвел. Капитан не сделает этого. Я его попрошу!

Он опять подбежал к Ольховику, разорвал на себе рубаху и закричал:

– Сперва убейте меня!

Вдруг слышу взрыв смеха капитана и солдат.

– Можешь повернуться! Казнь закончилась! А что, испугался? Неужели ты поверил, что я могу это сделать? Сколько раз мы с тобой были в лапах смерти! Но признайся, наконец, что ты поступил нехорошо, не как военный, а как хлюпик.

Ольховик посмотрел на часы: было без двадцати минут шесть. Пошли на место ночевки, позавтракали, и ровно в семь часов выехали на дорогу. Нагрузили свои подводы снарядами, приехали, сдали снаряды артиллеристам и снова отправились в свои окопы. Долго еще Ольховик говорил мне о дисциплине в армии, особенно на фронте.

На следующий день утром рано началась артподготовка, и мы пошли в атаку. Немцев выбили из их укреплений и гнали километров 80 без остановки. Иногда на фронте наступает затишье, которое может продолжаться несколько дней, или даже больше недели. Это бывает тогда, когда с обеих сторон атаки не предпринимаются, участок является второстепенным, важного стратегического значения в данный момент не имеет, лишь бы держать линию обороны.

В такие дни с обеих сторон особой активности бойцов не наблюдается. Сидят и те, и другие в своих траншеях, зорко наблюдая за линией обороны противника и перед собой, мол, нас не трогай, и мы не тронем. Правда, иногда противники дают о себе знать друг другу выстрелами из

минометов или из пушек. Дают по два – три выстрела и успокаиваются. Более активно действуют в такие дни снайперы. Они постоянно в поисках своих жертв, и, если их находят, стреляют без промаха, как правило, в голову.

Особая бдительность и зоркость требуется от солдат ночью: с обеих сторон посылаются разведгруппы, стараются захватить «языка». Иногда происходят стычки, в результате чего, один из охотников за «языком» попадает в руки противника живым или раненым, и сам становится «языком».

История с табаком

В июле 1944 года линия нашей обороны располагалась на бугорке около села Извери (Молдавия), недалеко от города Оргиев. На противоположном бугре сидят немцы. Внизу, между двумя этими буграми красовался хороший фруктовый сад. С подвозом снаряжения было туговато. Шли дожди, на дорогах лежала грязь. Уже целый месяц мы не получали махорки – самый нужный продукт для солдата в окопах. Все ребята были курящими. Вообще, некурящие на фронте – большая редкость. Начали собирать бычки (остатки недокуренных сигарок).

Был в нашей автоматной роте один, недавно мобилизованный, пятидесятилетний солдат, участник гражданской войны, по фамилии Новиков. Мы все звали его папашей. Человек запасливый, и у него всегда были табак или махорка, но никого ни разу не угощал. «Надо свой иметь, – всегда говорил он. – Почему не разжился, когда стояли в деревне?», – твердил он каждый раз назойливым просителям. Когда ребята собирали после него бычки, он ухмылялся и был весьма доволен. Он часто любил нараспев повторять: «У кого табачок, у того и праздничек». Конечно, молодежь его недолюбливала, надавала ему разные прозвища: мучитель, кулак, куркуль, жадина-говядина, и еще многое другое.

– Папаша, дай хоть на всё отделение одну сигарку,

будем тянуть по очереди, по-цыгански, а?!

Новиков был тверд и непоколебим: «Не дам, и точка! Отцепитесь, кыш, кыш, назойливые мухи!»

– Убьют ведь, всё останется! Разве всё это ты успеешь выкурить?! – говорили ребята иногда в сердцах.

– Коли убьют, возьмете всё. Не для немцев же останется. Отстаньте.

Он своего вещмешка нигде не оставлял, а там было табаку не меньше килограмма.

Снайперская пуля настигла его, беднягу, в траншее, как раз в то самое время, когда он делал себе самокрутку. Подошли, а он уже мертв.

Похоронили его под покровом ночи за траншеей. Всем как-то стало стыдно, словно мы были виноваты в его гибели. Вещмешок его лежал в углу траншеи. Никто даже близко не подходил и не тронул его табака. А так сильно хотели курить все!

Командир взвода, удалой парень-сибиряк, по фамилии Зуев, увидев такое настроение солдат, приказал открыть бутылку горькой – за счет завтрашнего пайка. Выпили по сто граммов за помин души Новикова, достойного солдата, ветерана гражданской войны. Потом Зуев еще добавил:

– Царство ему небесное! Пусть земля ему будет пухом! Хороший был солдат. Почтим же его светлую память курением полной сигарки из его же вещмешка. Не стесняйтесь. Не выкидывать же добро. Мы все смертны, особенно здесь, в нашей обстановке.

И после этих слов каждый подходил, брал, и с большой неловкостью закуривал. Хочу дополнить рассказ о табаке еще одним небольшим эпизодом, а то читатель подумает, что мы так и не получили положенный нам табак.

Уже через три дня после гибели Новикова, ночью привезли нам с тыла махорки, по две пачки на рыло. Но каждый получил не по две, а по три пачки: за эти сутки из разведки кое-кто не вернулся.

Утром другого дня, часов в пять, фрицам захотелось с нами побалакать с помощью рупора. Они это делали часто. И вот опять раздался гнусавый голос немца:

– Иван, ты уже получил табак? Не дашь закурить?
– Накось, выкуси! Наш табак не по твоим губам, фриц! – был ответ с нашей стороны – тоже с помощью самодельного рупора, заготовленного для таких случаев. – Кури свои вонючие сигареты!

Тот, кто сказал эти слова, конечно, прекрасно понимал, вонючие или пахучие немецкие сигареты. Но говорил так явно назло.

– Может быть, поменяемся? – опять раздался голос с той стороны, но голос был уже другой.

– Давись своими сигаретами, проклятая немчура!

Обычно такие диалоги завершались перестрелкой. И сейчас оттуда раздалась короткая очередь из пулемета. Очередь последовала и с нашей стороны. Затихли.

Я подумал: «Откуда проклятые узнали о нашем табаке? Неужели и теперь, когда всякий дурак знает, что война проиграна немцами, нашлись перебежчики?! Или в эту ночь они сумели у нас сцапать «языка»?!»

«Уборка» урожая фруктов

Я уже рассказывал о саде, который находился внизу, между немцами и нами. Там и яблоки, и груши, и сливы были. Год был урожайный, только хозяева не получили урожая.

Смотрели мы на эти лоснящиеся фрукты – только слюнки текли. Надо полагать, что и немцы не прочь были попробовать. Никто из наших и не думал спускаться в сад. Это было опасно для жизни, да и командиры не разрешали.

Однажды утром двое молодых сибиряков не смогли устоять против соблазна и рискнули, а риск был большой. Они взяли с собой два пустых вещмешка и спустились в сад. Один проворно заполнял вещмешки, а другой прикрывал его.

С немецкой стороны поднялся хохот и галдеж, но стрелять не дерзнули. Набрали наши ребята фруктов и благополучно вернулись в блиндаж. Не прошло и двадцати

минут, видим: двое фрицев уже снимают урожай со своей стороны. Конечно, никто не стал стрелять.

Мы еще не знали, что до нашего очередного наступления оставалось всего три дня. Между воюющими сторонами установилась бессловесная договоренность: никто по саду не стрелял. Конечно, это всё было без ведома наших командиров, которые фрукты ели, но не спрашивали, откуда они. Фрукты были сорваны с двух сторон. Середина так и осталась нетронутой. Все же хозяевам сада что-то осталось.

Вот какие чудеса могут быть на фронте от скуки!

Яско-Кишиневский «котел»

В августе 1944 года наши войска сражались за полное освобождение Молдавии. Готовилось мощное наступление. У нас в этом районе скопились огромные силы.

Наступление началось рано утром 18 августа. В пять часов началась артподготовка разрушительной силы. От выстрелов и взрывов орудий, минометов, бомб тряслась земля. Я думал, что после такого удара ни одного немца там не осталось. Однако, когда мы пошли в наступление, пули на нас сыпались, как град.

Мы должны были перейти поле и с криками «Ура!» выбить немцев из укрытий и блиндажей прикладами и ручными гранатами (тогда у всех нас были автоматы ППШ). Ожидался рукопашный бой, чего я очень боялся. Я никогда еще не участвовал в рукопашных боях.

Стремительно, не колеблясь, бежал батальон вперед. Вот уже до немецких окопов рукой подать. Немцы неистово стреляют, из всех видов легкого оружия не целясь. Падали товарищи и слева, и справа, и спереди. А оставшиеся идут, не обращая внимания на убитых и раненых. Остановиться нельзя: чем медленнее будем двигаться, тем больше будет потерь.

Вот мы уже у самой траншеи, до нее осталось метров восемь-десять. Наша артиллерия перенесла огонь дальше, в

тыл немцев. А нас стало намного меньше.

Сердце учащенно билось. Каково будет мне в рукопашном! Выдержу ли? Какой немец будет противостоять мне: сильный или слабый, молодой или старый?!

И вдруг, о чудо!.. Психика фрицев не выдержала напора. Они перестали стрелять. На минуту стало так тихо, что даже было страшновато. Мы вбежали в их траншеи, а немца и след простыл, драпают. Ушли мерзавцы, оставив всё: и шнапс свой, и водку награбленную, и колбасу, и хлеб выпечки 1938 года. Мы выпили по рюмке, подзакусили наскоро – и опять вперед, вдогонку.

Начали бить немцы из пушек и минометов со своих запасных позиций, заблаговременно приготовленных. Мы залегли на каменистую землю. «Катюши» дали несколько залпов по их новым позициям, что и решило судьбу сражения. Да и наши тяжелые бомбардировщики беспощадно кромсали их. У меня вдруг потемнело в глазах: что-то тупое и тяжелое ударило в стопу правой ноги. Я вспомнил свое состояние во время первого ранения.

Точно так было и теперь. Сейчас мне показалось, что придется попрощаться с ногою. Меня затошнило, но я быстро пришел в себя, с большим трудом снял ботинок и обмотки, достал из вещмешка индивидуальный пакет. Возле меня в эту минуту оказался Юхим. Он и помог мне сделать перевязку. Кровь не останавливалась: в одну минуту моя повязка стала красной.

Все пошли вперед. Юхим никак не хотел оставить меня в таком состоянии. Но я сказал ему, что оставаться ему нельзя, что, может быть, еще увидимся, споемся. И он ушел.

Подроспели и наши санитары, сделали тут же настоящую перевязку, одновременно успокаивая меня, что рана не такая уж опасная. Мой осколок лежал тут же рядом.

Скоро я оказался в санчасти. Там сделали операцию – вычистили кость правого голеностопного сустава. Кровь приостановилась. Я лежал и ждал, когда меня увезут в госпиталь. Мне и в голову не могло прийти тогда, что

лично для меня война уже закончена.

На другой день я был эвакуирован в полевой госпиталь, а оттуда в город Бельцы, где снова сделали операцию и снова вычистили кость, опять без наркоза.

В Бельцах я узнал очень приятную новость: Румыния вышла из войны. Антонеску – ставленник Гитлера – показал пятки. Король Михай взял правление государством в свои руки, объявил войну фашистской Германии. Румынские войска стали воевать плечом к плечу с нашими войсками. В Бельцах меня долго не держали, и я был эвакуирован в город Тульчин Винницкой области, в очень благоустроенный госпиталь. Я чувствовал себя, как ушедший из ада, перешедший через чистилище и стоящий у ворот рая.

Тульчинский госпиталь-палата №11

Госпиталь помещался в четырехэтажном здании средней школы. Наша, одиннадцатая палата находилась в самой последней комнате на третьем этаже.

Я оказался единственным ходячим в палате и еще моложе всех. Товарищи по палате часто просили меня пойти на рынок и купить им что-нибудь. Почти все были в гипсе. В зависимости от формы гипса, им давали разные имена: «самолет», если в гипсе обе руки; «пропеллер», если одна нога и одна рука в гипсе; «пушка», если одна нога в гипсе и держится в приподнятом состоянии и т.д.

Было скучно. Никаких культурно-просветительных мероприятий не проводилось. Я мог ходить в библиотеку в город; читал и на русском, и на украинском языках. Трудно было лежачим. Они могли только немного передвигаться по палате, держась за койки.

Каких только развлечений не придумывали раненые! Занимались математикой, иногда и физикой, задавали друг другу вопросы о разных вещах. Устно вычисляли площади, объемы конуса, цилиндра, шара и т.д.

– Даю вам, – говорит человек, у которого одна нога и

одна рука в гипсе, – даю вам бревно длиною в 5,5 метра. Радиус с толстой стороны равен 30 см, а с тонкой – 28 см., каков объем бревна?... Представьте себе: пыхтели, кряхтели, охали, ахали – всё же вычисляли правильно. Надо учесть и то, что никто из них не оканчивал средней школы, большинство были рабочие и колхозники. Но они имели понятие об отвлеченном числе « π ». Вот что могут с человеком сделать скука и безделье, как оживить память!

Однажды собрали деньги и попросили меня достать на рынке игральные карты. Очень уж хотелось им поиграть в подкидного. Идея сама по себе хорошая. Однако на рынке карт не оказалось. Ходил целую неделю – карт нет и нет.

Вдруг неожиданно на толкучке наткнулся на бабу, продающую два листа ватмана и цветные карандаши. Сразу появилась идея: купить бумагу и карандаши, нарисовать карты, и пусть играют себе мои товарищи на здоровье. Опыт у меня уже был.

Пришел и сразу приступил к делу. На другой день колода была готова. Восхищению и благодарности моих сожителей не было предела.

Началась интенсивная игра, словно хотели наверстать упущенное. Играли между завтраком и обедом, после обеда до ужина, после ужина до глубокой ночи. Мешали спать тем, которые не могут сидеть, чтобы играть, из-за своего гипса, мешали спать и мне.

У меня появилась еще одна обязанность: должен был после ужина нарисовать химическим карандашом на руках, на грудях, на спинах разных бабочек, русалок, сердца, пронзенные стрелами; написать слова: «Не забуду мать родную!», «Нет в жизни счастья!», «Помни обо мне!», и разную другую чепуху. А ночью они уже без меня производили татуировку. Одним словом, из-за моей же глупости я потерял покой. И яркий свет, и крики игроков не давали мне спать.

Однажды ночью, когда я уже лег спать, ребята (этим ребятам было по сорок, по пятьдесят) опять «окарили» в дурака. За этой игрой застала их дежурная медсестра по отделению. Это была молодая девушка Людмила –

студентка 4-го курса мединститута. Которую оторвали от учебы, послали сюда, и она выполняла должность старшей медсестры.

На другом конце коридора она услышала этот гвалт и пришла узнать, в чем дело. Был уже первый час ночи. Больные давно должны были спать.

Людмила немного постояла за дверью и услышала примерно такой диалог игроков:

- Ходи быстрее! Что задумался?
- Я-то пойду. А чем ты будешь бить?
- Ходи, ходи, увидишь!
- А вот это видал?
- А этого не хочешь? А что, не понравилось?!
- На пле-чо! Забери... – и т.д.

В промежутках, конечно, сквернословили. А как же без этого?

Людмила всё это услышала, открыла дверь, вошла медленно и направилась к игрокам. Карты тут же были конфискованы. Было приказано сейчас же лечь спать. Она забрала карты и только у себя в кабинете увидела, что они самодельные.

Людмила была красивая блондинка со стройной осанкой, умным открытым взглядом. Несмотря на молодость и неопытность, она отлично справлялась со своей работой, умела говорить с ранеными, а это была нелегкая работа в те дни: многие раненые были крайне озлоблены; в основном ею были довольны и больные, и начальство госпиталя.

Мои сожители снова впали в уныние, скучали пуще прежнего. У меня еще оставалась бумага, и братва заставила сесть и намалевать новые карты, обещая теперь быть более осторожными, играть только днем. Как им откажешь?! К вечеру заказ был выполнен. На этот раз карты получились на славу. Сказывался прежний опыт.

Играли, правда, осторожнее, целую неделю. Когда снова по госпиталю дежурила Людмила, она поинтересовалась опять нашей жизнью. Пришла она ночью – и такая же картина: не спят больные. Зашла, сильно рассердилась и

забрала карты, а они опять самодельные.

В это время я тоже не спал, читал какую-то книгу. Людмила настаивала, чтобы «выдали» художника. Сперва молчали, но всё же, выдали.

Я притворился спящим, она не велела будить, взяла карты и ушла. Нам, конечно, бояться было нечего: мы были не в школе, не в колонии. Мы раненые – ничего нам сделать не смогут. Но и не слушаться нам тоже нельзя. Все понимали, что нам хотели только добра: чтобы мы спали, ели и быстрее поправлялись.

На другой день я должен был пойти на перевязку. Пришел в перевязочную. Людмила велела подождать.

– А, это вы художник, который больным не дает спать?! Что скажете в свое оправдание, а?

– Я и не думаю оправдываться, ничего плохого не сделал. Товарищи меня попросили, и я не мог отказать им. Они играют только в подкидного. Я думал, что я сделал доброе дело. Ведь они страшно скучают. Привезли, положили их сюда, и никаких развлечений они не имеют. Даже газет не дают. По-моему, они заслуживают большего внимания. Ну, если я сделал что-то не так, извините великодушно. Третьей колоды не будет, даю вам слово, хотя бумага и карандаши еще есть.

Людмила немного задумалась. Одарила внимательным взглядом. В эту минуту я вспомнил народную поговорку о русской женщине: «Посмотрит – рублем одарит».

– Нет, нет. Вы, действительно, хорошо сделали. Но Они же играют ночью, когда им надо спать. Вы, наверное, об этом не подумали. Возьмите, пожалуйста, карты. Пусть играют, но только днем, прошу вас. Передайте им мою просьбу, пожалуйста!

Она отдала мне обе колоды, мне сделали перевязку. Людмила еще выразила свои опасения, что вдруг ночью может нагрянуть главврач или сам начальник госпиталя и сделает ей выговор.

Я взял у нее карты, поблагодарил и хотел уже уйти. Она попросила задержаться, предложила снова сесть, спросила, откуда я и давно ли в армии, и, в частности, на войне, где

ранили. Я рассказал ей вкратце обо всем. Она еще спросила, откуда шрам на щеке. Я опять удовлетворил ее любопытство, рассказал ей еще о плене и о моих скитаниях.

Людмила предложила мне стакан чаю, она сказала, чтобы я иногда приходил поговорить. Я ходил туда не очень часто, но потом зачастил. Мало-помалу между нами, можно сказать, завязалась честная, чисто человеческая дружба.

Людмила много рассказывала о себе и о своих родителях, и о том, как оторвали ее от учебы в медицинском институте с четвертого курса. У нее есть жених, воюет где-то на северном фронте. Жалела, что не может познакомить меня со своими родителями.

Время шло. В палатах часто стали появляться то певцы, то мастера слова, то лекторы и т.д.

Настал ноябрь 1944 года. Стало холодно. Ударили первые украинские морозы. Из газет с радостью узнали, что наши войска уже воюют около озера Балатон в Венгрии.

Однажды Людмила послала за мной медсестру. Я пришел. Она объявила мне, что я потерял много крови, мне надо влить кровь. Скоро нашли подходящую группу, сделали вливание. Потом я узнал, чья это была кровь.

Ко мне подошла незнакомая медсестра из другого отделения, поздоровалась и сказала, как бы, между прочим:

— Мы ведь теперь как родные. У нас одна кровь.

Я не сразу смекнул. Откуда, думаю, у меня нашлась родственница и еще украинка? Потом до меня дошло, и мы долго смеялись над моей недогадливостью. Я поблагодарил ее за кровь, что она мне отдала. Звали ее Зина. Я дал себе слово найти на рынке какой-нибудь «подарунок» для нее. А деньги у меня были. Через два дня сделал ей небольшой подарок, ценный по тем временам. Она часто приходила ко мне прямо в палату, мы тихо беседовали о разных вещах, под аккомпанемент играющих. Она доставала мне редкие книги. Однажды Зина принесла мне книгу украинского классика Панаса Мирного «Хиба ревут волы, як ясла повны?» («Разве ревут волы, когда ясли полные?»). Книга произвела на меня потрясающее впечатление.

Однажды во время перевязки, ни с того ни с сего, Людмила спросила:

— Савелий, хочешь пораньше попасть в родные места?

Как не хотеть! Из дому я вышел в апреле 41 года, а теперь уже декабрь 44-го. Скоро 4 года, и никаких писем я не получаю от родных. И они, наверно, от меня не получают. Не знаю, кто из них жив, не случилось ли чего с ними. Жива ли мать. Вернулся ли брат с войны домой...

А дело было вот в чем: Людмила узнала, что на днях из госпиталя будут эвакуировать в сторону Кавказа тяжелораненых. Она решила воспользоваться этим случаем, отправить меня с этим эшелоном. Уже на следующий день загипсовали ногу, сделали «сапожок» и приготовили меня к отправке.

В родные края

Через три дня подогнали машины, укутали нас теплыми одеялами, погрузили и отвезли на станцию Тульчин, где уже на рельсах стоял состав с ранеными из других госпиталей.

Пришли провожать: Людмила, Зина и еще один из больных нашей палаты, который к тому времени начал уже ходить, и у меня с ним были особые добрые отношения.

Ехали мы долго. От начальника эшелона я узнал, что раненых должны выгрузить в Баку и в Тифлисе (Тбилиси). А мне бы хотелось, конечно, остаться в Баку. Я сказал об этом начальнику эшелона. Он внимательно выслушал меня, обещал сделать что-нибудь, по возможности. Он посмотрел в списки и узнал, что меня повезут в Тифлис.

Рядом со мной в купе лежал другой раненый, по фамилии Кравец, с Украины. Его должны были выгружать в Баку. Ему было все равно, куда его отвезут, в Баку или в Тифлис. Мы с Кравцом пошли к начальнику и попросили поменять наши места выгрузки. У начальника возражений не было. Поезд остановился. Проводница объявила, что это Баку. Начальник эшелона, с двумя толстыми папками,

начал вызывать. Меня оставили в Баку и на машине отвезли в какую-то больницу. Это мне было уже безразлично.

Привезли нас, как я узнал потом, в Черный город, в теперешнюю Шаумяновскую больницу. Раненые лежали везде: в коридорах, в вестибюлях, и даже на лестничных площадках. Небольшими партиями повели или понесли раненых в баню. Нас выкупали, сменили белье. В раздевалке, когда я уже оделся, заглянул в свой узелочек, где были медаль, папиросы и пистолетик с патронами, который я всё время держал втайне. Пистолета с патронами там не оказалось. Я, конечно, знал, что оружие брать с собой не полагается. Нас обыскиали без нашего присутствия. Кого ни спроси, никто ничего не знает. Так я и махнул рукой: где наша не пропадала.

После бани раненых рассортировали и развезли по разным госпиталям, которых в городе было очень много. Я попал в здание теперешней музыкальной школы, возле дома офицеров, напротив мечети. С другой стороны от госпиталя была знаменитая кубинка (базар).

Хотелось поскорее написать телеграмму. Пришла женщина из почтамта, написала всем, в том числе и мне, телеграмму. Однако, по ее и по моей оплошности в телеграмме не оказалось обратного адреса, а только номер эвакогоспиталя. Брат меня нашел только после того, как обошел несколько госпиталей города. Но все же нашел.

Скоро сняли гипс, и я стал ходячим. Я уже почти был дома.

Тут приехала ко мне и мать, которая не сразу признала меня своим сыном: я очень сильно изменился, вырос, лицо у меня было искривленное. Приехали сестра и другие родственники, которые жили в Баку; пришли навещать меня и двоюродные братья Сион и Яша (ныне покойные).

Рана заживала очень медленно. Из кости голеностопного сустава всё еще сочился гной.

В палатах и вообще в госпитале было тепло и уютно. А на дворе холодно. Наступил уже декабрь месяц, дули холодные ветры «хазар». Кормили не ахти как, но я был доволен. Здесь я пробыл до конца июня 1945 года.

Через несколько дней после снятия гипса, начальник госпиталя Агаев, увидев меня в коридоре, попросил зайти к нему в кабинет. Ему нужен был человек, знающий русский и азербайджанский, который мог бы оформлять документы по-русски для Москвы. Не знаю только, как он обо мне узнал, видно, заглянул в папку, где всё было указано. Сам он прекрасно говорил по-русски, но писать грамотно не мог. Я, конечно, согласился.

Каждый вечер после ужина я приходил к нему, работал часа полтора-два, после чего он доставал из своего шкафа разные вкусные вещи, коньяк, и мы вместе ужинали. После этого я отправлялся спать. Немного позже ко мне обратились заместитель начальника по хозяйству и комиссар госпиталя. Я без особого труда выполнял задания всех троих.

В госпитале иногда показывали кино, часто приходили артисты и давали концерты.

Вскоре к нам прикрепили шефов – девушек с фабрики имени Володарского, которая была совсем близко от нашего госпиталя. Они приносили нам книги, которые мы просили, иногда папиросы. Забавляли, как детей.

Нам в город идти не разрешали, да и в госпитальных полосатых халатах далеко не уйдешь. Однажды Тамара (так звали моего шефа) пригласила меня в кино. Показывали «Черевички» по повести Гоголя «Ночь перед Рождеством». На самом интересном месте, когда Солоха набивала большие мешки своими поклонниками, в зале включили свет, и началась облава. Всех, кто был в госпитальных халатах, увели в комендатуру в крепость, позвонили в госпиталь. Приехали за нами и увезли домой, как провинившихся шалунов. Отпуская, приказали больше из госпиталя не уходить. Через пять-шесть дней Тамара принесла мне костюм, туфли, белую рубаху и галстук. Я оделся, и мы пошли в кино, но уже в другой кинотеатр. И надо же, чтобы именно сегодня снова была облава и на этот раз проверяли документы. Название картины не помню, пока еще показывали журнал о военных действиях. Тамару я уговорил не уходить из зала. Повели нас опять в уже

знакомое место. Снова приехали за нами из госпиталя и увезли домой, ругая пуше прежнего.

После этого я неоднократно бывал в кино, и один, и с Тамарой, и ни разу не попадался.

Наступили теплые весенние дни. Ко мне зачастили ребята из поселка и студенты, находящиеся на учебе: Илханан – двоюродный брат, Шабатай, Данил и другие. Обычно мы выходили в парк офицеров, который был возле госпиталя, и там беседовали обо всем.

Восьмого мая ко мне опять пришел Шабатай и сказал важную и радостную новость: по турецкому радио сообщали, что война закончилась, подписали акт о безоговорочной капитуляции. Завтра сообщат по нашему радио. Несколько дней назад такой слух уже прошел по городу, но слух оказался ложным, поэтому я еще не совсем поверил и решил никому пока не говорить.

Посетитель ушел, а я вернулся в палату.

В палате, напротив меня лежал Михайлович, тяжелораненый из Белоруссии. У него уже затянулись раны, но ходить он еще не мог. Его выписали и должны были отправить домой. Искали сопровождающего. Все документы были уже готовы.

Когда я пришел из парка, завел разговор о его поездке домой и добавил, что он поедет домой только после окончания войны. Он засмеялся и немного даже обиделся. Подошли другие больные и, узнав, в чем дело, спровоцировали нас поспорить на пол-литра водки.

Пришла ночь, поужинали, легли спать. Долго мне не спалось. Такая бессонница у меня была в ночь на 22 июня 1941 года. Всё думал о том, какая будет радость, если действительно завтра объявят об окончании войны.

Меня разбудило столпотворение в палате. Кто-то потянул меня за ногу, я встал. Сразу не понял, в чем дело, а потом сообразил, вспомнил о том, что вчера Шабатай сообщил мне. В палате всё смешалось: целуются, обнимаются; ребята успели уже нализаться; и сестры, и санитарки – все почему-то оказались именно в нашей палате. Сюда пришли ходячие и из других палат. Я

посмотрел на Михайловича. Он улыбнулся и многозначительно сказал:

– Твоя взяла. Водку ставлю я.

Уже никто не спал. До самого утра галдели все. Каждый старался перекричать других. Все лица были радостные, сияющие. Вот и пришел долгожданный День Победы, праздник на нашей улице, которого ждали почти четыре года. Однако, на этой «праздничной улице» не всем было весело. Слезы радости и печали лились одновременно. Для многих вместе с праздником наступил и конец надеждам, ожиданиям.

Многие еще надеялись, что, может быть, еще вернется тот, от кого давно нет писем.

Но в палате никто об этом не думал, пока все были рады. Об остальном они будут переживать потом, когда придут домой. Я еще месяц был в госпитале. Потом комиссовали, как инвалида третьей группы, сроком на шесть месяцев.

Кубинский военный комиссариат послал меня работать военруком в восьмилетнюю школу поселка, а потом, когда упразднили эту должность, я стал учителем русского языка. Так и прилип к школе на всю жизнь, и об этом не пожалел: учитель из меня получился неплохой.

С тех пор прошло много времени, много воды утекло к Каспию вниз, по-нашему Кудиял-чаю.

Почти все матери и отцы, ждавшие сыновей, уже ушли на вечный покой, так и не дождавшись возвращения своих любимых. Жены, сестры, братья их состарились и уже, покорные судьбе, давно перестали ждать.

Небольшая горстка оставшихся в живых инвалидов – участников войны, лишние, чужих, никому не нужных уже, – всё ходят среди новых поколений, со своими многочисленными болезнями и костылями, иногда звякая своими никому не нужными орденами и медалями, и созерцая своими потухшими глазами, как течет жизнь для других. Один за другим сдают свои позиции и они: это уже последний «котел», из которого им больше никогда не вырваться. Снаряды падают спереди или сзади; скоро прямое попадание в цель. «Чей-нибудь уж близок час».

Ну что же, «се ля ви», как сказал бы в этом случае выдавший виды француз, такова жизнь!

Вместо эпилога

Повесть, если позволительно назвать ее таким громким словом, состоит из отдельных, уцелевших в памяти эпизодов, расположенных более или менее в хронологическом порядке, хотя порою между эпизодами имеется большой промежуток времени. Во всех событиях и эпизодах, прямо или косвенно, присутствует автор: или как наблюдатель, или как основное действующее лицо.

Конечно, бывали на войне люди в еще более тяжелых ситуациях на фронте и в плену: горели в крематориях, умирали в газовых камерах, гибли на виселицах; многие возвращались домой без ноги, без руки, без глаза. Это всё так. Но цель моих записей – это описание моих, сугубо личных переживаний.

Основной персонаж моего повествования – это моя судьба, которая всё решала за меня и распоряжалась мною полностью. Именно она вечно перебрасывала меня из огня да в полымя, словно тень, путешествуя вместе со мной по моим мукам, то, бросая в самое пекло и наблюдая, как я всё это вынесу, то, оберегая от последнего рубежа.

Добрые люди сопровождали меня и окружали своей заботой везде и всюду: в окопах, в лагере, среди населения оккупированных земель, в госпиталях. Не помню только злых, вредных людей. Если даже и были кое-какие мелкие случаи, да ладно, бог с ними: они были несущественны, не оставили никаких вредных следов в моей жизни.

В августе 1945-го напало на меня сильное желание узнать, что стало с людьми, которые оставили в моей душе неизгладимый след, о которых я забыть, конечно, не мог, и всю мою жизнь о них буду вспоминать с большой благодарностью. Я начал писать всем, кому было возможно, то есть, чьи адреса я мог припомнить.

К большому сожалению, писать Мише из лагеря и Егору Прохорову – моим основным спасителям – я не мог. О

Мише я знал только то, что он осетин, даже фамилии не знал: мы в те дни фамилии друг у друга не спрашивали.

О Егоре Прохорове также ничего не знал, не знал даже, откуда он родом. Так что, писать им я был лишен возможности. Думаю, Егор ушел далеко в лес на Юровой Горе: он был здоровый и сильный парень. А у Миши, конечно, дела были похуже. Хочется верить, что совершилось чудо в его жизни, как-нибудь спасся. Дай бог!

Не смог написать также колхознику, встреченному мною и Камраном в лесу, который оказал нам помощь. Он тогда не назвал своего имени. Пусть бог поможет ему во всех его делах, и благополучно вернется сын Коля.

А от хозяина, у которого остался Камран, и который повез меня в больницу, я получил ответ, и он меня весьма обрадовал. Камрана, как и меня, взяли в армию, воевал он тоже в составе 2-го украинского фронта, а потом демобилизовался, приехал к хозяину и к его дочери Ольге, то есть к своей жене, после чего Камран увез ее в свою родную Казань.

Узнав его адрес у хозяина, Храпко Матвея Ивановича, я написал предлинное письмо Камрану. Ответ не заставил себя долго ждать.

Его письмо было еще длиннее – целая повесть. Писали все: он сам, Ольга, отец и мать Камрана. Все были очень рады, что я жив и здоров, звали к себе в гости.

С Камраном мы переписывались несколько лет, пока кто-то из нас, не помню, почему-то оставил письмо без ответа. Написал письмо в Ротмистровку доктору Сороке, а ответ я получил от тети Паши, которая продолжала еще работать там же. Она писала, что доктор, как только пришли наши, выехал в Киев, работает в какой-то больнице, а жена учится в медицинском институте. Двумя-тремя письмами обменялись с обеими Пашами.

Долго искал я Новрузали – не нашел. Позже, когда я поехал в Бильгя на отдых, специально заехал в Маштагу. Там сказали мне, что Новрузали Кадимов действительно жил здесь и, когда вернулся домой с войны, выехал с семьей в Баку, и никто его адреса не знал.

Получил ответ от жены Марко, Софьи Прохоровны. Она сообщала, что бедный Марко умер. Вырос их сын Проня, работает в колхозе. Вернулся муж Даши – похоронка оказалась ошибочной.

Из Балаклеи получил ответ на мое письмо не от Анны, а от соседа, Саши Бурьяка. Он пишет, что Анна (напомню, что я был у нее квартирантом) в 44-м году вышла замуж, а через год «приказала долго жить».

Пространное письмо получил от старшей дочери Марии Кошек, у которой я был на квартире в те дни, когда немцы собирали мужиков, а потом выгнали из села всё население.

Надя писала, что все ее сестры (их у нее было пять) и мать живы и здоровы. Она сама работает почтальоном в своем селе. Она также написала подробно, кого тогда немцы забрали, кто умер, кто женился на ком, и какие новости в селе произошли.

Она еще сообщила, что всех, кого угнали тогда, немцы загнали в какой-то котлован и расстреляли.

Сразу не мог связаться с Юхимом. Но через два года он демобилизовался из армии и сам написал мне письмо (я оставлял адрес Марийке). Написал письмо Маше, Грише и бабе Федоре Таранец.

Все были живы и здоровы, поставили новую хату из трех комнат. Гриша так и не успел бить немца, но скоро поедет служить в Красную Армию. От Машиного мужа нет никаких известий.

В Тульчине госпиталя уже не было, так что Людмиле письмо я не смог написать, но скоро она сама написала (я давал ей адрес). Она уже на последнем курсе мединститута в Виннице. Отец умер, вернулся жених в чине капитана, и они поженились.

Был у меня еще один фронтовой друг – Федоровский. С ним долго были в одном подразделении. Условились: если с кем-нибудь из нас что-нибудь случится, написать домой другому самую правду. Я дал ему не адрес матери, а одного товарища из Красной Слободы.

Когда в мае 1942 года началось наше трагическое наступление, его, как раз перед этим, отправили на

станцию снабжения за снарядами и продуктами. Когда мы были отрезаны, он оказался вне окружения.

И он написал об этом по адресу, который я ему дал, что я погиб. Он знал, что в этом «котле» никто жив, не останется. Письмо этот мой товарищ получил, сначала матери не давал, но до конца не выдержал, принес письмо и с особой осторожностью объявил матери о моей гибели.

Мать не поверила, сказала:

– Он жив и вернется. У меня есть Бог. Он будет беречь его, – сказала это и чуть не обругала товарища, и он ушел, забрав с собой письмо Федоровского обратно.

Написал письмо Федоровскому и получил ответ от его матери, что Федоровский погиб при взятии Киева в ноябре 1943 года.

Когда я уже был дома, Симон – наш почтальон – однажды рассказал мне о том, как мать ждала и была уверена, что со мной ничего не случится. Каждый раз, когда Симон проходил мимо нашего дома, мать непременно спрашивала:

– Письмо есть, милый?

– Пока нет, мама Хаят, может быть, в следующий раз принесу, – и он уходил, сопровождаемый ее молитвами и добрыми пожеланиями.

Так продолжалось каждый раз.

Однажды мать, опять увидев Симона издали, спросила, уже протягивая руку:

– Азизи (милый, дорогой), письмо принес?

– Сейчас, сейчас, мама Хаят, – и полез в свою сумку.

Тут моя мама, не дожидаясь, когда Симон даст письмо, упала в обморок в окружении соседок. Придя в себя, обняла Симона и начала его целовать. Взяла письмо и, обращаясь к нему, спросила:

– Это письмо от него самого или о нем кто-то пишет?

Симон распечатал письмо, прочитал немного и убедил ее, что письмо написано лично моей рукой.

Мать успокоилась. И тогда она вывернула свои карманы, и все свои деньги сунула в сумку почтальона – в знак благодарности. Симон взял деньги и сунул обратно в

ее карман.

Это было первое письмо за всё время после начала войны, написал я его в Тульчинском госпитале. После этого и я получил письмо, как раз в тот день, когда Людмила сделала мне вливание крови и у меня была большая температура. Из письма я узнал о том, что родился племянник Лазарь. Один Лазарь у них был и умер. А это был второй. Я также узнал о том, что родственники живы и здоровы.

Найдется ли на свете еще другое существо, которое любило бы так бескорыстно, самоотверженно, как мать любит своих детей, в каком бы возрасте они ни были!?

А дети? Отвечают ли они матери тем же?

Дети не ценят мать при ее жизни. Невосполнимую потерю чувствуем мы только после ее смерти.

Вообще, человеку присуща черта ценить близкого, любящего его человека только тогда, когда он теряет его безвозвратно.

И до сих пор меня мучает совесть, что я к матери был недостаточно ласков, внимателен и учтив. За это, видно, и карает меня бог поныне, и будет карать до конца дней моих!

*Савелий Лазаревич Нисимов (Еврейская-
Красная Слобода, Азербайджанская ССР,
Кубинский район. Ноябрь – декабрь, 1993 г.)*

Савелий Лазаревич Нусимов

II

Двадцать лет спустя

Повесть

Двадцать лет спустя

Глава первая

Случайность или...

Летом 1961 года я был в Баку на заочной сессии, где должен был сдать Государственные экзамены и получить, наконец, диплом об окончании Института Русского Языка и Литературы.

Квартира моя находилась на Первомайской улице.

Несколько дней подряд дул «хазри» (северный ветер), а после жаркая погода установилась надолго. Нестерпимый зной царил от восхода до самого заката. Вечерами было душно и в доме, и на улице.

Сегодня воскресенье. Ни лекций, ни зачётов у меня нет. Сначала я немного позанимался, а потом меня охватила тоска, какое-то непонятное уныние, и я, ни о чем не думая, не имея в голове никаких планов, выхожу на улицу. Не торопясь, пешком спускаюсь в сторону центра, дохожу до Молоканского сада, но почему-то эта прогулка меня не устраивает, довольно поспешно возвращаюсь домой, снова сажусь штудировать свои лекции.

Под вечер, когда уже начало темнеть и жара немного спала, я умылся, привёл себя, как говорится, в порядок и вышел снова погулять, ничего не сказав квартирной хозяйке — добрейшей Анне Алексеевне, ревностно опекавшей меня, как малолетнего. В мои намерения вовсе не входило, подолгу бродить по улочкам.

На этот раз я крутился только в еврейских кварталах и неожиданно оказался перед небольшим летним кинотеатром «Вэтэн» («Родина»). Здесь у меня возникло неодолимое желание посмотреть фильм. Машинально, как одержимый, подошёл к кассе, взял билет и прошёл в совершенно пустой зал, даже не интересуясь, какой фильм будут показывать. До начала сеанса ещё оставалось минут десять.

Впереди меня несколько мест ещё не были заняты, но скоро прямо к этим стульям направилась роскошно одетая красивая женщина лет 30–35-ти, а за нею девушка - подросток. Они были удивительно похожи: большие чёрные глаза, тонкие, словно наведённые кистью художника, чёрные брови, чуть продолговатый овал лица...

Зал уже был полон. Ждали третьего звонка. Вокруг люди ещё говорили, смеялись мальчишки, даже горланили слегка. Однако, мой слух среди всего этого разноголосого шума чётко выделял только щебетание соседок, сидящих впереди меня. Они шептались то по-русски, то по-нашему (на языке горских евреев). Иногда они начинали говорить громче. Из их слов я только уловил то, что девушку звали Диной. Я это запомнил...

Именно этот полушёпот приковывал моё внимание и заставлял задуматься: это тихое, немного торопливое щебетание смутно напоминало мне о чём-то давно минувшем, забытом, но приятном... Однако, я не мог уяснить, почему меня взволновали эти тихие голоса, где и когда раньше мог слышать точно такой же шёпот.

Наконец, свет погас – начался сеанс. Зарево от экрана осветило лица, и в этот самый миг женщина и девушка почему-то одновременно повернули лица друг к другу, и я увидел сразу два поразительно похожие профиля: один больше, другой чуть поменьше. Оба профиля кого-то напоминали мне...

Вдруг я словно прозрел... Неужели, это Белла!!! – промелькнуло у меня в голове, – конечно, это она... Вот как она изменилась!.. Как она похорошела!.. А её дочь!!! Какое очаровательное сходство! Чудо природы! Будто две половины одного красивого яблока... Мне померещилось, что это та самая Белла, которая прощалась со мной 20 лет назад, в тот счастливый для меня вечер – 23 апреля 1941 года...

Сама Белла ни разу не бросила хоть короткий взгляд в мою сторону, а Дина заметила, что я на них часто смотрю, интересуюсь ими, но матери она об этом не сказала... Мало ли кто смотрит на красивую девушку!.. Не будет же она

каждый раз говорить об этом маме!

Сеанс закончился, зажёгся свет, и мои соседки, вместе с потоком, вышли из зала. Дина ещё раз оглянулась, и наши взгляды встретились. Для Беллы я так и остался незамеченным. Они ушли!.. Вышел и я на улицу.

Сейчас не могу вспомнить, какие чувства овладели мною в те минуты: огорчение или какая-то непонятная радость...

Шёл я домой, не спеша, – мысли мои полностью были заняты этой случайной встречей. А ведь у меня было странное, непонятное предчувствие чего-то интересного – вот почему я себе места не находил!.. Почему носился, как одержимый!.. Почему вдруг решил пойти в кино!..

Сопоставив свои непреднамеренные невольные действия, я пришёл к выводу, что всё это совершал не я, а какая-то непонятная сила, которая толкала меня.... А может быть, всё это случайное... До сих пор не могу ответить на эти вопросы. Многое человеку не дано понять...

Теперь хочу вернуться к событиям двадцатилетней давности. Тогда, пожалуй, станет ясно, почему эта случайная встреча, хотя и половинчатая, односторонняя – я видел Беллу, а она меня так и не заметила – оставила в моей душе неизгладимый след.

Глава вторая

Расставание

В большом, довольно растянутом вдоль левого берега реки Кудьял-Чая посёлке Красная Слобода жили и теперь живут исключительно одни горские евреи – мои соотечественники. Говорят, раньше здесь проживало тысяч восемнадцать и того больше горских евреев. А позже их становилось всё меньше и меньше: в поисках работы и куска хлеба люди разъехались, кто в Баку, кто в Дербент, а в последние десятилетия – в Израиль и в Америку.

Здесь тогда царили, да и теперь царят почти домостроевские нравы. Девушки и парни не имели права встречаться, поговорить, решать свои проблемы. Родители

сами решали за них, за кого выдать дочь, или на ком жениться сыну. В редких, исключительных случаях желания родителей и молодых совпадали, и тогда совершались счастливые браки, без слёз и сцен. Исключением из общепринятого правила могли быть встречи молодёжи на свадьбах и обручениях, где бойкие парни приглашали девушек даже танцевать, а те не отказывали.

Если девушку и парня (не дай бог!) видели в каком-нибудь укромном уголке или переулке вместе, на другой день об этом знали все, и начинались пересуды. Говорили не только то, что видели и слышали непосредственно, но ещё больше, чего вовсе не было. Так было даже в 30-х, и в 40-х годах.

В 1938 году я работал старшим пионервожатым в новой, только что построенной, школе посёлка, а учился в то же время в русском секторе Кубинской интернациональной школы. (Районный городок Куба расположен на правом берегу реки Кудьял-Чай). Тогда и начались мои особые отношения с одной из учениц седьмого класса, по имени Белла. Долгое время я присматривался к ней молча, украдкой, так, чтобы она этого не замечала.

Любопытно было то, что моё равнодушие к ней она почувствовала ещё до того, как в одной маленькой записочке я дал ей об этом знать.

С ребятами своего класса, с молодыми учителями школы она разговаривала, шутила нормально, смеялась от всей души. А как дело доходило до меня, сразу лицо её покрывалось румянцем, она теряла самообладание, не находила, что сказать, как ответить, на лице появлялась чуть заметная застенчивая улыбка.

Особых свиданий у нас не было по уже известной причине. Наши встречи были случайными, коротенькими. Встречались мы, когда она шла в школу или со школы домой... А когда она окончила школу, т.е. 7 класс (школа была семилетняя), вовсе стало трудно встречаться. Я иногда

ходил туда, где женщины брали воду у старого моста, и мы только обменивались взглядами...

Так прошло два года, и, чем дальше, тем сильнее я влюблялся в неё, а она с каждым днём становилась всё краше и краше. Наконец, я решил, что это моя судьба, что именно она станет в будущем моей женой.

За это время я окончил среднюю школу, получил повестку на службу в армию, отправка должна была состояться 24 апреля 1941 года.

Я, через её подругу Моргол, которая была хорошо осведомлена о наших отношениях, известил Беллу о своем призыве, просил прийти проститься и поговорить о чем-то очень важном. 23 апреля, вечером, когда порядочно стемнело, на пустыре, недалеко от её дома и состоялась наша единственная, заранее назначенная встреча.

Она пришла, хотя я не был уверен, что придет...

Ночь была теплая и лунная. Темно-синее небо усеяно множеством ярких звёзд. Я ещё издали увидел Беллу. Она шла очень быстро, а по мере приближения ко мне немного замедлила ход и, наконец, мы встали рядом; я заметил, что мы почти одного роста. Мы оба будто лишились языка... Несмотря на то, что я несколько раз мысленно повторял всё, что я должен был ей сказать при этой долгожданной встрече, теперь я не знал, с чего начать, что ей сказать...

Наконец, я посмотрел на звёздное небо и растерянно сказал, что ночь для нашей встречи выдалась прекрасная!.. Она молчала. Потом мои мозги словно нашли своё исконное место, и я неуверенно взял её за руку. Она не стала сопротивляться. Я начал с того, что очень люблю её, выразил свои опасения, что за два года дядя может выдать её за другого. Пользуясь небольшой паузой, она прервала мой «монолог» и шёпотом сказала, что будет ждать, пока мой срок службы не кончится, что ни за кого замуж не пойдёт (у нее ни отца, ни матери не было, жила она у дяди – брата отца). Я сказал, что буду писать ей часто, однако Белла попросила писем не писать, так как они могут попасть в дядины руки... Её ладонь была ещё в моих руках: она её и не пыталась отнимать. Я слегка привлёк Беллу к

себе, осторожно прижал к своей груди и крепко, нежно, с чувством поцеловал...

— Уже поздно! — сказала она, — меня будут искать. Я лучше пойду. Поверь моему слову... Я буду ждать, во что бы то ни стало!.. А если захотят насильно выдать меня за кого-то, я уйду к твоей маме, и буду прятаться у неё. При этих словах, к моему изумлению, она неожиданно отняла свою руку, которую я не очень сильно держал. Затем приблизила своё лицо к моему и поцеловала так, как обычно взрослые целуют своих детей, и выпорхнула... Это было сделано так быстро, что я не успел всё это сразу осмыслить. Этот поцелуй показался мне убедительнее всяких многословных обещаний... Она ушла, не оглядываясь... Я проводил её на расстоянии, пока она не дошла до своей калитки, и направился домой.

Но я не шёл, а, можно сказать, летел... Я не замечал людей, которые шли навстречу, и не заметил, как оказался дома. Разыскав свой небольшой чемоданчик, уложил свои вещи: пару белья, мыло, полотенце, носовые платки, несколько тетрадей, карандаш, иголку с нитками, и ещё не помню, что... Ровно в девять утра мы с моей мамой пришли в военкомат. Команда была большая. Только из нашего посёлка отправляли человек пятнадцать. Такого набора ещё никогда не было.

Провожаящие стояли и ждали. Наконец, нас отделили и построили в одну шеренгу. Подошёл небольшой автобус, но прежде, чем войти в него, я ещё раз посмотрел туда, где стояла моя мать, улыбнулся ей, и вдруг, о чудо!..

Неужели и она здесь?! Среди провожающих я увидел Беллу, стоящую рядом с подругой, которая провожала своего брата. Я поднял руку в знак приветствия и благодарности, поднёс руку к губам. Она это видела.

Мы заняли свои места, и автобус тронулся...

Вот мы и расстались, по нашему предположению, на два года... «Ну, что же!.. Срок небольшой. Два года пролетят незаметно!» Так думал я, так думала и она.

Однако, пути Господни, говорят, неисповедимы!.. Судить мы, смертные, можем лишь о минувшем, а будущее

нам непостижимо.

Теперь о том, что произошло в посёлке Красная Слобода после моего отъезда, как сложилась девичья жизнь Беллы, какие непредвиденные обстоятельства повлияли на неё и заставили невольно менять свои убеждения, и как судьба распорядилась дальше.

Глава третья

Война. Потери...

Дни летели быстро, проходили недели, месяцы. Но вдруг, нежданно-негаданно наступили суровые и тревожные дни войны. Конечно, и в Красную Слободу доходили отзвуки войны. Жили люди, как на пороховой бочке: вот-вот, не сегодня, так завтра призовут и пошлют на смерть и тех, кто по каким-то причинам получил отсрочку. Ещё сильнее волновались те, чьи сыновья, мужья, братья уже воевали. Никаких писем ни от кого не было, только извещения — похоронки, которые приходили довольно часто. Люди с нетерпением ждали почтальона, но подходить к нему боялись, чтобы вместо письма он не дал похоронку...

Был на исходе злополучный 41-й, наступал грозный 42-й... Не могу судить о том, что чувствовала, и о чём думала в эти тревожные дни Белла... Ведь война вовсе в наши планы не входила...

Позже я всё узнал. Пока Белле не исполнилось семнадцать, было тихо.... И вдруг, как будто, сговорившись, женихи начали засылать сватов.

Прошло ещё шесть месяцев. Она была непоколебима и верна данному обету. Впрочем, причина была известна всем: в нашем посёлке секреты долго не держались — все знали о том, что Белла дала слово мне и ждёт...

Здесь неожиданно вмешалось ещё одно обстоятельство, которое наложило на события свой веский отпечаток и внесло свою корректуру.

Весной 1942 года мы стояли под Харьковом. Ожидались ожесточённые бои за город, занятый немцами.

У меня был фронтовой друг, младший сержант Федоровский. С ним у меня был уговор: если меня убьют, то он сообщает домой самую правду о том, как и где убит, где похоронен. И наоборот... Я дал ему адрес не матери, а моего товарища Анатолия, чтобы тот не сразу, а постепенно подготовил мою мать, и лишь после этого сообщил ей о моей гибели.

Федоровский в майское окружение не попал: он тогда лежал в санчасти. Когда он выписался, всё уже было кончено. Наши попытки прорваться из «кольца» не увенчались успехом, и я, тяжелораненый, попал в плен. Федоровский, считая, что я убит, и, согласно нашему уговору, немедленно написал Анатолию. (Федоровский погиб в ноябре 43-го при взятии Киева. Об этом я узнал из письма его матери в августе 45-го).

В августе 42-го года из Баку в Слободку приехал солидный жених, что бы засватать хорошую девушку. Порядочный и богатый парень остановил свой выбор на Белле. Но она отказала и ему. Но он не отставал. Ждал. Несколько раз приезжал и уезжал, но всё тщетно...

Письма в те дни с фронта и на фронт не шли, однако письмо Федоровского, как это ни странно (это, действительно, судьба!..), всё же нашло Анатолия. Это случилось как раз в те дни, когда бакинский жених ждал, а все окружающие пытались уговорить Беллу.

Анатолий был женат на сестре Беллы, позвав её к себе домой, он показал письмо моего фронтового товарища. Девушка сразу не поверила, думая, что это подделка, но потом, убедившись, что письмо подлинное, серьёзно

задумалась и заколебалась. А когда Бакинский жених привез своих родителей прямо к ней домой, чтобы просить ее руки (что у нас бывало очень редко), то дядя, сёстры и все родственники начали ее уговаривать. Они убеждали ее, что «такого хорошего парня упускать нельзя», что «тот, кого она ждёт, никогда не вернётся», мол, «нечего губить свою молодую жизнь зря...», и она не устояла... правда со слезами, но всё же согласилась... Тут же немедленно пошли дорогие подарки, затем малое обручение, а очень скоро и большое... Всё это, однако, сопровождалось переживаниями и тихим плачем...

Итак, моя любимая уже обручена, ждёт свадьбы. Что же, дело житейское!.. Как говорится, «и невеста на месте, и жених молодец!». Дай бог молодым любви и счастья!

В октябре состоялась и свадьба. Беллу увезли в Баку. Всё было нормально: муж оказался и состоятельным, и порядочным, в ней души не чаял (позже всё это мне рассказала ее сестра – жена Анатолия).

Я же, в эти самые дни только что бежал из немецкого лагеря и, после долгих скитаний по деревням и хуторам Украины, нашёл приют в одной захолустной сельской больнице, где меня и подлечили немного.

Прошёл ещё год. Я уже служил в своей армии, воевал за освобождение Украины и Молдавии. А за всё время ни одного письма из дома!.. Я ничего не знал о своей любимой, продолжал пребывать в блаженном неведении, всё ещё надеясь, уже строил планы на будущее...

...В августе 43-го был снова ранен, попал в госпиталь, но тогда я ещё не мог знать, что для меня война уже закончена.

Скоро из Тулчинского госпиталя был эвакуирован в Баку. Меня начали навещать родные и близкие знакомые, земляки - студенты, обучающиеся в Баку. В информации недостатка не было: я уже знал всё в общих чертах и понял, что Белла для меня потеряна навсегда!..

Было бы чудом, если она ещё ждала. Конечно, ждать

четыре года во время такой войны человека, которого, может быть, и в живых давно нет, не получая никаких писем вообще, да ещё прочитав это злополучное письмо Федоровского, – было бы уму непостижимо... Я считал, что она поступила правильно, и от всей души пожелал ей счастья, и я успокоился, сваливая всю вину на войну и на свою судьбу (*гисмэт*).

Но вот я уже и дома. Вокруг меня собрались старые товарищи, они не давали мне скучать. Приятно было услышать от моей матери, что дважды приходила к ней одна, по её словам, очень красивая девушка, спрашивала обо мне, и нет ли от меня писем. Девушка успокаивала мать, говорила: «Бог даст, он вернется».

Мать, конечно, догадывалась о ее чувствах, обнимала и целовала её. Она уходила только после того, как убирала её комнаты, мыла посуду, и они вместе пили чай. Всё это, разумеется, было до её обручения. Что же, спасибо и на этом!.. Это ещё раз говорило о том, что она обо мне думала серьёзно и любила меня.

Прошёл ещё год. Я познакомился с девушкой из эвакуированных евреев. Ходили мы вместе с ней в город (*а галә*), в кино, в театр, поднимались на гору (*а сүрт*), гуляли по нашим полям и лесам, и мы полюбили друг друга.

Это была прекрасная и милая девушка – Шева Володарская, которую война застала на первом курсе исторического факультета Одесского Педагогического Института, а теперь она работала преподавателем истории, географии и немецкого языка – в той самой школе, где я работал до войны.

В 1947 году мы с Шевой поженились.

Однако пора закончить начатый мною рассказ. Речь пойдёт о нашей случайной встрече в Баку с той самой девушкой по имени Белла. Это произошло через двадцать лет после незабываемой апрельской ночи 1941 года.

Глава четвертая

Встреча и разлука

Закончилась моя сессия. Я сдал государственные экзамены, получил диплом — плод многолетних моих трудов, и, наконец, настало время поехать домой, увидеть жену и детей, которых я не видел целый месяц.

Было воскресенье. Никаких забот серьёзных у меня уже не было. Ходил по центральной части города Баку, делал кое-какие недорогие покупки для детей на те гроши, которые ещё остались в кармане. Потом решил взять билет на автобус на следующий день.

Я шёл на автовокзал по узенькому тротуару. Было очень жарко, асфальт прямо плавился под ногами. На улице ни одной души. Вдруг, из одних ворот вышла женщина и направилась навстречу. Я её ещё издали узнал — это была Белла. Когда мы оказались лицом к лицу, оба встали, как

вкопанные, начали пристально глядеть друг на друга.

– Ты?.. – она нарушила молчание, – на лице появилась характерная для неё застенчивая улыбка.

– Да, это я. Мне очень приятно, что ты меня узнала. Для меня это немалое утешение.

– Какими судьбами на нашей улице? Куда идёшь?

– Мне надо на автовокзал за билетом. Я целый месяц в Баку. Завтра еду домой. А ты здесь живёшь с октября 42-го года?..

– Ты даже помнишь и месяц?..

– Я помню и число. Тебя увезли 16 октября...

– Да, так и было.... Почему мы стоим на улице! – сказала она, будто опомнившись вдруг. – Зайдём к нам. Вот наша квартира... в этом дворе. Угощу тебя чаем, поговорим о днях минувших.

– Я опаздываю, – соврал я. – Как-нибудь в другой раз...

– Нет, нет, зайдешь! Ты должен зайти! Кто знает, будет ли ещё «другой раз»!.. Неужели, встретившись через двадцать лет, прямо у моей квартиры, не зайдешь, хотя бы посмотреть, где и как я живу... Или всё ещё сердисься? Напрасно... Я должна тебе рассказать очень многое.

Я согласился, мы зашли в дом. Она сразу начала возиться с чаем.

Потом расспросила меня о моей семье и, к моему немалому удивлению, называя всех моих домочадцев по именам:

– Как Шева, как Аня, Ира, и ещё кто у тебя есть? Я всё время спрашивала о тебе кубинских родственников и знакомых...

Наконец, чай был подан, и я спросил:

– А где же сам хозяин? Если он зайдёт и увидит тебя с чужим человеком, не будет тебе никаких упрёков?

– Нет, нет... Об этом не надо беспокоиться. Мне он верит вполне, и о нас он знает всё. Сейчас он в Москве.

Немного помолчав, она добавила:

– Ты будто удивился, что я узнала тебя, сказал, что это для тебя немалое «утешение». В этих словах я уловила упрёк, но я не заслуживаю такого упрёка. Видно, многого

ты ещё не знаешь, милый... Слушай, я расскажу тебе всё по порядку...

– Нет, нет, дорогая, это не упрёк. Я, действительно, был рад, что ты узнала меня через много лет, несмотря на изменения, которые внесли время и война. Я тоже тебя не сразу узнал. Ведь совсем недавно мы с тобой сидели очень близко и смотрели фильм, и Дина была с тобой. Она мне и подсказала, что это ты...

– Откуда ты Дину знаешь, – удивлённо спросила Белла, – как она могла тебе подсказать?

– Ты очень изменилась, – объяснил я, – похорошела, немного пополнела. А Дина сейчас очень напоминает тебя – ту шестнадцатилетнюю девушку, которая дала слово ждать меня. А что её зовут Диной, я узнал от тебя. Там же, в кино ты не раз обращалась к ней.

Потом она начала было рассказывать мне о самом главном, о том, что всё это, мол, от бога, судьба (*гисмат*). Она собиралась обо всём рассказать подробно, но я прервал её рассказ, говоря:

– Не надо об этом, я всё знаю и тебя не осуждаю. Ты поступила правильно и не могла бы иначе. Это, действительно, судьба. Останемся друзьями...

Дина всё это время была дома, и, попросив у матери разрешение, пошла к подруге. Теперь, оставшись наедине с Беллой, как и тогда, во время прощания, снова мы оба словно лишились дара речи, но на этот раз я быстро нашёлся и напомнил ей о наших первых коротеньких встречах и о единственном прощальном свидании, смеясь над нашей юношеской робостью. Лицо у моей собеседницы стало серьёзное, она не смеялась и даже ни разу не улыбнулась. Мне показалось, что она немного бледна, бледнее, чем в начале встречи.

– Как ты приняла весть о моём возвращении? – спросил я ее, как бы, между прочим.

– Сразу, конечно, я была безмерно рада за тебя, – сказала она, после небольшого молчания, – потом мне стало очень грустно и обидно, что судьба так зло подшутила над нами. Некоторое время я себе места не находила. Ну, потом,

постепенно успокоилась... Что же делать?..

– Ведь и я частично виновен, – ответил я, – зачем мне нужен был этот глупый уговор... это письмо, которое Анатолий тебе показал, и оно стало, думаю, решающим!..

– Да... Не будь этого письма, я ждала бы до конца войны, быть может, и дальше, – сказала она не без сожаления, и, после небольшой паузы, застенчиво улыбаясь, спросила:

– За все эти годы ты обо мне вспоминал, хотя, я понимаю, не до этого тебе было?..

И я рассказал ей всю правду:

– В самые трудные моменты я больше всего думал о матери и о тебе. Твоё лицо всегда стояло перед моими глазами...

У Беллы на глазах появились слезы. Да. Мы, действительно, прощались, но на этот раз гораздо дольше и поиному, чем двадцать лет назад. Оно и понятно: ведь тогда мы расставались всего на два года, чтобы потом соединиться навсегда. А сегодня мы прощались на всю оставшуюся часть жизни. Мы оба прослезились. Наконец, сознавая, что и прощание, как всё на свете, должно иметь конец, я ещё раз пристально посмотрел в её влажные глаза, повернулся, вышел и направился в сторону автовокзала. Пройдя полквартила, я оглянулся назад. Она стояла возле своей калитки и смотрела вслед. Я кивнул ей и ушёл, уже не оглядываясь... Вот и вся наша незавидная история любви, которую помнят двое: я и она. Никому я об этом никогда не рассказывал. Думаю, и она тоже. Прошло еще тридцать шесть лет. Не знаю, жива ли она... Ей теперь семьдесят два. Если ничего чрезвычайного не произошло, она, конечно, живёт в окружении своих потомков.

Пройдёт ещё несколько лет. Ни её, ни меня уже не будет, и всей этой истории словно и не было вовсе... А я, уже надломленный, больной, без родины, без языка и гражданства, сижу и жду, когда окончательно иссякнут ещё оставшиеся силы, когда чужой краснозём примет меня в свои объятия...

*Савелий Лазаревич (Рафоиль-Севи) Нисимов –
заслуженный учитель Аз.ССР, ветеран ВОВ.
США, город Сильвер Спринг. Май 1997 г.*

*Фото из семейного архива
Нисиповых, их учеников и
соплеменников.*

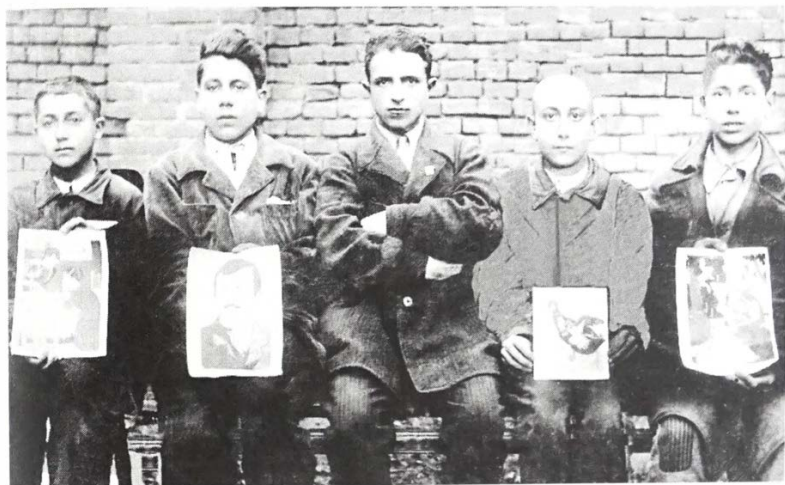

Рахиль Юсуф Шими в центре. Фото из семейного альбома Шамаиловых из США. 1920-30 годы. Красная Слобода.

КРАСНАЯ СЛОБОДА, КУБА, АЗЕРБАЙДЖАН.
УНИКАЛЬНАЯ ФОТОГРАФИЯ 1932 Г. ИЗ АРХИВА
СЕМЬИ ШЕВЫ ЛЬВОВНЫ И САВЕЛИЯ ЛАЗАРЕ-
ВИЧА НИСИМОВЫХ. НА ФОТО, ДЕТИ ВПОСЛЕД-
СТВИИ СТАВШИЕ, ЗАСЛУЖЕННЫМИ УЧИТЕЛЯ-
МИ АЗЕРБАЙДЖАНА И УЧАСТНИКАМИ ВОВ С 1941
ПО 1945 ГОД. ВСПОМНИМ ИХ ПОИМЕННО!

Учитель (в центре) с талантливыми детьми 10-12-ти летнем возрасте, во дворе школы Красной Слободы (г.Куба, Аз.ССР) слева направо:

1.Рафоиль Сэви-Савелий Лазаревич Нисимов, в будущем будет писать картины, и преподавать в школе Красной Слободы Кубинского района.

2.Дон Хаимович Сасунов, в будущем будет преподавать школе города Дивичи Аз.ССР.

4.Захар Хаимович Исаков – известный художник и педагог, будет преподавать в школе Красной Слободы Кубинского района.

5.Шаулов Сион-Синкэ будет преподавать в школе Красной Слободы, а затем станет начальником Аэропорта Кубинского района.

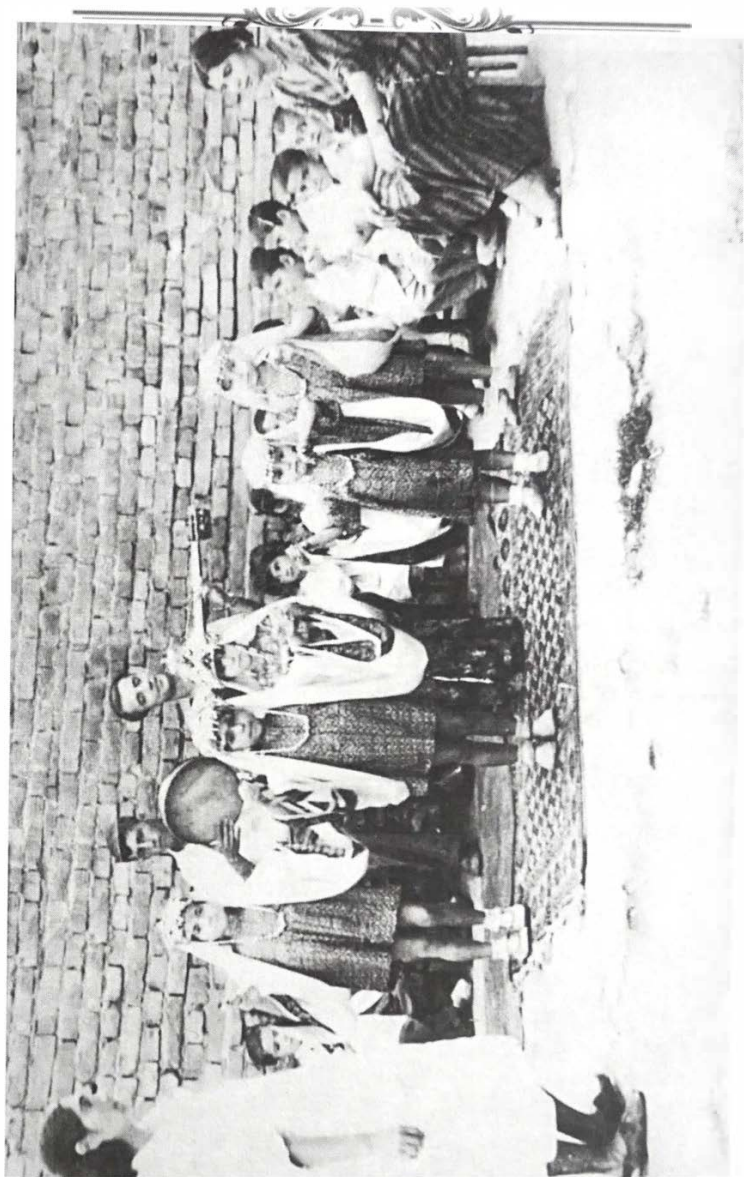
Школа для горских евреев (губзи). Азербайджан, город Куба, начала 19 века.

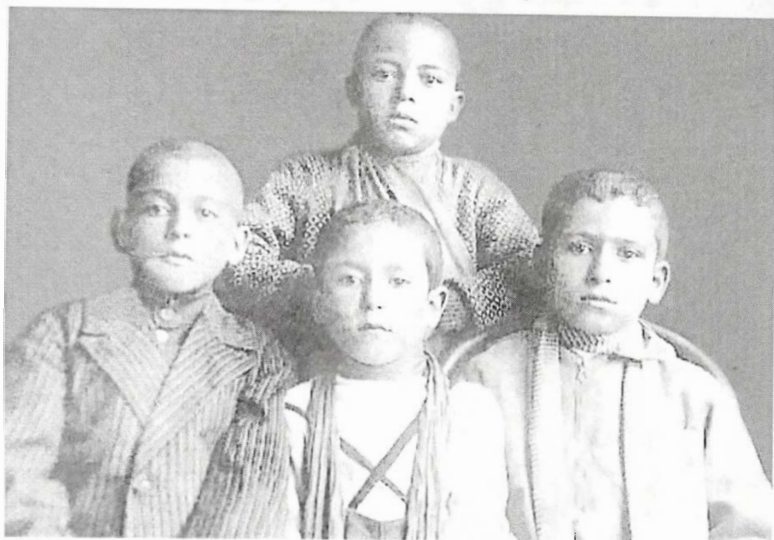
Фото посвящено десятилетию Кубинской горско-еврейской драматической группе 1920-1932 г. Еврейская - Красная Слобода. 1932 год.

Средняя школа Красной Слободы. 2.ряд с лева направо: Авшаломов Авшалом Захарьяевич, 1922 г. рождения. Участник ВОВ гвардии лейтенант, 91 гвардейского полка в 1942 г. пропал без вести (фото Зоов Ильягуевой-Зоелей Габии из Акко-Израиль) 1932 год.

Праздник в детском саду (двор купца Асафа Агабабаева). Слева воспитательница Гумай; справа заведующая детсадом Роза - Рахиль (Плашадкеи) Шальмиева; на таре играет Симон (дядя Терезы Елизаровой); танцуют: 1-3; 4. Михаль (сестра доктора Зорика; 5. Тэйло Илизарова-Ефимова, (Это фото от нее.). Куба, Красная 1951-1952 год.

*Сидят: Биньке Абрамов, Лазар Агабабаев, Хананил Абрам.
Стоит: Йовушва Абрамов. Красная Слобода. 1940 год.*

*Юные ковроткачи: 1.Гагай маълумэ; 2.Гулчимен;
3.Довро; стоят: 1.Хаимова Шунамит; 2.Милько; 6.Беръё.
Фото от Хаимовой Шунамит; Красная Слобода. 1946 год.*

**УНИКАЛЬНАЯ ФОТОГРАФИЯ ИЗ АРХИВА
ШАМАЕВА РАШПИЛЯ ШАМАЕВИЧА.
КРАСНАЯ СЛОБОДА 1948-1949 ГОД.**

На фото ученики VI класса в первом ряду слева направо сидят: 1. Авнил ... (почтовый работник, семья живет в Махачкале); 2. Рашибил Шамаев – (педагог англ. языка, член Союза писателей Израйля и Азербайджана (Нью-Йорк); 3. Пинхас Ифраимов – педагог, поэт, был председателем поселкового Совета и директор ср. школы; 4. Юсиф Мардахаев – строитель (семья в Израиле). Во втором ряду сидят: 1. Таня ... (семья в Израиле); 2. Пурим Авиалумова – медсестра, затем председателем поселкового Совета; 2. Эстер-Малка Давидова – работала инженером, она сестра, жена, мать профессора (живет в Израиле); 4. Ильханан Ильязуев – педагог математики; 5. Шамаил Пардилов – математик; 6. Шарафаддин... – литератор; 7. Сипро Амилова – (живет в Израиле); 8. Хибо Ильязуева – супруга математика Мататья Ильязуева - брата Ильханана), (семья в Израиле). В третьем ряду стоят: 1. Хананья... – раб. бригадиром на заводе в г. Кубе, (семья в Израиле). 2. Беньямин Пардилов – инженер на железной дороге (семья в Туле). 3. Авиалум Авиалумов – инженер, живёт в Тель-Авиве. 4. Асад ... – из села Дигах колхозник. 5. Фазил-Борис ... из села Дигах. 1949 г.

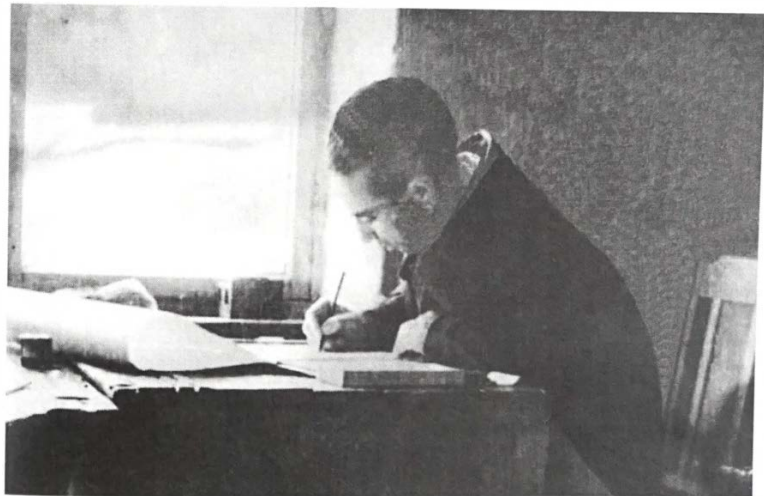
Рустам Абрамов: «Я знаю, что на этом фото в первом ряду, третий слева мой дедушка - Шолум Юшваевич Абрамов, окончил среднюю школу в Красной Слободе, потом поступил в Бакинское мореходное училище. Фото 1947-1948 г. Красная Слобода.

V класс ср. школы. Шева Львовна Нисимова в центре второй ряд слева: 2. Дон Симандуев; 3. Асеева Ася; 6. Рувинов Юсуф. 1948 год.

Савелий Лазаревич Нисимов оформляет школьную «Настенную газету». Красная Слобода. 1946 год.

Савелий Нисимов за работой над методическими статьями по преподаванию русского языка в Азербайджане и учебников для учащихся с первого до четвертого класса – «Русский язык не в русской школе», «Учебник для учащихся 1–3 класса», 1950–60 год.

**УНИКАЛЬНОЕ ФОТО 1947-1948 ГОДА ИЗ
АРХИВА АНТОНА АГАРУНОВА, НА ФОНЕ
БЫВШЕЙ СИНАГОГИ «ГЫЛЬГОТИ», КОТОРАЯ
ДЕЙСТВОВАЛА ДО 1920 ГОДА. КРАСНАЯ
СЛОБОДА. КУБА.**

На фото ученики IV-"Б" класса Средней школы Красной Слободы 1946-1947 года. В первом ряду слева направо: 1.Билхо Якубова; 2.Илишо Баазова; 3.дочь директора школы Норунж Симандуева; 4.Гузель Изъягуева; 5.Симон Гиладов.

Во второй ряду: 1.Юсуф Юсуфов; 2.Турунж Гилилова; 3.Уриль Симандуев - директор школы; 4.Гилиль Исаков – учитель; 5.Маня Агарунова; 6.Антон Агарунов.

В третьем ряду: 1.Мэтэтий Саадияев; 2.Шамолэ Ёнатаев; 3.Борис Яшаев; 4.Сэлум Изъягуев; 5.Шуркэ Беньягуев; 6.Рафик Шальмиев (кук Роза-Ряхиль плашадкеи).

Учителя Слободы. 1 ряд: 2 слева Ильханон Ильягуев; 2. ряд справа Шева Львовна Нисимова и Рувин Рувинов. Куба 1946 год.

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА ОТ ЭСТЭР АГАЕВОЙ.

На фото 1945 года от Эстэр Агаевой во втором ряду в центре пятая слева направо ее мама – Шаулова Бриллиант Ошировна, родилась в 1934 г. (Бриллиант со стороны мамы - духтэр Бирор Нувах, а со стороны отца - духтэр Ошир Хаим). Красная Слобода.

В центре 2-го ряда: Симанду бен Зоволу Биньяминов, в 3-ем ряду директор Талхум Авишатумов с коллективом учителей и учениками VIII-класса школы Красной Слободы. 1949-1950 учебный год.

В верхнем ряду слева пятый Симанду Биньяминов, шестой Оврум Мишиев с одноклассниками VI-класса средней школы Красной Слободы. 1947-48 год.

На фото ученики V-"А" класса Средней школы Красной Слободы. В первом ряду слева Симанду бен Зоволу Биньяминов; в центре второго ряда слева направо педагоги - Гилиль Исаков, Шева Львовна Нисимова. Во втором ряду слева направо крайний: Антон Агарунов. Фото 1946-1947 года.

На фото. В верхнем ряду слева первая Шаулова Бриллиант Ошировна с одноклассницами. Красная Слобода. 1946-1947 год.

**САВЕЛИЙ ЛАЗАРЕВИЧ И ШЕВА ЛЬВОВНА НИСИМОВЫ
ВО ВРЕМЯ РАБОТЫ В ЧЕРКАССАХ (УКРАИНА) 1949-52 г.**

Учителя Черкасской ср. школы рабочей молодежи. 1949 год.

*Супруги Нисимовы – Савелий и Шева с дочкой с коллегами
и учениками. Украина. Черкассы 1950-1951 год.*

С.Л.Нисимов с учениками 1 кл. школы №4. Черкассы, 1950 г.

Супруги Савелий Лазаревич и Шева Львовна Нисимовы с коллегами и учениками VII-го выпускного класса Черкасской школы рабочей молодежи. Украина. Черкассы, 1952 год.

Супруги Савелий и Шева Нисимовы с дочерьми Анной и Ириной (на фото в центре). Куба, 1953 год.

Шева Львовна с дочкой Анной во дворе школы. 1953 год.

Супруги Савелий и Шева с дочкой Ириной на фоне Ханукавской библиотеки и Сельсовета. Красная Слобода, 1954 год.

Супруги Савелий и Шева на фоне панорамы Еврейской - Красной Слободы. Город Куба – Галэ, 1956 год.

У класс Савелий Лазаревич Нисимов сидит во втором ряду справа, слева коллега Колесникова Тоня. 1956 год.

1.ряд: 1..; 2.Агабабаева Света; 3.Тамара Аишурова; 4.Исай Ильгуев; 5.Илюша сын Симхо; 6.Хонум; 7.Юрик Гуршумов; 2.ряд Ильгуев Илханан; Хия Аширович Бадалов; супруги Ш.Л. и С.Л.Нисимовы; Шаулов Синкэ; 3.ряд Мишкэ Тальхум Аснат; Ханукаев Вова; Изик куж Миир.

Шева Львовна Нисимова и Мэтэтийо Ильягуев с учениками старших классов. Красная Слобода, 1956 год.

Савелий Нисимов сидит у берега Кудиял-чая. Слобода, 1957 год.

12-ый выпуск учеников Средней школы. 2 ряд сверху, слева второй С.Л.Нисимов, снизу слева: 2.Натан Саадияев.

1.Савелий Нисимов с коллегами, 2.Талхум Авишалулов – директор Средней школы Красной Слободы, 3.Дон Симандуев – завуч школы. город Куба. 1957-1958 год.

Анастасия Васильевна и Савелий Лазаревич с первоклашками. В верхнем ряду справа 3.Зорик Рабаев; 4.Юра Шамаилов. 8.Маня Давидова; 2.ряд слева сверху 2. Илишаев Победа-Юсуф. Фото от Зорика Рабаева. Красная Слобода. 1954 год.

Средняя школа Красной Слободы, 3-ый класс. 1.ряд справа: 1.; 2.; 3.Гюли Рувинова; 4.Лиза; 5.Раичка Симандуева; 2.ряд слева: 1.; 2.Зорик Рабаев; 3.; 4.Савелий Лазаревич; 5.Анастасия Васильевна. 3.ряд слева: 1.; 2.Шурик кук Ихил-Севи; 3.Маня Давидова; 4.ряд слева: 1.Юрик Шамаилов. 1957 год.

Учителя школы («Белая») Красной Слободы в верхнем ряду: Савелий Лазаревич, Хия Аширович, Дон маълум, Мататиё Бинсионович, Год Симандуев, Шева Львовна, Аслан маълум-директор, Мухлинина (Нахни), Сусана маълума с учениками 5-го класса. 2.ряд снизу: 1...;2...;3...; Гюли Юсуфова; 4...; 5.Нина; 6.Лиза Агабабаева.; 7.Раичка Симандуева; 8.Октябрина. в 4 ряду: 1.Зорик Рабаев; 2...; 3.Лазарь Нисимов; 4.Юра Шамашлов, 10. Маня Давидова. 1958 год.

С.Нисимов, Т.Авшалумов с первоклассниками. Куба, 1958 г.

В третьем ряду учителя Катя, Мэтэтийо Ильягуев, Савелий Лазаревич Шева Львовна Нисимовы. 1958 год.

На новогодней ёлке, в первом ряду: 4.Шева Львовна и 6. ее дочь Ирина; во втором ряду, 3.Юли, 4.Раичка Симандуева. Красная Слобода. 1957 год.

Слева Ирина Нисимова у воспитательницы на коленях на Новогоднем празднике в детском саду. Г.Куба. 1958 год.

Савелий Лазаревич Нисимов с коллегами и учениками VI-го класса Средней школы Красной Слободы. Куба, 1958 год.

В первом ряду 1. Аня Нисимова; в третьем ряду 3.Шева и 4.Савелий Нисимовы, 5. Катя-учительница. Красная Слобода, 1959 год.

Савелий Лазаревич и Шева Львовна среди учеников. 1959 г.

Шева и Савелий Нисимовы с дочерьми Ириной и Анной.

Савелий Лазаревич и Полина Михайловна с учениками V-го класса Средней школы Красной Слободы, 1951-1952 год.

Савелий Нисимов у знаменитой Кубинской лестнице, г.Куба.

Савелий и Шева Нисимовы у знаменитой лестницы.

Учителя – Калерия Жужгина и Савелий Лазаревич Нисимов с учениками младших классов, в верхнем ряду 6.Михаль Пинхасова, слева от Калерии, Аня Нисимова, во втором ряду слева 2.Гриша Абрамов. В первом ряду, 4.слева Юмту кук Ихил мѣлѣм.

Первый ряд – Мишиев Рафик, Юсуфов Захар; второй ряд – Давидова Дина, Шабатаева Малина, Мэржон, Шаулова Лариса, Агабабаев Нувах, Базов Лазарь, Шаулов Славик, Лазарев Семик; третий ряд – Галяева Наташа, Ильягуева Флора, Юсуфова Елизавета, учителя IV-го класса Полина М. Лазарева, Захар Х. Исаков и..?, Ирина Нисимова, Нурилова Мария, Шамаева Валя; четвертый ряд – Вова Гуришумов, Лия, Урилова Надя, Мардахавя Настя Гуришумов Алик, Якубова Флора, Рахамимова Мира, Шамарияев Валерий, Лиза, Альберт Давидов. Красная Слобода. Куба, 1964 год.

Ирина Нисимова, Дина Давидова у реки. Красная Слобода, 1968 год.

1 ряд: 1. Тамара; 2...; 3. Славик Шаулов (гэдэж Синкэ); 4. Зоволу; 5...; 2 ряд: 1. Лия Абрамова (д. Кумэк); 2. Мира Рахамимова (д. Сэви суртвэги); 3. Елизавет Юсуфова (д. Бирорлэ эн Сафу); 4. Вова Гуришумов (Бэбэж Хунэ дохтир); 5. Надя Урилова; 6. Света Юсуфова (духтэр Сунэ). 3-ряд: 1. Ира Нисимова (д. Рафоил Севи); 2. Лариса Шаулова (д. Шоул дохтир); 3. Талхум Пинхасов; 4. Сара Натановна; 5. Суин. Сэйлумович Ифраимов. 6. Флора Якубова (д. Якуб мэх, лүм); 7. Захар Юсуфов. 4-ряд: 1. Рафик Мишиев (Блат. Гэдэж Сүн Шэмэж); 2. Настя Мардахаева (духтэр Гагэж мэх, лүм); 3. Славик Изгияев; 4. Пинхас Шаулов; 5. Мерчон; 6. Анатолий Иссахаров; 7. Рафик Евдаев (гэдэж Пижоз хур), 1 класс. 1960 год.

СЛАВНАЯ, ТВОРЧЕСКАЯ СЕМЬЯ ДИНАСТИИ САВЕЛИЯ ЛАЗАРЕВИЧА – РАФОИЛЬ-СЕВИ НИСИМОВА!

Савелий Лазаревич ведет урок литературы в классе. 1970 г.

САВЕЛИЙ ЛАЗАРЕВИЧ НИСИМОВ С ДРУЗЬЯМИ.

Савелий Лазаревич (слева) с земляком на отдыхе в Азербайджане в санатории «Исти-Су» 1980 год.

Савелий Лазаревич с друзьями на празднике Первомая.

Савелий Лазаревич; Якубов Якуб; Бирор мæъ,лум учитель английского языка. Красная Слобода, 1980 год.

Савелий Лазаревич Нисимов с коллегами на курсах усовершенствования учителей в городе Баку. 1961 год.

Овроом Севи, Савелий Нисимов и его зять Юрий Шамаилов.

Средняя школа Красной Слободы. 1981 г. Савелий Лазревич Нисимов (стоит), справа Талхум Азарьяев в учительской.

Савелий Лазревич и Зияд мәнлүм с молодыми учителями.

Савелий Лазаревич Нисимов и Юзик-Ифтах Исакович Михайлов, сын тётки Любы в саду около дома за чаем. Поселок Красная Слобода. 1970 год.

Савелий Лазаревич с внучкой Викторией. Куба, 1980 год.

Савелий Лазаревич Нисимов с правнучкой Анечкой.

**РОДНЫЕ, ЛЮБИМЫЕ, КОЛЛЕГИ И УЧЕНИКИ
САВЕЛИЯ ЛАЗАРЕВИЧА - РАФОИЛЬ СЕВИ
НИСИМОВА**

Шева Нисимова. Гилил брат.Савелия. Люба сестра Савелия.

Справа Шева Львовна Володарская с подругой. Черкассы, 1940 г.

Шева Львовна Нисимова с колегами по работе на прогулке.

Первый ряд: Валя Шамаева; Лариса Шаулова; Флора Ильягуева; Малина Шабатаева. Второй ряд: Давидова Дина; Юсуфова Елизавета; Ирина Нисимова. Хкласс 1970 г.

Одноклассники: первый ряд Авнир Давидов; Вова Гуришумов; Ира Нисимова; Захар Юсуфов; второй ряд: Лариса Шаулова; Флора Ильягуева. Хайфа, 2005 год.

Ирина Нисимова в 10 кл. Ирина с детьми Рафаэлем и Викой.

Савелий Лазаревич Нисимов с дочерью Анной.

Савелий Нисимов со своими внуками – детьми Анны.

Супруги Юрий и Ирина Шамаиловы с дочерью Викторией.

Ирина с детьми в гостях у Самойловых – Сони и Бориса.

Мира Нисимова.

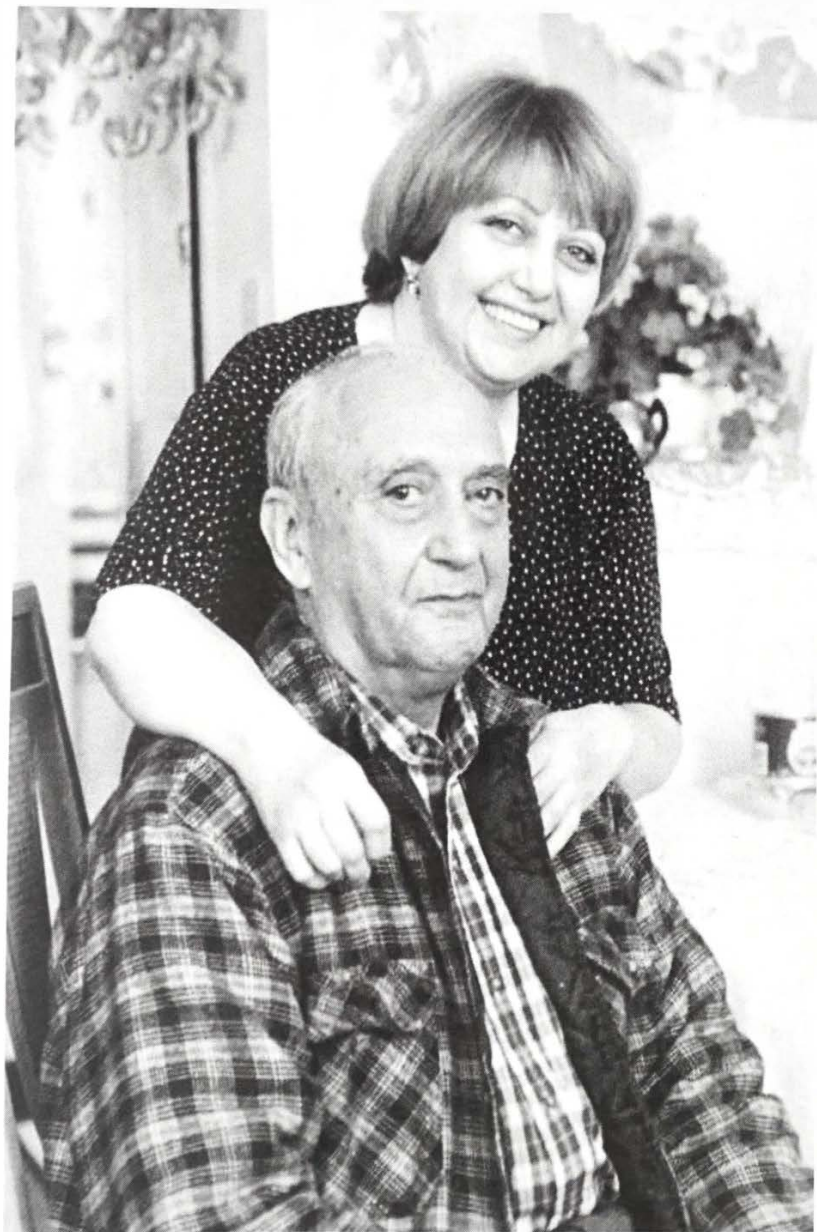
Супруги Мира и Володя Ашуровы.

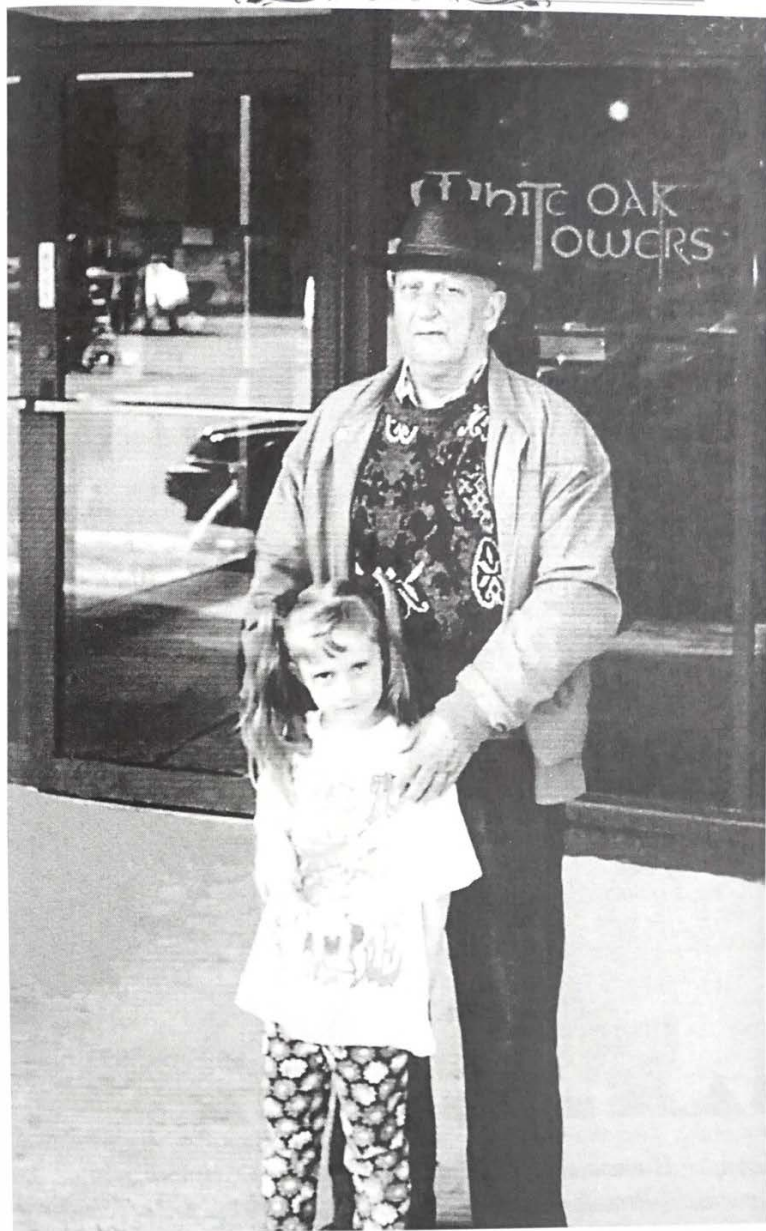
1. На фото Хананил Абрамов с Лидой, перед службой в армии, 1955 год.
2. На втором фото Анна Мардахай Овроом, Лиди и Хананил Абрамов с дочерьми – Аллой, Светланой и ...? Красная Слобода. 1959 год.

Савелий Лазаревич с внучкой Викторией. Красная Слобода, 1980 г.

Савелий Лазаревич Нисимов с дочерью Сарой.

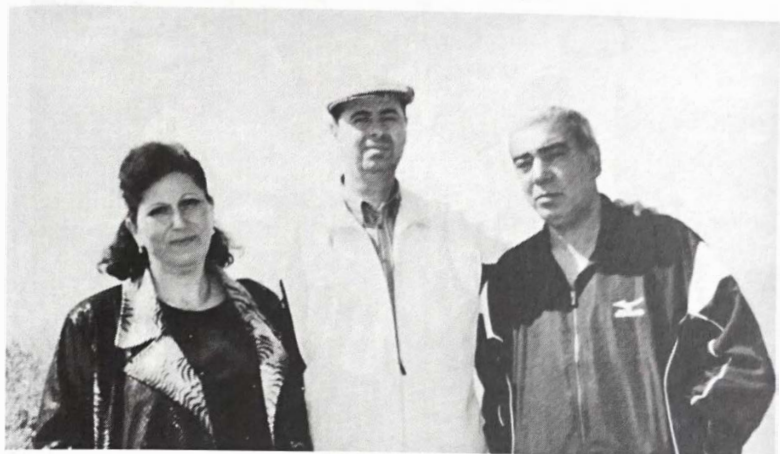
Савелий Лазаревич Нисимов с правнучкой Анечкой.

Супруги Анна и Георгий Агароновы в кругу семьи.

Сестры Нисимовы со своими мужьями – Ирина, Анна, с внучкой Анечкой, Сара и Соня; Юрий, Георгий с (сыном) Левой, Рафаэль, Саша и Борис.

Встреча одноклассников через 30 лет в Натани. Рахамимова Мира, Гуришумов Вова, Мишиев Рафик. Израиль 2002 г.

Встреча одноклассников в Москве 2003 г. 1-ый ряд: Мишиевы Рафик и Нина, Ира Нисимова, Мира Рахамимова; 2 ряд: Захар Юсуфов; Алик Гуришумов; Вова Гуришумов. Россия.

*Ирина Нисимова – Шамаилова со своими одноклассниками
Вовой Гуришумовым и Валерием Шамарьяев – Ханукаевым.*

*Слева направо стоят: Фрида Юсуфова, Ирина Нисимова,
Валерий Шамарьяев-Ханукаев, Алик Гуришумов, Захар
Юсуфов, Вава Гуришумов. Москва, октябрь, 2010 год.*

Супруги Борис и Соня Самойловы с сыновьями.

Дети Миры и Володи Ашуриковых – Диана с супругом Самиром, Павел с супругой Сабинной и Шева с супругом Рамилем, во время посещения города Кубы. На фото - панорама Красной Слободы. Куба, 2011 год.

ФОТОМАТЕРИАЛЫ КОЛЛЕГ, УЧЕНИКОВ, РОДНЫХ, И БЫВШИХ УЧАЩИХСЯ ШКОЛ КРАСНОЙ СЛОБОДЫ.

ФОТО ОТ ЭММЫ МАРДАХАЕВНЫ ШАЛЬМИЕВОЙ -
АГАРУНОВОЙ БЫВШЕЙ ЖИТЕЛЬНИЦЫ КРАСНОЙ
СЛОБОДЫ. КУБА, 1951 ГОД.

На фото в первом ряду: 1.Алик Хананьяев; 2.Зоя нэвэй
Пинхас Довид; 3.Ханум Симандуева; 4.Мэлкэ Симандуева;
5.Софа; 6.Соня; 7.Юсуф Юсуфов. Во втором ряду: 1.Света
Агабабаева; 2.Изик Шаулов; 3.Савелий Лазаревич; 4.Полина
Михайловна; 5.Илюша Агарунов; 6.Юра Самойлов; 7.Исай
Ильягуев. В третьем ряду 1....2. Тамара Беньяминова;
3.Миша Беньяминов; 4.Эмма Шальмиева; 5.Шумин
Шуминов; 6.Бела Ильягуева; 7.Ефим Агарунов. В
четвертом ряду: 1.Борис; 2.Яангиль; 3.Вова Ханукаев;
4.Лиля; 5.Юра Гуршумов; 6.Белла Давидова; 7.Ифраим
Ифраимов; 8.Евда Евдаев; Красная Слобода. 1951 год.

На виньетке Средняя школа Красной Слободы. 3.слева в верхнем ряду: Эмма Шальмиева; в центре Савелий Лазаревич Нисимов. 1959 год.

1.ряд слева на права: Алик Ильхананов; Лазарь Нисимов; Вова Ханукаев. 2.ряд: 1.Исай; 2.Юсуф Юсуфов; 3.Зоя нэвэй Пинхас Дов-ид; 4.Мэлкэ Симандуева; 5.Изик Шаулов; 6.Илюша Беньяминов; 7.Ефим Агарунов; 8.Белла Ильягуева. 3.ряд: 1.Эмма Шальмиева; 2.Света Агабабаева; 3.Борис-вожатый; 4.Полина Михайловна; 5.Дон Симандуев; 6.Юра Самойлов; 7.Миша Беньяминов; 8.Тамара Беньяминова. 4.ряд: 1.Хонум Симандуева; 2.Лиля; 3.Евдо Евдаев; 4.Ифраим Ифраимов; 5.Юра Гуришумов. Куба, 1955 год.

ФОТО ОТ НУВАХОВА МАРДАХАЯ МЕНАШИРОВИ- ЧА БЫВШЕГО ЖИТЕЛЯ КРАСНОЙ СЛОБОДЫ.

На фото ученики VI класса, слева направо в первом ряду сидят: 1. Рафаиль Евдаев; 2. Илиизир; 3. Давид; 4. Ливго Биньяминова; 5. Рахель Зарбайлова; 6... Во втором ряду сидят: 1. Ханух Агарунов; 2. Зарбойль; 3. Хануко Исаков; 4. Мардахай Нувахов; 5. Рафаиль Исаков. В третьем ряду: 1. Тэйло Ильягуева; 2. дир. Талхум Авшалумов; 3. уч. истории - Ихиш Шамашов; 4. математик - Дон Симандуев; 5. Сона мæълумæ Хава Биньяминова. Четвертый ряд. 1.; 2. Миши Якубов, 3. Юва Якубов; 4. Анатолий Ифраимов; 5. Ифишь Шабатаев; 6. Рамбом; 7. Зоволун. Красная Слобода. 1956 год.

1. ряд: Паша Алекперов; Миши Якубов; Бенсион Мардахаев – уч.; Рафаэль Рахимов; Авшалум Сидгияев; Яшаев Данилхай. 2. ряд. Нувахов Мардахай; Ягутиль Хаимов; Анатолий Ифраимов. Начало учебного года, Х кл., 1958 г.

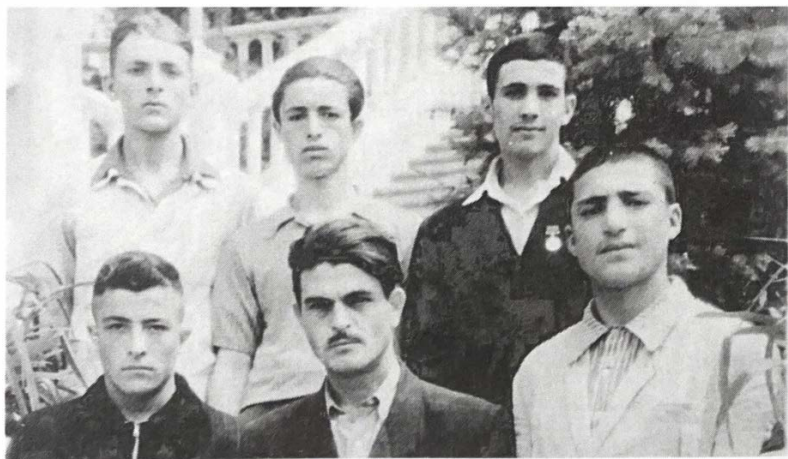
На виньетке коллектив учителей и учеников средней школы Красной Слободы. В верхнем ряду 4. Нувахов Мардахай. 1958-1959 г.

1.учитель Бинсион Мардахаев; 2.Ягутиль Хаимов; 3.Миши Якубов; 4.Алекперов Паша; 5.Мардахай Нувахов, 6. Рафазль Евдаев, 7.Рафоиль Рахамимов, 8.Авишалул Сидгияев; 9.Яшаев Данилхай; 10.Гоназов Баба. 9 кл. на практике. Красная Слобода. 1957-58 г.

Ученики IX-класса Средней школы Красной Слободы. В 1.ряду сидят: 1.Мардехай Нувахов; 2.Мирзамамедов (из села Мирзамедкента). 3.Фарзалив; 4.Яшаев Данилхай; 5.Хануко Исаков; 6.Якуб Якубов; Во 2. ряду: 1.Рафоиль Рахамимов.2.Миши Якубов; 3.Бенсион Мардахаев педагог по химии и биологии; 4.Ибрагим Айдаев (из с.Хиналыг); 5.Ягутиль Хаимов. В 3.ряду: 1.Аня Авшалумова; 2.Хивит Исакова; 3.Рахиль Зарбаилова; 4.Исраилова Поля; 5.Ливго Биньяминова; 6.Фарида Газыханова; 7.Соня Исраилова. В 4.ряду: 1. Анатолий Ифраимов; 2.Зарбоиль Рахамимов; 3.Маликмамедов; 4.Баба Гонагов. 1957-1958 год. Город Куба.

Друзья у знаменитой лестнице Кубы. В первом ряду: 1.Ибрагим Айдаев (из с.Хиналыг); 2. Алимамед Шафиев – педагог литературы; 3.Мардахай Нувахов; Во второй ряду: 1.Данил Яшаев; 2.Анатолий Ифраимов; 3.Рафаэль Евдаев.

Ученики IX-класса Средней школы Красной Слободы. В первом ряду сидят: 1.Мардахай Нувахов; 2.Зарбоиль Рахамимов; 3.Ибрагим Айдаев (из села Хиналыг); 4.Анатолий Ифраимов; 5.Якуб Якубов; 6.Рафаэль Евдаев. Во втором ряду сидят: 1.Авишалум Сидгияев; 2.Миши Ягубов; 3.Ливго Биньяминова; 4.Исраилова Поля; 5.Маликмамедов; 6.Ягутиль Хаимов. В третьем ряду сидят: 1.Яшаев Данилхай; 2.Фарида Газыханова; 3.Аня Ашалумова; 4.Рахиль Зарбаилова; 5.Хивит Исакова; 6.Соня Исраилова. В четвертом ряду: 1.Фарзалив; 2.Адил Мехтиеv – педагог; 3.Мария Асияева – педагог; 4.Дон Симандуев – педагог; 5.Алимаммед Шафиев – педагог. Пятый ряд: 1.Баба Гонагов; 2.Мирзамамедов (из села Мирзамедкента); 3.Аслан Гулиев – директор школы; 4.Хануко Исаков; 5.Рафоиль Рахамимов. Красная Слобода, 1957-1958 год. Город Куба, Азербайджан.

Мардахай Нувахов и Ариэль Илизаров на знаменитой кубинской лестнице.

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА ФРИДЫ ЮСУФОВОЙ.

Бакинские и слободские дети на летних каникулах в Красной Слободе. На берегу реки «Кудиял-чай» сидят: Зина, Ира, Лейла Имранова, Фрида и Милана Юсуфовой, Марик, Дильяра Исакова-Исмаилова. 1978-79 год.

В водах реки «Кудиял-чай», плещутся – Милана и Валера Юсуфовы, Рома Хаимов, братья – Марик и Эмиль, девочки – Лейла, Дильяра и Ира..

**ФОТО ОТ ТЭЙЛО-ТАНИ ИЛИЗАРОВОЙ-ЕФИМОВОЙ
ДОЧЕРИ ЗНАМЕНИТОГО ХАНУКО-ХАПУ И
ВНУЧКИ МЭЛКЭ ГЭИШ. ГЕРМАНИЯ.**

На фото в нижнем ряду третья справа Таня Илизарова с учителями и одноклассниками школы Красной Слободы.

На фото в верхнем ряду третья слева Таня Илизарова с учителями и одноклассниками школы Красной Слободы.

МОНОЛИТНАЯ СЕМЬЯ АГАБАБАЕВЫХ

Дети семьи Асафа Агабабаева – 1.Милько; 2.Томоти; 3.Ярухом; 4.Яф-Ихиил; 5.Шимту; 6.Назхонум; 7.Хагило. Красная Слобода. 1940

Первый ряд слева направо: 2.Бол (прислуга); 3.Лиди; 4.Зина; 5.Славик; 6.Лазарь; 7.Мишке. Второй ряд: 1.Батцион и Милих; 2.Ихити; 5.Мазан Милько; Третий ряд; 1.Батцион; 2; 3;4; 5; 6; 7.Милько; четвертый ряд:1; 2; 3; 4; 5; 6; 7.Ифре-им; Ихити. 1949 г.

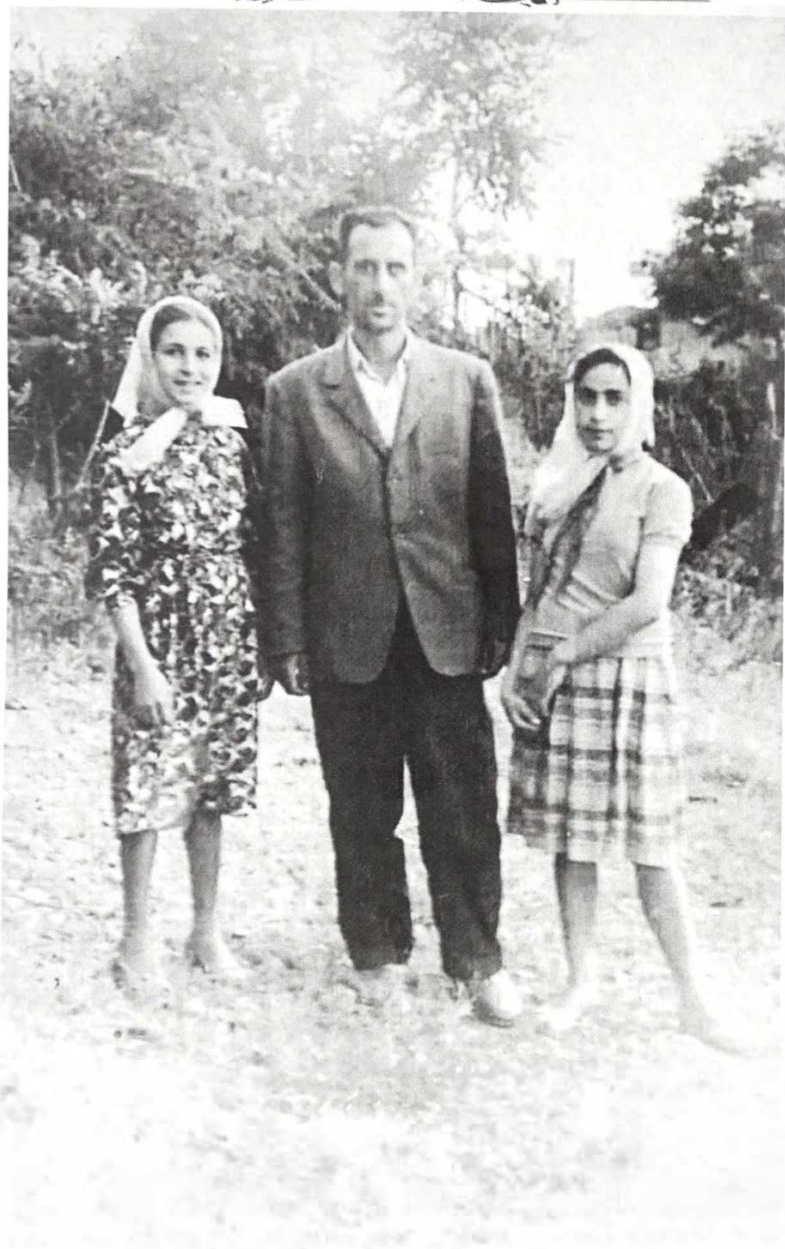
В первом ряду сын и мать: Хануко-Хану и Мэлькэ Гэиш Илизаровы. Во втором ряду: Батзоов с сыном Лазарем-Илизиром; Шифро с маленькой Тэйло Илизаровой-Ефимовой; соседка Хава с сестрой; Брильянт с дочкой Светой. Верхний ряд соседи: 1.; 2.Маруся; 3.Мазанту, 4.Тури. Красная Слобода., 1951 год.

На фото: Мардахай Рафои́л Илиизир; Мэлькэ Гэиш; двое — зурначио. Малыш Хануко-Хану пяти-шести лет. 1938 год.

Семья Мэлькэ Гэиш. Стоят: Зоя, Шифро старшая дочь от первого брака, Пурим Крими, Яхити Агабабаева, Батзоов — невестка Мэлькэ Гаши, Лида Агабабаева — дочь Яхити. Сидят: Алочка, Хануко, Мэлькэ Гэиш и Славик сын Яхити. 1948 г.

На фото слева Таня Илизарова, с учителем – Борисом Юсуфовым, и Эммой Агабабаевой. Красная Слобода, Куба.

На фото Иосиф Ефимов и Таня-Тэйло Илизарова. Куба. 1967 г.

На фото учителя: Израйлов Гилил и Калерия Жужгина; в центре Тanya-Тэйло Илизарова. Виньетка учеников третьего класса средней школы Красной Слободы. 1958 г.

Милько Давидова, Гюльбике, Илизабет, Света, Довро-Света Данилова, Гадель. Ученицы во время летней практики на колхозном поле. Красная Слобода. Куба. 1958–60 годы.

ФОТО ПРЕДОСТАВИЛИ ИСРАИЛОВЫ ИРИТ И ЗАХАР.

Исраилов Гилил заслуженный учитель Азербайджана.

*На фото в центре: Исраилов Гиллil заслуженный учитель
Азербайджана с учениками школы Красной Слободы.*

*Педагоги из Красной Слободы Исраилов Гиллil и Нисимов
Савелий с коллегами при подписании неизвестного догово-
ра. Город Куба, Азербайджан.*

ПРАЗДНОВАНИЕ ДНЯ ПОБЕДЫ В КУБЕ. 9 МАЯ.

Учителя Исраилов Гилил и Нисимов Савелий с коллегами и учениками школ Красной Слободы в городе Кубе на открытии памятника посвященному Дню Победы 9 Мая 1945 г.

Многие из этих учеников в будущем прославят свою общину.

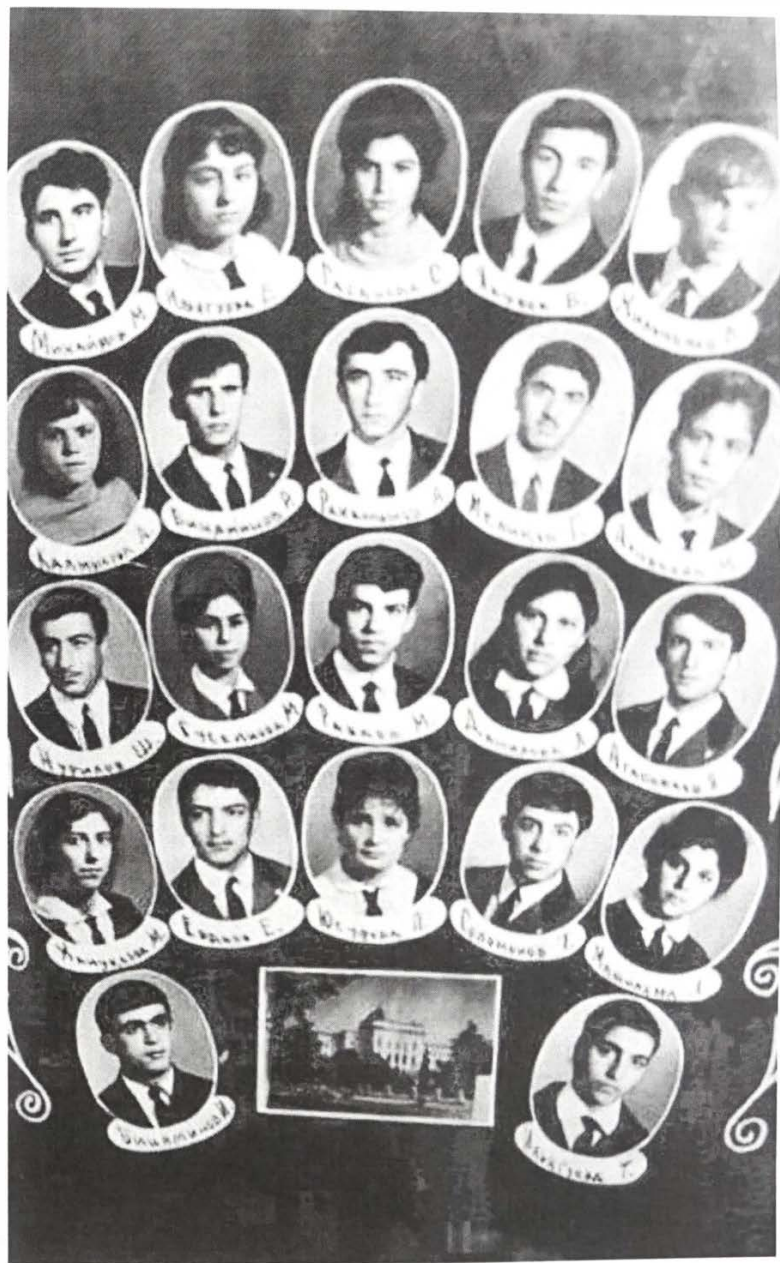
На фото, среди учеников член Союза журналистов Азербайджана - Рашибль Хагаевич Захарьяев и музыкант, певец, член Союза писателей Азербайдж. и Израиля - Эльдар Пинхасович Гуришумов.

1.ряд: слева направо: 5.Тури Гуришумова. 2.ряд: учителя: 4.Рувин Рувин-ов математик; 5.Ихон Асипов, учитель географии. 3.ряд: 2.Ягуб; 3.Си-он; 4.Рашибил Захарьяев; 6.Мардахай; 7.Рамбом Ягубов; 8.Бинсион; 9.Эльдар-Евдо Гуришумов; 10.Хануко Гуришумов Куба, 1955-1956 год.

Средняя школа. Красной Слободы. V-ый выпуск,
X-ый класс. Куба, 1967-1968 год.

XI-выпуск средней школы Красной Слободы. Т. Я.Пинхасов, Н.Авдьяев, Р.Ш.Шамаев со своими коллегами 1973-1974 г.

На виньетке выпускники средней школы Красной Слободы. Фото от Марал Пинхасовой она верхнем ряду в центре

Монолитная семья Талхума Янгиловича Пинхасова. На фото стоят: братья Севи-Саша и Яков; сидят: слева направо: Джейран, Фарида, Мая и ее дочь Сабина, Серьё, Талхум, Эстэр, Марал, Рейхан. Красная Слобода. 1973-74 г.

Подружки из Красной Слободы – Авшалумова Света, Пинхасова Михал, Пинхасова Дина, Шаулова Маня.

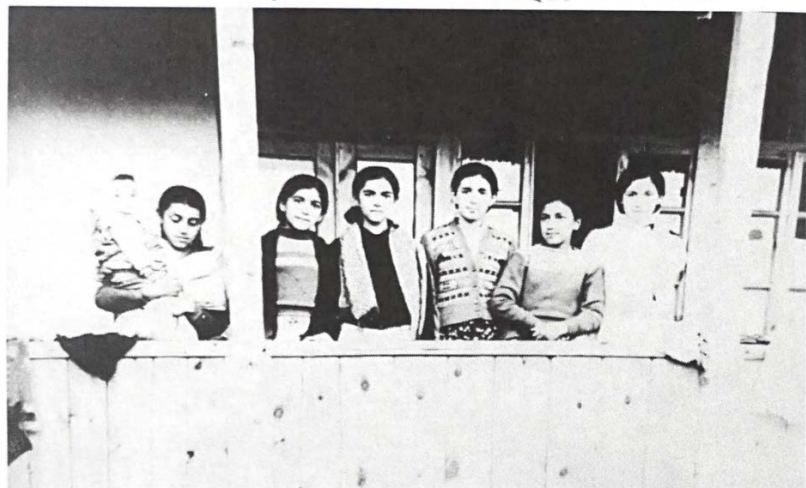
Марал и Михал – дочки Талхума Янгиловича Пинхасова.

*В первом ряду справа налево: 1.; 2. Хисибо-Бася Давидова;
3. Марал Пинхасова. Красная Слобода. Первый класс. 1964 г.*

*В третьем ряду справа налево 1. Хисибо - Бася Давидова;
3. Марал Пинхасова. Красная Слобода. 2-ой класс. 1965 г.*

На фото веранда доктора Шаула Шаулова, слева направо: Аня Нисимова с Мирой на руках – дочери Савелия Лазаревича; Михал Пинхасова-дочь Талхума Янгиловича; Маня Шаулова; Хибо Урилова; Оля Шаулова; Света Данилова. 1961 г.

На фото подруги-одноклассницы, стоят: Аня Нисимова, Маня Шаулова, Светлана Данилова; Сидят: Оля Шаулова, Михал Пинхасова, Рахиль Самойлова. 1959 год.

Во втором ряду: слева направо Аня Нисимова; Хайм важатый; директор Тэлхум Янгилович Пинхасов; Сара Натановна; Суин Сэйлумович Ифраимов; Михал Пинхасова.

ФОТО ОТ ДЖОВОИЛЬ И ПОБЕДЫ-ЮСУФА ХУДАТАТОВЫХ УЧЕНИКОВ ШКОЛЫ КРАСНОЙ СЛОБОДЫ.

На фото 1 класс средней школы Красной Слободы. Во втором ряду слева, подруги: 1. Джовоиль и 2. Соня Сасунова. 1957 год.

На фото 2 класс средней школы Красной Слободы подру-
ги: 1. Джовоиль и 2. Соня Сасунова. 1958-1959 год.

3 класс школы Слободы. 1.ряд слева направо: 1.Зоя; 2., 3.Соня Сасунова; 4.Лидя; 5.Джовоиль. 2.ряд: 1.Мария; 2.Ливго; 3.Рашибиль Шаулов; 4.Эльмира; 5. Тэйло. 3 ряд: 1.Хайка, 2., 3., 4.Мэлькетю; 5.Сион; 6.Аня. 4.ряд: 1., 2.Ярхом; 3.Гуришум; 4.Мике; 5.Симон; 6.Шомоиль.1960 год.

На фото 4 класс средней школы Красной Слободы. Во первом ряду справа, подруги: 1.Ярхом; 2.Джовоиль; 3.Гуришум. 4.педагог Мэлькетю; 5.Рашибиль; 6.Мария; 7.Миикэ. 2.ряд справа: 1.Саркэ; 2.Зоя; 3.Шамайль; 4.; 5.; 6.Симон; 7.Эльмира; 8.Ливго. 1958 год.

4-ый класс средней школы Красной Слободы. На фото в верхнем ряду: 2.Илишаев Победа-Юсуф (в будущем супруг Джовоиль) – одноклассник Зорика Рабаева и Юры Шамаилова. Город Куба.

Второй класс школы Красной Слободы. Первый ряд: 1.Зорик, 2.Биньямин; 3.Фикрет; 4.Айдын; 5.Тельман. Второй ряд: 1. ; 2. ; 3.Регина; 4. Светлана; 5.педагог – Фарида Арифовна; 6. Полина; 7. Эльхам. Третий ряд: 2.Самира; 3.Ки-фает; 4.Яшар; 5.Соня; 6.Людмила; 7.Рантик; 8.Октай; 9.Лейла; 10.Рома. 1987 год.

1. На виньетке XI выпуск учеников восьмилетней Средней школы Красной Слободы с преподавателями и директорами школы – Б.Юсуфовым, М. Нафталиевым и Т.Авшалмовым. 1973-74 год.

II. На фото виньетки выпускники 8 класса Средней школы Красной Слободы. Фото от Аси Билаловой из Акко, она во втором ряду снизу, вторая справа. Город Куба. 1973-1974 г.

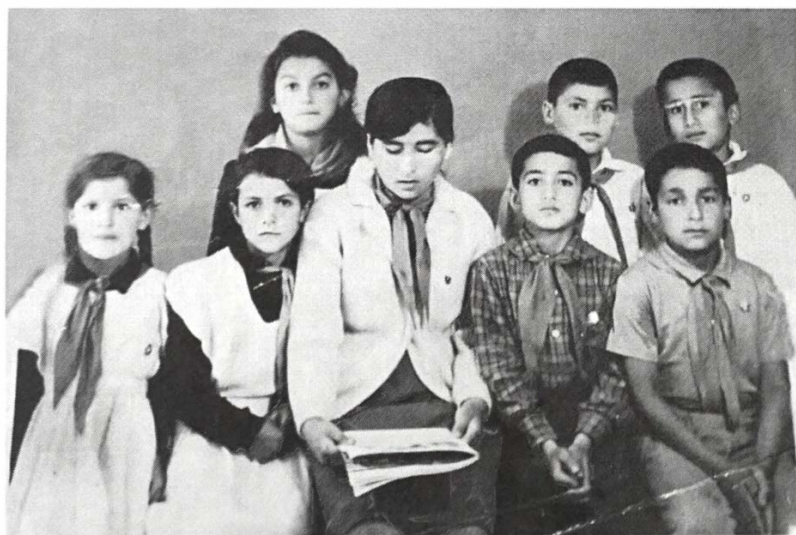
ФОТО ОТ БЕСИ-БАТЦИОН АБРАМОВОЙ – ПЕДАГОГА
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ИЗ КРАСНОЙ СЛОБОДЫ.

Батцион Абрамова – с одноклассниками. Красная Слобода.

Батцион Абрамова – со своими учениками.

Пионервожатая Батцион Абрамова – среди учеников.

Содержание

От родных, друзей, коллег, учеников...

Чувство принадлежности к своему народу Ф.Юсуфова ...	5
Имена преподавателей Красной Слободы 1930-1975	10
Эз јор ни вадарав. Ш.Агарунов.....	13
Әри Рафоил-Сәви Нисимов. Н.Саадьяев.....	17
Учитель. Р.Ш.Шамаев.....	20
Никогда не забывайте своих учителей! П.Абрамов.....	23
Навсегда в моём сердце. Н.Нисимов.....	24
Ничто не забыто. Р.Исраилова.....	26
Ürəklərdə qığılçımı məşələ çeviren insan.Й.Симандуев	30
С.Л.Нисимов.Э.Шальмиева-Агарунова.....	36
Предисловие. Ирина Нисимова-Шамаилова.....	38
Слово о Фриде. Ирина Нисимова-Шамаилова.....	50

Незабываемые сороктрудные годы

Сороктрудные военные годы.....	55
Еду служить в Красной Армии	57
Бэбэ Нисон.....	60
Война началась	61
Боевое крещение	63
О самолетах	65
На боевом охранении (в секрете).....	67
О неотвратимости судьбы.....	69
О том, как Степа хотел спастись от смерти	71
Снова на боевом охранении.....	73
Еще одно неудачное наступление.....	75
Трагическая весна 1942 года	79
Итак, я в плену у немцев	82
Концентрационный лагерь – "Лазарет"	86
Бегство из ада. Егор Прохоров	90

В больницу – «богадельню»	97
Без наркоза и без ножа	98
В новой палате. Конец одиночества	101
На работу в колгосп (колхоз)	103
Новые скитания	106
Марийка	113
Еще одна моя, последняя, квартира	115
Я – снова в строю	121
Первый раз в разведку	123
Неразорванный снаряд	125
Как солдат хотел выйти из войны	125
Саша Сорокин и его вещий сон	126
Встреча с Юхимом	128
Необычайное происшествие	129
История с табаком	133
«Уборка» урожая фруктов	136
Яско-Кишиневский котел	136
Тульчинский госпиталь. Палата № 11	138
В родные края	143
Вместо эпилога	148

Двадцать лет спустя. Повесть 155

Глава первая. Случайность или	155
Глава вторая. Расставание	157
Глава третья. Война. Потери	161
Глава четвертая. Встреча и разлука	165

Фото из семейного архива Нусиловых их учеников и соплеменников..... 167-262

Содержание.....263

Савелий Лазаревич (Рафоиль-Севи) Нисимов (23.02.1922 - 08.03.1999) – художник, прозаик, публицист по призванию – педагог по профессии. Родился в поселке Красная Слобода Кубинского района Азербайджанской республики.

Окончил педагогический институт в городе Баку. Более пятидесяти лет преподавал русский язык и литературу в школах поселка Красная Слобода города Кубы.

Савелий Лазаревич Нисимов – составитель методических статей по преподаванию русского языка в Азербайджане и учебников для учащихся с первого до четвертого класса – «Русский язык в не русской школе», «Учебник для учащихся 1–3 класса».

Он был автором ряда статей в Нью-Йоркской общинной газете «Бюллетень Шалом», автор повестей «Незабываемые сорок трудные годы» и «Двадцать лет спустя». С.Л.Нисимов за воспитательную и преподавательскую деятельность был награжден значком «Знак Почета», орденом Трудового Красного знамени, «Отличник просвещения СССР» и «Заслуженный учитель Азербайджанской Республики». В 1995 году с семьей эмигрировал в Вашингтон (США).